

Виктория Осадчая

Я сама тебя
объюрала

Annotation

Рима-импульсивная, непостоянная, любительница попадать в приключения. И чаще всего это происходит не по ее воле. Так случается и в этот раз, когда в небольшом городке начинает орудовать серийный убийца, а девушка как всегда оказывается в центре событий. Ещё этот противный и суровый вдовец Даниил Волков, который не даёт сосредоточиться на деле. Неужели он как-то замешан? Это и предстоит выяснить девушке.

Виктория Осадчая
Я сама тебя выбрала

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРО НЕУДАЧНЫЕ ДНИ И ЗАДАНИЕ СОБОЙ ВАЖНОСТИ

“Развеселая пора,

Тридцать градусов жара

Пора на море, на море пора...” — звучал на волнах радио голос Алексея Воробьева. Как же он был прав, а самое главное было то, что на море меня никто не пускал. Шеф сказал “Хватит, повидала в прошлом году Мессинский пролив и теперь можешь садить свою задницу назад в кресло и работать”. Конечно, выразился он более лаконично, но смысл был именно таким. После нескольких дней, проведенных с Алисой настроение было хорошим, пока этот гаденыш белобрысый не испортил его своей чудо-песней. Мол, кукуйте дураки в городе, вкальывайте как ломовые лошадки.

Должна заметить, что ряды сотрудников редакции очень поредели, даже порядком. В соцсетях то и дело видишь обновления фотографий. Один на пляже загорает, другая попивает коктейль ядерно-зеленого цвета на фоне ссутулившихся пальм, а третья вообще снег нашла в такую жару, где-то в Карпатах осваивает лыжи. Одна я такая дуручка. Не хрен было портить отношения с шефом.

А тут история была старая как мир. Служебный роман.

Когда это началось? О! Тот день я помню очень хорошо, даже слишком. Ну, во-первых, я безбожно опаздывала, а если учесть, что начальником у меня была старая бездетная гримза, которая за каждый прокол снимала штраф с зарплаты, то это означало лишусь я новых туфелек, которые присмотрела несколько дней назад на витрине одной из модных лавочек.

Летела я однако на своих десяти сантиметровых шпильках не хуже, чем эфиопский спринтер, сбивая все на своём пути. Одним из пострадавших оказался мужик, выходящий из кафе с непочатым стаканчиком свежего кофе. Через мгновение оно осталось на его рубашке расплзаться безобразным коричневым пятном. Ах, какая же я молодец!

— Девушка, — возмутился мужик, который на поверку оказался типом с приятнейшей внешностью, — Вы смотрите куда летите.

Да и ещё выдержка какая! Я бы давно обматерила всеми трёхэтажными нецензурными словечками, что имела в запасе. Пока делала дипломку, такого узнала! ООО! Я просто выбрала тему «История русского мата». Вот хоть убей, хотелось мне и все произвести впечатление. И ведь получилось же!

Но возвращусь к питерской интеллигенции. А что? Этого мужика я как-то сразу раскусила, и парочку «добротных» на бегу ему обранила, чтобы неповадно было кидаться под ноги спешащим девицам. И вот, всего через каких-то десять минут, я перелетая через ступени, заскакиваю в дверь редакции, где мне мило улыбается Гоша, сидящий на, как это модно сейчас называется, стойке «ресепшн».

— Шеф сказала свистать всех наверх, — по пути попадаетесь несущаяся на второй этаж взволнованная толпушка. Фух, неужели пронесло и получать будем все скопом. Не начнет же она меня парафинить при всей редакции. Хотя с этой прошмандовки старой станется. Я кинула Гоше сумочку на сохранение, извлекая сначала блокнот и ручку, чтобы не выглядеть опоздавшей. Отдышалась и марш за всеми. Не думала, что так подфартит.

— О! Пиманова! Не ожидала тебя в столь раннее время лицезреть в своём кабинете, — даже в толпе она разглядела мою скромную персону. Видимо, амбициозность моя посылает какие-то совсем неправильные флюиды.

— И Вам, доброе утро, Наталья Павловна! — натянула я миролюбивую улыбку.

— Ну, что ж, туниядцы, раз все здесь, хочу Вам представить этого человека, — я не сразу заметила сидящего в кресле у противоположной стены с отсутствующим видом мужчину. И да, того самого, которого я умудрилась менее двадцати минут назад облить его же кофе. Рубашку он сменил, это хорошо. Тёмно-синий шел ему даже больше, чем белый. Видимо, спохватившись, что обращаются к нему, мужчина встал, поправил полы пиджака, которого во время нашей встречи на его теле (которое очень тяжело назвать тельцем) не было. Ух, какой размах плеч!

— Это ваш новый начальник. Теперь он будет руководить и газетой, и соответственно держать ваши судьбы в своих ручо...руках, — поправила Наталья Павловна, выдавливая из себя слова. Ещё бы, положить половину жизни на алтарь этой газеты и все, списывают, как ненужную вещь. Я даже расстроилась. Без нее будет скучно. Конечно, метелок вместо языков у нас полно, но вот чтобы так добротно и без злорадства, это только с "Палной". Мы ждали этого уже месяц. Сначала слух, который обрастал сплетнями. Но вроде ничего не двигалось. Теперь вот, значит, все! На заслуженный отдых. А ведь она ещё лет двадцать могла вгрызаться зубами в читателей.

— Андрей Рихардович Дежнёв, — продолжала между тем старушенция.

— А что ж не Аристарх-то при таком отчестве? — не, ну без моих пяти копеек обойтись тут не могло. И это я про другие языки ещё говорю.

Из всех стоящих, теребящих нервно свои записные книжки, у одной меня рот не смог минуточку побыть

закрытым. И ву-ля, грозный Дежневский взгляд остановился на мне. А чего я ожидала, наивная?

— Видимо, фантазия была развита только у бабушки с бабушкой, отцу она не передалась, — кривая ухмылка, но ответ вроде достойный.

Хм, узнал! По глазам вижу, узнал. Моя жизнь в редакции обещает быть веселенькой. А я ещё о Павловне скорбеть начала. Наивная!

Но нет! На ковёр, конечно, я была вызвана, но не затем, чтобы получить головомойку, а для того, чтобы согласиться отобедать с господином Дежневым. Ну, и конечно, для того, чтобы рассмотреть его получше и понять, что кольцо на пальце это не главное.

А ведь, как оказалось, три года в статусе любовницы, это не такой уж и идеальный вариант. К двадцати пяти я уже начала задумываться о семье, что в моем случае было просто огромной ошибкой. Да и вообще на меня не похоже. Просить развестись с женой, уже действительно, устав от трехгодичных обещаний. Нет, это была не ошибка, было бессмысленно. Наслушавшись сказочек, про долго и счастливо. Не на столько наивные одуванчики. Андрей всегда принимал все, как должное, кивал, целовал и продолжать безмолвно гнуть свою линию.

Наверное, если бы не та поездка к Алиске, я бы так и продолжала быть дурой, как и его жена, которая знала, но молчаливо терпела, ожидая мужа дома. Это же какое нужно иметь терпение и не иметь совсем гордость. Нет, это не про меня. Прощай, любовь, а мне нужно двигаться дальше. Всю жизнь в девках сидеть? В моем возрасте у мамы мы с Аринкой были, да и сестра не тянула долго с ребенком. Чем я хуже? Только где ж тот единственный, предназначенный судьбой для одной меня?

И еще это дурацкое задание, хуже которого может быть только увольнение. Опять во всем мой гадкий язык виноват.

Понедельник, утро, планерка. Дежнев раздает приказы после вчерашнего выпуска газеты.

— И еще одно важное задание. Мы должны найти этого человека первым... — начало уже интригующее, чувствую, как в венах начинает закипать кровь. — Волков Даниил Игоревич. Человек, которого ищет весь московский бомонд.

— За что он так провинился? — хмыкнула я.

— За то, что руки у человека золотые, в отличие от некоторых, — в тон мне ответил Дежнев. Видимо, намекая на мою рукожопость в плане хозяйства. Ну, а что? В мои обязанности всегда входила только уборка и учеба. А все остальное ложилось на плечи Серафимы Андреевны и Аринки. Хорошие были времена... Но и на Андрея Рихардовича я даже не обиделась, почти.

— Вам ли жаловаться? — многозначительные смешки накалили немного атмосферу потому, что Дежнев понял, что прокололся. Это было видно по растерянному взгляду. Мои ручки такое с ним за эти годы вытворяли, что всё борщи отдыхают. — Пишут они, по-моему, замечательно!

— Это столяр что ли? — разрядила обстановку Кулешова.

— Модно говорить «мастер по дереву», — поправил ее шеф.

— Даниил Волков? — я сразу вспомнила того неприятного типа, который делал мебель для Аринкиного ресторана, а потом еще и дом Барышникову строить помогал. — Так я знаю его...

— Вот, Рима Сергеевна, Вам и все карты в руки! — весело заявил Дежнев.

— Мне? Вы хотите меня послать в логово к этому психу? — возмутилась я. Ну, имею же я право на голос-то в этом гадюшнике.

— Вы ж сами сказали, что знаете этого человека...

— Андрей Рихардович, у нас в редакции имеются сотрудники куда способнее, — продолжала сопротивляться я. Только бы держаться подальше от этого Волкова.

— А кто только что говорил, что хорош в журналистике? — мг, раунд! И почему-то я оказалась в нем проигравшей. И это я тащусь сейчас по пробкам в гости к сестре на побывку.

Я безбожно застряла здесь. Ещё таксист колотит толстыми пальцами-сосисками по баранке руля в такт песне. Бесит!

Раздражённо бросаю ему деньги и выскакиваю на улицу, дабы добежать до ближайшего метро. Главное двигаться. Длительное сидение на месте мне никогда не приносило пользы, тем более в автомобиле со сломанным кондиционером. Я зла, абсолютно и бесповоротно!

Добраться бы до Аринки. Там и пожалеют, и приласкают, и накормят, и спать уложат. Рай! А завтра уже на амбразуру в лице Волкова кинусь. Пусть терзает мою бедную душонку. Три дня у меня есть. В пятницу статью сдавать в редактуру, в субботу верстка, и фигурки я возьмусь хоть ещё раз не за своё дело. Запрусь дома, выключу все телефоны, наберу вкусняшек и буду все выходные смотреть сериалы глупые.

Закон подлости... И это происходит со мной? Именно так! Через пару минут моей пешей прогулки на десяти сантиметрах, пробка начинает движение. ЗАШИБИСЬ!

Вечером, когда уже начинается смеркаться, поезд меня привозит в город, где живёт тот самый Волков и мои

родственнички. Ноутбук за время пути сдох, как и телефон, зарядка которого дышит на ладан. И это ещё один не самый удачный день в череде многих. Привыкнуть пора, а я все удивляюсь и раздражаюсь.

— Привет, замученным злым тёткам! — веселая улыбка Барышникова ну никак не шла в ногу с моим настроением. Я отфыркалась в ответ, как простывшая кошка, закинула вещи в багажник, уселась. При этом Ромка стоял в сторонке, наблюдая с веселой улыбкой за всеми моими маневрами. Только его шуточек сейчас не хватало. А этот не упустите шанс поиздеваться.

А, нет! Сел молча, завел двигатель, тронулся, маневрируя с лёгкостью между потоком машин, выезжающих с вокзала. Движение, конечно, не московское, но если все это четырехколесное черепастье двинется в город, будем мы добираться очень долго. А тут ещё, как на зло, хотелось в туалет. Через несколько минут, тишина мне надоела, завела я разговор первой.

— А где сестра? Я думала, она меня встретит.

— Матвей немного заболел, температура поднялась. Дала поручение мне, встретить драгоценного пассажира, — ответил Ромка.

— А Настаська с Соней как? — что-то, а вот непутёвая тётка за племянников всегда беспокоилась. Если я так с ними ношусь, не представляю, какой я буду бешеной мамашей.

— Вроде нормально пока. Изолировали в другую комнату. А то у нас один начинает, потом всем семейством страдаем. Ты как раз попадаешь в самый очаг, — рассмеялся он.

— Не удивлюсь если эта зараза прицепится. У меня полоса черная, так что я в самый раз. Не нравится мне твое спокойствие.

— Так я на успокоительных, — шутка зашла удачно, заставив меня рассмеяться.

— Какой же ты ненормальный, Барышников! Прямо весь в жену, — продолжала я хохотать, выплёскивая все негативные эмоции. К моим «барышатам» только с улыбкой, чистым сердцем и кучей подарков. По-другому, не примут.

Всю дорогу мы с Ромой вели неспешные разговоры, я поделилась историей своего незапланированного визита, на что зятек пришел в неопишуемый восторг:

— Я на это с удовольствием посмотрю!

— На что?

— На то, как Даниил будет тебя гнать взащей, — веселье его я не разделяла.

— Злой ты, Ромка! Это не моя идея. Как будто я не знаю, как с ним тяжело. Он пока в ресторан мебель делал, несколько лет назад, мы с ним друг друга чуть не поубивали.

Мысленно я содрогнулась, понимая, на что подписалась. Правда, отступать было некуда. На то я Рима Сергеевна Пиманова, чтобы идти до конца. Этому я научилась у сестры.

Ее я увидела уже позже. Пока сбивала температуру моему племяннику, сама уснула рядом. Вышла из комнаты вся такая помятая, лохматая, в лосинах и широкой футболке, по всей видимости, Ромкиной. Не удивительно. Когда болеет ребенок, тут не до красоты.

— Как мой мальчик? — поинтересовалась я, после привычного приветствия.

— Спит! Вроде легче, — устало потерла она лоб.

— В больницу...

— Ага, чтобы начали с уколов. У нас сразу антибиотики и никаких возражений. Нашему участковому педиатру звонила, женщина человечна, сказала, чтобы понаблюдала. Завтра заедет, посмотрит.

Вокруг меня прыгала стрекоза в пышной юбке, которая помогала младшей сестренке играть в догонялки. Одна ползком, другая — спотыкаясь через огромного лабрадора, который лениво таскал младшей мячик, швыряемый в разные стороны. Смех и грохот, смешанный с веселым лаем молодого пса, слышался на весь дом. Идеальное семейство! И честно, где-то в глубине души, я завидовала чистой белой завистью, и радовалась за них. Ах, да! Забыла сказать, что Сонечкиной крестной стала именно я. Гордо ношу это звание и отвечаю всем требованиям.

— Девчонки, я винишко достал. Будете? — Ромка появился в гостиной с непочатой бутылкой итальянского вина.

— Мне нужно немного, чтобы расслабиться, — плюхнулась в плетенное кресло на террасе Аринка. Я последовала ее примеру, прежде притащив бокалы и корзинку с фруктами, которая очень быстро опустела после того, как Настя делала набег.

Да, однозначно, не зря день прошел, если он так хорошо заканчивался. Я вдыхала воздух полной грудью и чувствовала, как внутри набегают, словно морские волны, легкое умиротворение. И даже сон здесь казался крепче.

С утра мен разбудила легкая возня рядом. Нехотя открыла глаза. Солнце пробивалось сквозь легкие занавески, которые колыхались от легкого ветерка через открытую балконную дверь. На улице радостно пели птицы, призывая к раннему подъему. А то, что еще раннее утро, я поняла по настенным часам, которые висели здесь специально для меня. Здорово, когда тебя даже в доме сестры ждет собственная комната!

— Польш! — вздохнула я, когда увидела рядом массивное тело лабрадора, смотрящего на меня черными глазами. — Ты чего приперся, негодник? Прячешься, да? Скоро «барышата» проснуться! — почесала я пса за ухом. Собака довольно завиляла хвостом. — Подымайся! Я тоже встаю! — оповестила я, спуская ноги на мягкий ковер.

Мои уже кружили внизу, Ромка, у плиты готовил завтрак на все семейство, а Аринка, выглаживала вещи каждому домочадцу.

— Доброе утро, родня! — спустилась я, оповещая о своем прибытии на территорию кухни.

— Доброе! Польш у тебя что ли был? — уточнил Ромка, кивая на бегущую впереди меня собаку.

— Ага! Перепугал меня немного, — я отобрала уют у сестры, оправив ее посидеть. Сегодня она выглядела куда бодрее. Как сообщили чуть позже, Матвею стало лучше, поэтому и настроение у Аринки было куда солнечнее.

— Дамы и господа, теперь расскажите мне, как лучше подступиться к вашему Волкову, — поинтересовалась я уже за завтраком.

— Как как? Да никак! Если ты бы пришла и долго-долго его умоляла смастерить что-то для тебя, тогда другой разговор, и то не факт. А вот так, в качестве журналиста, а и еще в душу лезть, тут даже мы бессильны, — развела руками сестра. — И это, несмотря на то, что в нашем доме он частый гость, мы, можно сказать друзья. И не вздумай его напугать, мне еще беседка нужна в саду! А то вообще потом пошлет.

— То есть, шансы у меня нулевые? — парировала я.

— С ним нужно быть немного хитрее. Лесть не любит, замаслить тоже не получится, нужно понравиться. Человек сложный. Характер кошмар, судьба не лучше. Так что, сначала попробуй подружись, а потом уже действуй, — вступился за Волкова Ромка.

— Так у меня всего три дня. Как? Влюбить его в себя?

— Не вариант! Таких желающих куча, но он любил свою жену, при чем, как все утверждают, безумно. Поэтому, этот вариант сразу отпадает — заявила Аринка, подвергнув мое радужное настроение нападению разочарования.

— Понравься его дочери. Женька хоть и маленькая еще, но влияние на отца имеет большое, — поделился Ромка, конечно, не самым лучшим, но все же вариантом.

И так, ничего другого у меня не оставалось. Стыдно, но в войне все средства хороши, а тем более если она за место под солнцем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРО ГЛУПОСТИ, ПЕЧАЛЬКУ И ДОПРОСЫ С ПРИСТРАСТИЕМ

Дом Волкова больше напоминал неприступную крепость, где из-за высокого забора виднелся только деревянный фасад с черепичной кровлей. М-да, действительно, отшельник, да и ещё на отшибе города. Бедная его дочь, я бы такой судьбе не позавидовала. Хотя у меня была не лучше. Вспомнив сурового немногословного мужчину, я внутренне сжалась. Почему-то не очень мне хотелось с ним общаться, а тем более напрашиваться на интервью. Таксиста с тем учётом, что в аудиенции мне будет отказано с первого раза, я решила не отпускать. Сделав глубокий вздох, нажала на кнопку звонка на калитке. Территория двора была не слишком большой, поэтому через парочку минут ожидания, я услышала спешащие шаги. Щелкнул замок, дверь отворилась. Передо мной восстал тучная фигура женщины, которой немного «за...». Правда возраста я ее так и не смогла определить. Вроде уже больше сорока, но на круглом лице не было ни единой морщинки. И не знаешь, завидовать ей или нет.

— Добрый день! — поприветствовала она меня. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте! — на лицо я натянула вежливую улыбку. «Вежливее, Рима, вежливее», — попросила я саму себя. Со злюками общаться обычно отказываются. — Я журналист из Москвы. Как бы мне увидеть Даниила Игоревича? — а голос-то, а голос! Пропадает во мне великая актриса.

— Журналист? — удивилась женщина. — Это что-то новенькое! Хозяина нет, он уехал в город.

— Вы даже представить не можете, как это плохо, — разочарованию моему не было предела.

— Думаете? С тем учётом, что он провел несколько безвылазных дней в мастерской, это очень хорошо, — возразила мне женщина. Вот он мой шанс! Кладезь полезной информации стоял прямо передо мной, хлопая глазками-бусинками, выглядывающими из-за щек, наетых, видимо, очень вкусными пирогами.

— В городе мне найти его точно будет трудно, — театрально вздохнула я, доигрывая роль наивной писаки.

— Да Вы что?! Он поехал с дочерью за покупками. Скоро ведь школа, поэтому обновляют канцелярию, — радушно поделилась женщина.

— А Вы родственница? — уточнила я.

— Нет, я за Женечкой присматриваю, дом убираю и готовлю для них. Работаю я на Даниила Игоревича. Уже почти два года будет, — пояснила женщина.

— И как же он мог пустить постороннего человека в свой дом? — удивилась я, вроде как веду обыкновенный разговор.

— Долго выбирал. Я оказалась единственным приемлемым кандидатом. Извините, во внутрь не приглашу, Даниил Игоревич не очень чествует гостей и по этому поводу даёт строжайшие инструкции.

— Бедная, как должно быть Вам тяжело работать с такими правилами, — вроде как посочувствовала, а нашла отклик в голосе этой особы.

— Да нет, что Вы! Он очень хороший человек! Да, суховат немного, но весёлый, любит дочь, мастер на все руки! А правила, ну не каждому может быть приятны посторонние люди в доме, да и человек, занимающийся творчеством, иногда будет желать, чтобы его не беспокоили. Это нормально.

— Значит, врут люди! Слышала, что он тиран, а на деле вот оно как выходит, — сделала я вывод, опять же, сомневаясь в правдивости такой преданой хозяйину домработнице. Если, конечно, ее поколоть, то она сможет много секретов сдать, но мою «актерскую» деятельность пора было сворачивать. «Оскара» все равно не дадут, поэтому и рисковать не за чем, когда из-за поворота показывается довольно знакомая машинка угрожающе-черного цвета. Вот, на ловца и зверь бежит. Только неподготовленному ловцу хищник будет не по зубам. Или как в ЮАР, самым опасным животным для охоты является буйвол, и ходят на него только самые смелые профессионалы. Так что иногда человек может быть и не хищником, но при этом нести некую угрозу. А что? Мне не привыкать быть посланной на обыкновенные три русские буквы, к тому же невезение мое рано или поздно заканчивается, а я пожиная только плоды. Но вот этого Волкова я боялась, ты хоть убейся. Не знаю почему и откуда возникла эта фобия.

— Светлана, отворяй ворота, — скомандовал господин Волков, подъехав к дому. — Кто это? — поинтересовался он совсем безразлично, указывая на меня.

— Добрый день! — ещё одна ослепительная улыбка. — Вы меня не помните?

— Помню! — сволочь, даже не удосужился поздороваться, не говоря уже о том, чтобы поинтересоваться для чего я здесь. Я может, пропиарить его собираюсь, прославить на всю, так сказать, столицу, а он... деревенщина неотёсанный! Внутри все просто кипело от злости негодования. Он просто демонстративно прикрыл стекло и заехал во двор. А за ним ворота начали медленно-медленно ползти, оставляя меня снова не у дел. Нет, так дело не пойдет! Нас не пальцем делали, и наглости нам не занимать. Уж, увы, ребятки, но работа у меня такая.

Я успела просочиться сквозь небольшую щель всё ещё не полностью закрытых ворот. Ай, да я! Я что зря мучаю

себя фитнесом три раза в неделю. Вот и пригодилось моя стройная фигурка и спортивные навыки. А что? Сколько я на это денег каждый месяц выкидываю? Пусть послужит мне добрую службу!

— Вы... — раздражение читалось во всем, и в этом тоне, и в этом взгляде, и в этом выпаде страшном, когда мне даже показалось, что мужчина может ударить нерадивую девицу. Нет, обошлось малой кровью. — Как Вы смеете вламываться на частную территорию? — процедил он сквозь зубы.

— Я понимаю, что лучше бы мне было постоять у ворот несколько месяцев, поползть на коленях, чтобы Вы снизошли до меня. Но столько времени у меня нет, — пошла я в наступление. — Даниил Игоревич, я просто умоляю, выслушайте меня и не выставляйте за двор. От Вас зависит вся моя жизнь. Я не знаю даже с чего начать... Понимаете, это тяжело... — он молчал, видимо, ожидая какой-то сенсационной новости, пока я неслала этот бред, придумывая на ходу слова. — Вот так сразу и признаться во всем человеку, который тебя вообще не знает, — ай-ай, он сейчас уйдет, выгонит меня. — Я... Я люблю Вас, Даниил Игоревич.

Боже, что за бредятина? Что ты несёшь, Пиманова? Да он, он... Ха! Он офигел! Стоит и смотрит на меня своими карими глазенками, хлопает ими и пытается сообразить, что делать. Дай пять, красавица, ты сделала этого Волкова.

— Ниче себе! — из машины медленно выползла худенькая девичья фигурка. — Серьезно что ли? Ну, пап, ты даешь!.

— Женя, марш в дом, — скомандовал мужчина, понимая, что данная тема не должна быть предназначена для ушей одиннадцатилетней девочки. Вляпалась я идиотка, как всегда.

— Рима, ведь верно? — уточнил Волков, вздохнул тяжело, я лишь помахала в ответ головой, утверждая данный факт, тогда как внутренне себя сравнила с лошадьё, отгоняющий от себя мух. Ох, и откуда только такие мысли берутся в твоей головке, госпожа Пиманова?

— Вы ведь сами понимаете насколько это звучит абсурдно? — уточнил он. — Мне следовало сейчас Вас выставить вон...

— Но Вы ведь не посмеете. А если я что-нибудь с собой сделаю из-за несчастной любви? — а тема-то зашла в мою большую ненормальную голову. Хм, а он довольно привлекателен этот Даниил Игоревич. Чуть выше меня, с тем учётом, что я на каблуках, широкие плечи, крепкие руки, обтянутые футболкой, а там можно и разглядеть угадывающиеся контуры его фигуры, очень... Ух! А такие можно в столярной накачать? Ну, да ладно, хватит слюни пускать, соберись, тряпка!

— Говорите, что Вам нужно и выметайтесь, — процедил он.

Я в ответ лишь хлопал глазами, делая невинный вид. А ведь раскусил же! Или не поверил. Может, повздыхать, да понюхать, а потом бери, что «хощ», пока клиент горяч. Не, с этим товарищем такое не пройдет. Но ведь никто не отменял ложь во спасение, а оно мне сейчас ой как нужно.

— Вы так плохо обо мне думаете? Да, я понимаю, что не нравлюсь Вам, но это не может отменить того, что чувствую я.

— Что за бред Вы несёте? — начал злиться он.

— Ладно, думаю, это бесполезное занятие, — развернулась на каблуках, процокав до калитки, которую хотела открыть.

— Стойте, Рима, — голос за спиной вызвал оочень довольную улыбку на моей физиономии. Но это было адресовано, только кованном железному ограждению, тогда как Волков увидел меня расстроенную и растерянную.

— Рима, Вы поймите, что в ситуации глупее я еще не попадал, — попытался объяснить он.

— Понимаю, — согласилась я. — Извините, меня такси ждёт, — осталось только слезу пустить. Нет, Волков, много чести, чтобы я выдавливала из себя спасительную влагу. Ушла гордо, с высоко поднятой головой. А потом охренела от количества накапанной суммы на счётчике такси.

По пути набираю Алису, чтобы узнать, как она там отходит от встречи с однокурсниками. Но вместо стенаний по поводу головной боли и обещаний больше не пить, я слышу довольно бодрый голос, оповещающий о том, что она задерживается в стране.

— Значит, мне тебя не получилось уговорить. Что повлияло на твоё решение? — я даже обиделась. Или, скорее всего, это была обычная ревность.

— Захар предложил, я согласилась, — ну, этот ответ я предвидела заранее.

— Только не говори... Ты что, с ним спала? — на покашливание таксиста я даже не обратила внимание. Какая же я догадливая особа! Моя тихая подружка изменила своему благоверному итальяшке. Очуметь!

— Ругать будешь? — уточнила она.

— С чего ты взяла? Просто хотела поинтересоваться, как он, — улыбка напозла на лицо в ожидании тирады от Алисы. Но вместо этого услышала тихий смех.

— Ты невыносима, Пиманова. Не расскажу!

— Вот и молодец! Нечего с холостыми подружками обсуждать своих мужиков.

— Он не мой! — вздохнула она.

— Пусть будет немым, главное, чтобы в постели от него был толк, — рассмеялась я.

— Балбес ты, Римка! Я вещи собирать, пока!

М-да, откуда в тихоне Алисе такая тяга к экстриму: измена, ралли, на которое она собралась. Мне бы куда-нибудь смыться подальше.

А вот дома меня ждал серьезный разговор с серьезной сестрой.

— Ты офонарела? Почему мне звонит Волков и просит с тобой поговорить, называя тебя ненормальной. Ты что натворила? — руки в бока, взгляд хищной птички означали только, что Римочка «попала».

— На какой из вопросов отвечать первым? — уточнила я, стараясь немного разбавить ситуацию. Не, не получилось. Я была усажена на диван и подвергнута жёсткому допросу. Эх, кто бы знал, скольких сил и нервов мне стоило не расколоться. Павлик Морозов позавидовал бы!

— И в кого ты такая непутёвая?

— Ну, на генетическом уровне это тоже передается, — хмыкнула я.

— Вот! Вся в мать! — направила на меня свой пальчик сестра.

— Безответственная пофигистка? Ну, да! Согласна! Все про меня! Все? Будут ещё какие-нибудь наставления? Или мозгомойка уже закончена? А то жрать хочу, как слон. И его бы я и заточила сейчас.

— И это мне говорит журналистка? Как тебя люди читают с таким сленгом? — возмутилась сестра.

— Эти бедолаги все усвоят и переварят, главное, изюминки добавить. Ну, типа «СЕНСАЦИЯ!» — пожала плечами, подбираясь медленно к кухне. Желудок уже урчал. А потом сгоняй эти килограммы от вкусностей. Хоть вообще в гости не приезжай.

— Примитивно мыслишь, Римочка! — хмыкнула Аринка.

— Тьфу, не все же такие умные, как ты! Увидели словечко большими буквами и с множеством восклицательных знаков, и все, считай клиент твой. И читать не бросит, пока не найдет в тексте эту самую сенсацию. Зануда ты, Аринка, — этот насмешливый взгляд меня просто убивал. Лучше скорее что-нибудь поточить, ну и приниматься за написание хотя бы начала статьи. Тем более что у меня она, наверное, будет носить художественно-повествовательный характер. Какой там публицистический стиль, когда все основывается лишь на слухах и сплетнях? Помозолю глаза господину Волкову пару дней, авось что получится. Блин, а я-то и забыла о своей «влюбленности». Мне теперь нельзя расслабляться, да и горе свое «залить» нужно. Зовем на спасение моей несчастно влюбленной души Полинку. Да и вообще, у хорошего медика, пусть еще обучающемуся мастерству «коновалов» должен быть в заначке спирт. Снова набираю, а этот раз вторую подругу. После продолжительных гудков слышу в трубке шепот:

— Я на обходе, — еле различаю я слова.

— Тьфу ты! У меня тут трубы горят! — озвучиваю я свое желание.

— Вечером, в ресторане, — слышу еще один хриплый полусшепот и потом гудки.

До вечера занимаю себя племянниками, помогая Серафиме Андреевне, которая за время пребывания в статусе прабабки ожила и даже помолодела. Еще бы! С такой-то физкультурой! А я еще жалуясь, что на фитнес часто хожу. По-моему, пора завести парочку таких сорванцов, тогда и спорт не понадобится. А как только «барышата» уложены спать, примеряю на себя образ красотки. А что? Я холоста! Можно и поохотиться сегодня. Было бы на кого, в проигрыше не осталась бы.

Тонкое кружево блузы идеально подчеркивает тонкую талию и небольшую грудь, которую вот уже несколько лет я мечтаю увеличить. Узкие джинсы и слиперы завершают образ. На каблуках до дома я сегодня точно не доберусь. Полинка торчала уже в ресторане в ожидании меня, болтала с менеджером, кажется, он даже флиртовал с ней.

— Привет! Давно ждешь? Я старалась шевелиться, — кажется, от быстрой ходьбы даже волосы растрепались.

— Нет, сама только заявила, — от нее пахло все еще больницей, взгляд был уставшим, но от этого не переставал интриговать. — Только имей в виду, я чисто для поддержания компании, у меня завтра зачет.

— И моя отличница не хочет шокировать пациентов перегаром? — уточнила я.

— Ну, да! Пусть тешат себя надеждой что я самая безвредная и невинная девочка в больнице.

— Змея, — рассмеялась я и остолбенела. Волков стоял в дверях, оглядывая зал ресторана. Его блуждающий взгляд на некоторое мгновение замер на мне. Или мне показалось. По-моему, я вообще была ему безразлична.

— Знакомый? — уточнила подруга.

— Скорее всего кошмарный сон с которым мне необходимо быстрее разделаться.

Я заказала стопку водки, которую быстро опрокинула в себя, потом только осмелилась подойти к нему. Правда, в этот момент он уже внимательно изучал меню.

— Добрый вечер, Даниил Игоревич! Разрешите? — указала я на пустое место. Не стала ожидать ответа который судя по выражению его лица, должен был быть отрицательным. Усадила свою пятую точку стул, который

сделал он же. Фу, словно он меня полапал. Теперь меня это ощущение будет преследовать всегда, как только я буду приходить поест. Гадость, гадость, гадость.

— Ну, раз Вы все равно сели, тогда хочу задать вопрос, и имею право слышать на него ответ. Откуда такой интерес к моей персоне?

Снова врать? Пока другого варианта я не вижу.

— Я уже говорила Вам, — вздохнула я тяжело.

— Не верится мне в любовь с первого взгляда.

— Вы серьезно? Сколько мы с Вами знакомы? Кажется, уже лет семь? Долго же я на Вас смотрела, получается.

Ага, смотрела-смотрела и не замечала, что пропадает такой милаха, да и придурка с первого взгляда в нем разглядеть тяжело.

— Ну, на страдающую влюбленную Вы не похожи, — продолжал отрицать Волков.

— Я рада потому, что отвергнутая женщина собирается идти выпить.

— И Вы решили мне об этом сообщить? — уточнил Волков.

— Посмотреть, что возьмет верх, Ваша совесть или все-таки в Вас есть еще что-то, что я себе надумала.

— Ключевое слово «надумала», — хмыкнул он. — Ладно, Рим, моим вниманием Вы завладели, а теперь можете переходить к делу. Что Вам от меня нужно? — я поднялась с места, ликуя внутренне. План, который был выстроен спонтанно, начинал работать. Подойдя поближе, я наклонилась к его уху. Совсем легкий запах парфюма пощекотал мой носик, заставив кровь бахнуть совсем не в голову. Дыхание немного сбилось, сердце застучало сильнее... бред! Мне просто показалось. Спокойнее, Рима, спокойнее. Тебе только кажется.

— Я расскажу Вам. Завтра. Пригласите меня на свидание, Даниил Игоревич, — я постаралась сделать тон пособлазнительнее. Но, кажется, на него мое искусство обольщения совсем не подействовало.

— Как хотите. Я думал, что могу помочь! Хорошего вечера!

М-да, с этим мужиком не так-то просто. Его действия не подлежат логическому объяснению. Вроде кажется вот-вот он на крючке, а потом «раз» и облом! Печалька! Стареешь, Пиманова.

— Ладно-ладно, пусть это будет просто встреча, — он меня сделал в этом раунде.

— Хорошо! У меня будет немного свободного времени. К девяти подъезжайте ко мне.

Он шутит, верно? Какой к девяти? В это время домой бы доползти. Мне уже «хорошо» от этой стопочки, а что будет к утру? Но, несмотря на это, утвердительно киваю и прощаюсь.

— Милаха! — оглашает вердикт Полинка, потягивая винишко у барной стойки. Блин, а ее тоже делал этот человек. Прямо не ресторан, а музей искусства господина Волкова. Бесит!

— Ты с ним лично не общалась, — процедила я, заказывая еще одну стопку. Как только водка попала во внутрь, я поняла, что не стоит тратить драгоценные нервные клетки на какого-то придурка. Сегодня больше ничего не могло омрачить мое настроение.

В ночном клубе, куда мы отправились с Полей, я смогла расслабиться и насладиться хорошей музыкой и выпивкой. И, о Боже, найти мужика.

Стою такая вся неприступная, пытаюсь набрать Аринке сообщение, что еще жива и здорова, а то эта курицанаседка начнет трезвонить по поводу и без повода. Подходит ко мне мужичек в костюме и предлагает угостить, тогда как «непьющая» Полинка уже отжигает под ритмы на танцполе.

— Угостите, — соглашаюсь я, оглядывая его пьяным взглядом.

— Вы местная? — интересуется он. — Я просто не встречал Вас здесь.

— Я из Москвы. Гощу у сестры. В этом клубе правда еще ни разу не была. Рима, — подаю я ему руку.

— Виктор, — пожимает он ее, бегая заинтересованными глазками по моему декольте, которое сегодня было довольно приличным. — Что пьете?

— Водку, — оглашаю я вердикт, он дает знак бармену. Хороший дядя, девушку в беде не бросил.

— Классика — улыбается он — Кто-то обидел или что-то празднуете?

— Скорее всего, вывел из себя, но это уже Вас не должно касаться.

— Хорошо! Потанцуем? — предлагает он. Я соглашаюсь без зазрения совести. Это уже после Полинки на меня фыркает.

— Тебе твоего Дежнева мало? Этот Витя тоже не свободен. Через неделю свадьба у человека должна состояться.

— Я и не отрицаю того, что я везучая, — ухмыляюсь я. А на душе так паршиво-паршиво. Но я улыбаюсь, смеюсь и снова иду танцевать. Идите все куда подальше! Это я с утра буду жалеть, еле-еле разлепляя глаза под звук будильника, проклинать себя за все на свете. А сейчас мне хорошо! И срать на всех с высокой колокольни!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРО ПОХМЕЛЬЕ, РАБОТУ И БЛАГОРОДНЫХ ГУСАР

Утро. Будильник надрывно разоряется над самым ухом, заставляя меня выругаться матом. Боже, кто просил меня пить? Три часа сна и жуткое похмелье, когда внутри, кажется, ощущается вся дрожь Вселенной. Нужно подняться. Опаздывать не в моих правилах, поэтому пересиливаю себя, спуская ноги на пол. До ванной добираюсь, хватая за все попавшиеся предметы на уровне рук, при чем ноги не слушаются совсем. Душ не помогает прийти в себя, а из зеркала на меня глядит сверх замученное, невыспавшееся существо с помятым видом. И это существо я.

— Добрый утро, Рима Сергеевна — вздыхают я обречённо. Если даже вчера мне не удалось обаять его, то сегодня даже пытаться нечего, поэтому и так сойдёт. Нахожу в чемодане лёгкое платье, в которое не влетаю, как обычно, а еле-еле вползаю.

Привожу волосы в порядок, освежаю лицо лосьоном. Макияж наложить не могу, глазам тяжело сосредоточиться на мелких деталях лица. Ладно, будем спасаться очками. Плетусь медленно вниз, где родственники уже завтракают, колотя вилками по тарелкам, словно молотком по наковальне.

— Ого! Ты куда в такую рань? — удивляется Ромка, даже завтрак оставил в покое.

— Интервью брать. Только без комментариев и вопросов — напоминаю я себе сейчас Тортиллу, старую добрую черепаху. Тяжело мне двигаться, ох тяжело.

— Все-таки от Волкова не отстала? — интересуется сестра. Я в знак согласия киваю утвердительно головой. Просила же не задавать вопросов. Ещё и «барышата» галдят с утра пораньше, разрывая и без того больную голову. «Тетья, да тётя», словно кроме меня в комнате никого нет больше.

Как назло на улице уже с утра палило солнце. Мой организм требующий и без того очень-очень много жидкости, просто умирал каждую секунду. До дома Волкова меня подбросил Ромка, который всю дорогу издевался. И я готова была его прибить, жаль сил не было, ни физических, ни моральных. Но ничего, оклемаюсь, обязательно разберусь с ним. Машина Барышникова оставила за собой след пыли, заставляя меня задыхаться, стоя у массивных ворот. Гадёныш! Откашлявшись, я нажала на звонок. Время без трёх минут девять. Я не опоздала и за это уважала себя ещё больше.

Даниил Игоревич открыл калитку сам. Влажные волосы, легкий запах лосьона после бритья, полотенце через шею... Он после душа? Хотела бы я сейчас под холодные струйки спасительной жидкости. Нет, не с ним. Хотя, можно было бы завести себе «спинотера». Всё впечатление портил только это волчий взгляд. Да, и именно волчий. Я нашла ему определение, и как же оно созвучно с фамилией.

— Доброе утро — поприветствовала я его, а он в свою очередь лишь криво ухмыльнулся. Здорово! Ну ничего другого я от него и не ожидала. Или не помогли скрыть следы вчерашнего веселья три раза почищенные зубы и пачка жвачек, съеденная по дороге?

Да и еще губы начали болеть... Вспомнились страстные поцелуи с Витей. Ох, Витя-Витя. Кобель! Хорошо, что Поинка успела меня утешить от него во время, иначе я могла проснуться сегодня не в доме сестры. Боже, как стыдно. Давно я так не веселилась. Ну и вообще не было привычки заводить случайные связи.

— Входите — предложил Волков — У Вас есть двадцать минут. «Все из-за тебя, скотина» — бунтовало мое внутренне Я, пытаюсь оправдать себя. Потрепал нервишки бедной мне. Обвинять себя не позволяло внутреннее раздувшееся, как горловой мешок самца жабы в брачный период, мое эго.

Мужчина проводил меня в беседку, находящуюся за домом. Не удивлюсь, что это резное великолепие было его рук дело: опорные столбы покрывала резьба в виде выюна, изгородь представляла собой цветочный узор, тогда как крыша напоминала сказочный домик. Господин Волков настолько романтичен?

— Дизайн дочери, — уточнил он, увидев мой заинтересованный взгляд. А! Ну тогда понятно. А я-то думала... Он указал мне на деревянную скамейку, блестящую от лака, куда Я с удовольствием примостила свое слабеющее тельце. — Чаю предлагать не буду.

— Хотя бы воды гостье можно?

Пить хотелось ужасно, несмотря на то, что я уже с утра влила в себя пару литров. Через минуту передо мной появился запотевший стакан со льдом, который я сушила почти за два глотка. А теперь можно и поговорить.

— Вижу, план попойки удался? — уточнил он.

— Сейчас не об этом, Даниил Игоревич, — перешла я на деловой тон. — Вам известно о моей профессии?

Утвердительное «да» сподвигло меня на дальнейший разговор.

— Понимаю, что ситуация глупая получилась, но мне дали задание жизненной важности. И только Вы можете мне помочь, — умоляющий взгляд кота из Шрека.

— А не много ли чести для меня одного?

— Даниил Игоревич, я понимаю ваш сарказм, я могу спать под Вашим забором, разбить осадительный лагерь,

штурмовать Ваш дом, но ведь нам проще будет разойтись полюбовно — и откуда во мне столько красноречия?

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Я просто предлагаю маленькое перемирие и прошу помощи.

— И что от меня требуется?

— Небольшое эксклюзивное интервью, — выдохнула я, дожидаясь бурной реакции.

— И вы обещаете меня оставить в покое?

— Оставлю и больше не вспомню.

— А как же любовь? — усмехнулся Волков. — Неужели оставите меня без своего драгоценного чувства?

— Жила же как-то столько лет, — пожалала я плечами.

— Если обещаете не лезть в душу, то можно пойти на такой риск. Пришлите список вопросов, я отвечу.

— Если личное общение? — уточнила я. — Тем более мне нужны фото того, как Вы работаете.

— Нет. В мастерскую я вас не запущу. А если возникнут какие-то дополнительные вопросы, тогда звоните.

Вечером жду. Электронную почту спросите у сестры. А теперь, извините, мне пора забирать ребенка от бабушки.

Что за изверг, в такую рань будить ребенка? Разве детей не может быть каникул летом? Тяжело повздыхав, я распрошлась с хозяином дома. Вот и всё, меня выставили за двор. Мало того, что было жарко, так и спать хотелось безумно. А такси, как объяснила мне диспетчер, ждать как минимум полчаса. Через пять минут из ворот волковского дома выехал знакомый внедорожник. Меня снова обдало клубом были, пока я делала вид, что что-то оживленно ищу в сумочке. Если бы не мой маленький праздник ночью, можно было бы у Аринки машину выудить. Хотя водителем, я была очень скверным, если вспомнить курсы вождения, которые обошлись в поседевшие волосы и испорченные нервные клетки инструктору. Надолго он меня запомнит.

А Волков между тем проехал вперед, почти до поворота на главную дорогу, а потом сдал назад.

— Садитесь — скомандовал он. Ненавижу, когда со мной говорят таким тоном. Ненавижу! И тридцать два градуса в половине десятого утра требовали забыть о принципах и уgomонить неугомонное эго. Катись оно к чёрту! Хочу я спать, а остальное может и потерпеть.

Аринку предупредила, что останусь в городе поработать.

— Ага! Приятных сновидений! — рассмеялась она.

— Вот только давай без надрыва смеха и дебильных шуток, — почему-то рассердилась я.

— Проспишься, жду извинений. И бабулю не забудь навестить, а то обидится.

Серафима Андреевна не захотела переезжать в дом Аринки и Ромки. Свой бросать отказалась наотрез.

— Итак семь лет скиталась без родного угла. Уж простите, но хренушки куда уеду. Если не будете навещать, прокляну — этой женщиной Я восхищаюсь безмерно. Наверное, если бы не она, Аринка с Ромкой до сих пор бы играли роль фиктивных супругов. И вот, казалось бы, совсем не родной человек, а за четыре года, что мы прожили под одной крышей, стала ближе, чем мама за всю жизнь. Кроме того, что я отходила от похмелья, пришлось ещё составлять вопросы для Волкова. Причём брала советы у сестры, которая с ним имела более или менее приличные отношения. Она лучше ориентировалась в том, что такое хорошо, а что такое плохо в случае с этим мужчиной. Вот так и прошёл весь день в звонках, в работе и общении. А вечером посиделки с Серафимой Андреевной и звонок от шефа.

— Ну как дела продвигаются? — поинтересовался он.

— Сдвинулись с места. Правда, не обещаю тебе огромную статью.

— Я в тебя верил, малышка!

— Боже, Андрей, уволь меня от этих телячьих нежностей. Жена что ли уехала?

— Почему ты так решила? — проскользнуло удивление в его голосе.

— Тогда ещё до дома не добрался — сделала я вывод. — Ты позвонил, чтобы поинтересоваться, как идёт дело?

— Соскучился!

Я задыхалась от смеха, пытаюсь справиться с эмоциями. Ну что за дебил?

— Иди ты, Андрюша... К Жене. Не мешай работать.

— Злая ты. А если уволю?

— Поверь, твоя газета не одна в городе. Это тебе уже не так просто куда-то устроиться. А я молодая, в полном расцвете сил, как бы локотки кусать не начал. А ещё загрызу! Не шути так, Дежнёв. Пока!

Ответа дожидаться не стала. Лишь повздыхала я потихонечку от этого дурдома по имени «ромашка». Скоро и я там окажусь.

На завтра к обеду у меня уже были ответы на все интересующие вопросы. Плюс несколько фото причём очень хорошего качества. Единственное, светить свое лицо Волков отказался. Ну да ладно, больше напускной загадочности не помешает. Прямо Мистер Икс какой-то с руками растущими оттуда откуда нужно, а не как у меня. Конечно, можно было бы развернуть материал, но нервы были дороги, да и пресмыкаться перед этим говнюком не хотелось. Чувствовала себя рядом с ним я каким-то убожеством. Довольная с улыбкой победительницы

возвращалась назад в Москву. И тут как всегда «на тебе»! Звонит телефон, где определяется номер мамы.

— Здравствуйте — говорит незнакомый мужской голос. Я здороваюсь в ответ — Вы только не волнуйтесь...

Ага, тут же успокоилась, вздохнула спокойно. Что за идиоты пошли!?

— Маргарита Андреевна Пиманова ваша мать?

— Да, — соглашаюсь я, чувствуя, как сердце бухает в груди.

— Она находится в НИИ Склифосовского. Она попала в аварию... Вы подъедете?

О, Боже! Только этого не хватало. Какая на хрен авария? Как будто у неё когда-то была машина. Ох, мама, мама, Куда ты опять вляпалась?

— Да! Приеду, — соглашаюсь я. Аринке решила сразу не набирать. Нечего жути нагонять раньше времени.

Хотя зная ее отношения к родительнице, думаю, она навряд ли бросится в Москву по первому же моему звонку. Значит придётся снова решать всё самостоятельно. Бросаю вещи дома и мчу в больницу.

Вот так всегда. Вроде бы начинает все налаживаться, а тут «на тебе», получите и распишитесь. В регистратуре меня встречают не слишком дружелюбно из-за царящей здесь суеты. Да и вообще, странно, что маму повезли сразу в Склиф.

Я с детства терпеть не могу больницы. У меня уже от одного запаха медикаментов, который витает во всех подобных заведениях, мозг не хотел работать. А тут целый СКЛИФ! После трёхминутного маринования в очереди, меня, наконец, удосужились выслушать.

— Мне сказали, что мою маму к вам привезли. Маргарита Андреевна Пиманова — забываю я поздороваться даже. Волнуюсь! И наверное, не сколько за нее, потому что на нашей Марго все как на собаке заживает, а из-за того, что присмотр за ней ляжет именно на мои плечи. Скажете, плохая дочь? А меня не научили любить маму в детстве, как и уважать.

Женщина долго-долго щёлкает компьютерной мышкой в поисках информации, внимательно разглядывает экран монитора, а потом выдает, спустив очки на острый орлиный нос.

— Да, поступила. Врач освободится через несколько минут, подойдёт к Вам.

— А к ней можно?

— Девушка, это скорая, а не приёмное отделение. Дождитесь доктора.

И снова долгие минуты томительного ожидания, которые тянулись словно резиновые, заставляя меня нервно колотить по подлокотнику диванчика, где я удобно расположилась. Что там такого серьезного случилось? Наконец, спустя совсем не парочку минут, передо мной появился молодой мужчина в зелёной форме. Руки он держал в карманах, на шее удобно расположился фонендоскоп, который в детстве я всегда называла «слушалкой», затрудняясь выговорить такое тяжёлое слово.

— Вы к Пимановой? — уточнил он голосом большого начальника, коим, скорее всего не являлся. Не думаю, что к тридцати мужчина может занимать какую-то серьезную должность в ТАКОМ заведении.

— Да, — согласилась я, подскакивая на месте. — Что с ней?

— Ваша мать уже в порядке. Отделалась испугом и закрытым переломом руки. Сотрясения нет, но лучше немного понаблюдать за ней. Поэтому я переведу ее в стационар, а через пару дней можете ее навестить.

Хм, а он ничего такой, даже я сказала бы, красавчик. Наверняка пользуется большой популярностью у женской половины персонала. Вон прошла сестричка, которая одарила его томным мечтательным взглядом. Тётка за регистрационной стойкой оживилась, наблюдая за нами. А вон одна из пациенток, смотрит на него как на Бога, и думаю, дело не только в заслугах относящимся к медицине. Что-то в нем было такое Молодец, Пиманова, у тебя родительница в гипсе, а ты мужика разглядываешь. А кто вообще отменял команду «плодиться и делать секс». «Люди ночами делают новых людей...» — проскользнула в голове строчка из песни моей любимой группы «Сплин». М-да, жениться тебе пора...тьфу ты! Замуж, Римочка, замуж. Почему-то в последнее время думалось об этом чаще, хотя сестра утверждает, что лучше бы жила холостячкой. Обманывает, коза! Как бы она не отпиралась, как бы не вредничала, а с Ромой у них полная гармония.

Блин, снова о своём... Мама! Добраться нужно до этой несносной женщины. Как и в случае с Аринкой, отношения у меня с Маргаритой Андреевной были совсем уж не «ахтишными». Детство у нас было одинаковое, этой женщине мы были, по сути, не нужны, да и любить себя любимую (извиняюсь за тавтологию) она умела лучше, чем нас.

— Привет! Рассказывай, как ты умудрилась? — вошла я в палату, когда она театрально страдала, лежа чуть ли не при смерти на больничной койке.

— И что ты сразу с порога? — обиделась родительница.

— А то, что я должна звонить Дежневу и отпрашиваться с работы из-за тебя, — начинала злиться я.

— Буду умирать, и некому будет подать кружку воды, — надулась мама.

— Сама виновата. Я как хорошая дочь лечу к ней в больницу, а ты меня еще отчитывать вздумала. Ты скоро так совсем одна останешься. Ты когда в последний раз внучку видела? Ах, извини, забыла. НИКОГДА! Я уже не говорю

про малых. А вот ехать и кланяться деньгами у Арины, так это за милую душу. Мам, ты когда повзрослеешь и поймешь, что МЫ твои дети?

Удержаться от этой бравады я не могла. Так случалось всегда, когда мы с ней встречались. Раньше как-то терпела, когда Арина уехала строить свою новую жизнь, а я, будучи студенткой, довольствовалась обществом этой женщины под одной крышей. Теперь, слава Господу, имею возможность снимать самостоятельно жилье.

Так! Подошла к окну, повернувшись к маме спиной, пока она молчала, переваривая полученную информацию, что само по себе было странно, отдышалась, успокаивая внутренний порыв. Можно, конечно, выяснять отношения, но сейчас лучше показаться хорошей дочерью. Ведь в душе все еще теплилась надежда, что этого человека можно еще спасти.

— Что случилось, расскажешь? — уточнила я, немного успокоившись.

— Я спокойно шла в магазин за продуктами. Переходила улицу как положено. Этот идиот выскочил неожиданно из-за поворота. Ну, я и оказалась распластанной на асфальте — по щеке ее скатилась слеза, которой я не поверила. Это все мы проходили тысячи раз.

— И как добралась до больницы?

— Он привез. Испугался, но привез.

— Хоть это хорошо, и не нужно гоняться за этим козлом по сему городу, — выдохнула я.

— Он уговорил меня не подавать в суд, — заявила она.

— Я и не сомневалась...

Я даже не сомневалась и в том, что она могла кинуться сама под колеса дорогого автомобиля. Но вот об этом решила умолчать. Не сейчас.

— Ладно, ты поправляйся — я достала из кошелька несколько купюр, положила ей на тумбочку. — Это на лекарства. Завтра приеду. Что-то нужно?

— Зарядку привези для телефона и вещи какие-нибудь, хоть меня и не продержат долго.

Я утвердительно кивнула, попрощалась и с большим облегчением оказалась в коридоре. Я лучше в кабинете врача проведу несколько часов (напоминаю о фобии), чем несколько минут в одном помещении с мамой. Уже на улице я выудила из сумочки пачку сигарет. Инструктор по фитнесу давно заставил меня отказаться от вредной привычки потому, что я быстро начинала задыхаться, но иногда вот в такие моменты, это было единственным верным средством. Дым вошел в легкие как к себе домой, удобно устроился было уже, но пришлось выдохнуть. Хорошо!

— Не найдется огоньку? — рядом появился тот самый доктор, держа зажатой между губ незажженную сигарету.

— Пожалуйста, — я чиркнула спичкой. Почему-то всем новомодным зажигалкам я предпочитала именно проверенное старое средство с надписью на коробочке «Череповец».

— Мне казалось, что родителей обычно навешают дольше.

— А мы не обычные люди, — ухмыльнулась я, чувствуя, как внутри больно кольнуло. — Странные. Прилетели с Марса лет эдак четыреста назад — натянула улыбку. Незачем знать каким-то посторонним людям, что у Римы Пимановой есть маленькая слабость, которая делает ей больно. Нет, я самая позитивная и веселая тетка, а всех остальных скелетиков спрячу в сейфе и забуду от него код.

— А что так банально-то? Я думал, как минимум, Альдебарана какая-нибудь.

— Далековато. Но это, считайте, своеобразный космический курорт с крякозяблами и слонорогами. Кстати, могу даже фото показать — вспомнился мне сразу сосед с вредной алкогольной привычкой. Тот на любое космическое существо мог подойти. Хотя, думаю, с такой профессией этот... Блин, а я ведь не знаю как величать-то красавчика доктора.

— Рима — представилась я.

— Виктор — пожал он мою протянутую руку. Блииин! Так у него кожа нежнее моей. Неужели это чудо из тех, с которым придется бороться за место около зеркала. Ну и пусть. Новые знакомства еще никому не навредили, а за последние несколько суток на Вить мне конкретно везет. Хотя первый случай оказался провальным. Может, хоть здесь что-то путное окажется за зеленой униформой. Ммм! А как курит Витенька сексуально.

— И как Вас, Виктор, занесло в этот гадюшник?

— Интернатура. Решил набраться отечественного опыта в самом беспокойном месте Москвы.

— Я смотрю, азарт с Вас так и прет — рассмеялась я, понемногу успокаивая бурю внутри.

— Ну, а какой гусар не любит риск, шампанское и красивых девушек?

— Хм, нам с Вами нужно как-нибудь попробовать альтернативу с шампанским.

Пригласить парня на свидание? Да раз плюнуть, когда самоуверенность так и прет из нутра.

— И думаю, это нужно устроить в ближайшее время. Какие планы на сегодня? — оживился он.

— Я так понимаю, я уже нашла занятие!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ИГРА «ПОЙМАЙ ВОЛКОВА» ИЛИ НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ЖЕНЩИНУ НАЕДИНЕ СО СВОИМИ МЫСЛЯМИ

Город, несмотря на ранний час, уже не спал. В окно пробивался первый солнечный луч, бродя по тихой комнате. На большой кровати, раскинув руки, мирно спал Витя. Красивый... Немного отросшие за это время волосы рассыпались по подушке. Одна прядь упала на лоб, а он немного ворочаясь, лёгким сонным движением скинул ее в копну других. Мощная грудь вздымалась от посапывания, одеяло оголяло одно бедро, доказывая, что мужчина любит спать без белья. Утомился! Сутки на работе, а потом заступил на ночную смену в мою постель. А я так и не смогла уснуть. Почему?

Достала из тумбочки сигареты, и с наслаждением закурила, забравшись на широкой подоконник, разглядывая город, утопающий в рассветных лучах. Накинула на обнаженное тело пеньюар, взяла в руки телефон, который моргал, оповещая о новом сообщении и с наслаждением вкушала минуты уединения.

«Если сбежишь с работы, я сейчас у родителей! Хочу как в старые добрые времена, встретиться с вами», — от Алиски. Это неплохая идея, очень неплохая. Дописать статью, плюнуть на все, да укатить в закат.

Витя зашевелился, словно чувствуя мои мысли. Идеальный мужик, но чего-то мне не хватало. Недавно задала себе вопрос: «Хочу ли я с ним встретить старость?». Ответ был однозначный, не терпящий никаких «но» — НЕ ХОЧУ!

Я довольна тем, что у нас есть сейчас. Это нечастые встречи, так как он пропадает на работе, и офигительный секс. Как доставить удовольствие, он знает. В этом все плюсы врачей «знание физиологии». За месяц этих отношений, я ловила себя неоднократно на мысли, что с ним удобно. Но нет, только в роли любовника и никакого совместного проживания. В быту, как оказалось, Витюша педантичен. И это ещё одна деталь-дань профессии. Ну, это сразу же не про меня. Вот теперь есть возможность сбежать от него ненадолго.

В окно впорхнул прохладный поток воздуха, в котором чувствовалась осень. Она совсем-совсем близко. И это сонное августовское утро тому доказательство. Мне казалось кощунством портить этот запах табачным дымом, но сейчас хотелось просто курить. Слишком многое случилось за это время. И это было связано не только с мужиками. Допустим, Алиска... Ее похищение выбило меня немного из колеи, хотя о нем я узнала, когда все закончилось. Нет, правильно, что она не укатила до своего итальяшки. С Захаром надёжнее, и опять же, с ним я знакома не была ещё. Но вот то, что там рядом с ней настоящий брутал с крепким плечом, о которое она может опереться, я даже не сомневалась. Неопределенными остались мы с Полиной. И то, эта казювка без мужского внимания не страдает. Куда мне там со своими редакторами, да травматологами?

А тут ещё слухок завелся между девками, что я безбожно влюблена в Волкова. Брееед! Чистейшей воды бред! Что там такого интересного? Грубый, невоспитанный, к тому же зануда жуткий. Сколько раз он мне звонил после того, как я отослала ему статью? Ну, поменяла я там несколько простонародных словечек, Царю не понравилось. Пришлось даже умолять, чтобы оставил все как есть. Не зря жена его покончила с жизнью самолично. Тут любая с ума сойдёт. Бррр! Жутковато.

Договориться с шефом о моем отъезде было не трудно.

— Поеду мириться с Волковым. Может, ещё какой материал нарою. Статья-то вызвала интерес, — врала и не краснела.

— Серьезно? И никакого интереса к нему не питаешь? — вот после этих слов хотелось пустить в ход свой маникюр, чтобы исполосать эту отвратительную рожу.

— Нет, Андрей, не испытываю. И даже если это так, то тебя данная проблема совсем не касается. С кем я сплю, как и в какой позе буду решать я и только Я! — закипела так закипела, чуть пар не пошел из ушей.

— Катись отсюда, Пиманова. До понедельника даже не смей показываться мне на глаза.

ТЬфу, а я только была «За»! С Витей прощаться оказалось тяжелее. Там начиналось простое мужское самолюбие.

— Из-за работы ты хочешь просрать наши единственные совместные выходные? — второй раз за день приходилось злиться. Вдохнула-выдохнула, настроила внутренний голос на позитивчик, успокаивая тем, что через несколько часов я буду уже далеко от этих людей.

— Не хочу, но я не могу ничего с этим поделать, — прибегла я к «сюсюканиям».

— Тогда, может, я к тебе приеду? — уточнил Витя.

Господи, почему с мужиками так сложно? Знакомить его с семьёй? Он совсем больной? Видимо, да! Кажется, он не шутит. И снова нужно врать о том, что времени у меня совсем не будет, что украсить его выходные я не смогу. Но с другой стороны, если девки мои увидят нового ухажера, может, тема с Волковым будет закрыта? Ну, уж, нет!

На этом моё умение в интригах терпит фиаско. Через какое-то время я смогу стать свободной, а память о Викторе будет жить в их сердцах ещё долго. А потом снова выслушивать нотации по поводу моей бестолковости. Пусть всё остаётся, как есть.

Ещё хуже оказалось прощание с мамой. Забыла упомянуть, что весь этот месяц у меня прошел не только в романтике, но и в режиме Turbo, когда я с работы мчалась к трезвонящий по десять раз на дню родительнице, помогала принимать ванную, готовила еду, а потом, уже окончательно выдохнувшись, убивала себя свиданиями с Витей, если он не был на дежурстве. Итог — пять кило. Даже фитнес такого результата не может дать. Поэтому я была просто обязана расслабиться. А вот Аринка, коза злопамятная, к родительнице так ни разу и не приехала. При этом мне каждый раз приходилось выслушивать стенания Маргариты Андреевны, за что хотелось сломать ей вторую руку. Скажете, что неправильно я рассуждаю. Ну, эти отношения зародились ещё в младенчестве. Просто Аринка была далеко, а мне не оставалось другого выбора, как становиться прислугой у женщины, которая нас совсем не любила.

Со словами «как раз научишься ухаживать за собой самостоятельно», я садилась уже на поезд. За окном проплывал приевшийся за столько лет пейзаж, но я всё равно лениво разглядывала и остающуюся позади Москву, и всё, что находилось за ней. Так и не решилась за всё это время достать ноутбук, тупо глядя в мутное окно, поглощая жадно свои мысли. Мне уже самой нравилась идея своей влюблённости. В передней части поясной извилины моего мозга уже начали вырабатываться самые неадекватные желания. А вот лобная доля, отвечающая за суждение, похоже, отключилась на некоторое время. Я придумала себе новую игру под названием «Поймай Волкова».

Он был одним из тех немногих мужиков, на которых не подействовали мои чары. Охотничий инстинкт вперемешку с женским самолюбием запротестовали. И на простой, казалось бы вопрос «Зачем тебе это?» мое внутреннее Я ответило вполне по-женски «Затем!» Где логика? Ах, да, кажется, у женщин она отсутствует по общепринятому мнению. Так чем я отличаюсь от особой своего пола? Сестра ответит, что более долбанутой тётки ещё не встречала. На этом, пожалуй, всё!

И ещё одно, не оставляйте женщину наедине со своими мыслями. Никогда! Там, в своей маленькой безмозглой головке она может такого наворотить...

А вечером меня уже ждали мои родненькие. Даже Аринка бросила детей на мужа и отправилась отрываться потому, что по-другому я это действие назвать не могу. Начну с того, что посиделки зачинались вполне мирно в небольшом баре в центре города. И всё шло хорошо, пока в ход не пошла текилла, которую мы пили согласившись на глупые соревнования «Кто кого перепьет». Четыре мелких дамочки или трое здоровых мужиков? Тренированный организм девочек неизменно одержал верх. Затем нам захотелось потанцевать. Но прежде, чем мы добрались до клуба, во-первых, пришлось освежиться, помочив ножки в фонтане центрального парка. А, во-вторых, оттуда мы вылетели с визгом, убегая, от застукавшего нас патруля. Рассыпались по всей территории, дабы не быть пойманными. Почему-то мы с Полиной оказались в одном месте, прячась за кустами акации и, «О, Боже!» Прямо за нами целая клумба с цветами. Хрен его знает, что там может твориться в пьяной голове, но удержаться от искушения было выше моих сил. А потом в расхлебанном веночке идти босиком по тротуару, хохотать как ненормальные.

Я помнила всё! И как мы прорывались в клуб, и как отплясывали на барной стойке, как подрались с тремя курицами в туалете. Помню даже, как снова столкнулась с тем самым первым Витей, окольцованным и всё таким же похотливым. Помню, как пыталась исполнить танец на пилоне и дала в нос охамевшему дядьке, пытавшемуся полапать мои женские прелести.

Но вот как я проснулась в гостинице у Волкова, для меня на утро стало большой загадкой, словно секрет египетской мумии. Проснулась от того, что кто-то наблюдал за мной. Почему-то всегда чувствую, что на меня смотрят, даже если вообще нахожусь в отключке. По привычке выругалась.

— Польщ, отвали! Я ещё хреноваستنенько себя чувствую.

— Поэтому я принесла таблетки, — раздался совсем уж не собачий голос.

От неожиданности я даже подскочила, забыв о своем похмелье. Передо мной стояла девчонка Волкова, имя которой я судорожно вспоминала. Мужское какое-то. Саша? Гоша? Андрей? Хотя при чём здесь последние два? Женя.. Да! Кажется, Женя. Глаза пуговки следили за мной немного настороженно, но при этом с каким-то сочувствием.

— У вас телефон звонил, я взяла на себя смелость ответить, — отрапортовала девчонка. — Я предупредила тетю Арину, что вы у нас.

— У вас? — соображала я, действительно, туго. Огромная гостиница с деталями где использовалось дерево в качестве материала. Не знакомый, но довольно удобный диван. Опять же, ребёнок, стоящий передо мной.

— А как я здесь?...

Договори не сумела потому, что боль шибанула в живот, сводя желудок невыносимым спазмом. Сразу же бросилась в уборную на которую мне указала Женя.

Зато пообнималась вдоволь с волковским унитазом. Главное, на хозяина в таком виде не наткнуться.

И снова, Доброе утро, Рмма Сергеевна! Хотя положение Солнца на небе, указывало, что уже далеко за полдень. Какого хрена я здесь делаю? Вопрос риторический потому, что ответить на него с точки зрения фактов я не могу. Нужно искать свидетелей.

И как раз один из них ждал меня в гостиной, вернее появился в ней, когда я вышла из места своего укрытия. Хорошо, что успела немного «припудрить носик».

— Смотрю, день совсем не добрый? — кривая ухмылка, самодовольный взгляд, сталь в голосе. О, да! В этом весь Волков. Ах, еще забыла, вместо приветствия обладает привычкой заявляться с какой-нибудь колкой фразой. Хотелось мне сказать что-нибудь в ответ, но тут такое дело, я вроде как не в своем доме, отсюда вытекает вывод: я накосячила. Причём жёстко.

— Как я здесь оказалась? — выдохнула я, решив тоже проигнорировать правила приличия.

— Правда, не помнишь?

— А мы уже на ты?

— Ну, с тем учетом, что между нами было, думаю, это правильно, — слова и насмешливый тон ударили прямо под дых. И при этом, я поняла, что покраснела.

Как это так? Это полная задница. Я в последний раз заливалась краской в классе втором, когда нечаянно долбанула учителя физкультуры мячом в пах. И то не от стыда, а от испуга, что мужик может остаться без потомства. И да, уже тогда я хорошо знала анатомию благодаря общению во дворе с не самой хорошей компанией. Ох, и ещё была однажды ситуация. Встала ночью пописать, и услышала, как Аринка с Колькой (первым мужем) резвились в постельке. И опять же, не из-за стыда, а от того, что это было фиии! Ты вдруг слышишь, что кто-то "шпилит" твою сестру. Тогда мой мозг просто взрывался. Больше гадости я себе не представляла и не могла никогда представить потом.

А теперь вот, стою тут и смущаюсь как дура.

— Мы?.. — уточняю нерешительно, не находя смелости договорить фразу. Это только этот мужик может меня доводить до такого состояния.

— Как бы тебе не хотелось, но я не опускаюсь до того, чтобы пользоваться пьяной женщиной, — от этого последнего «нет» Я выдыхаю почти облегченно и шумно. Почти... Ведь что-то даёт же ему право мне «ты» кать.

— А что тогда случилось? — залпом осушив стакан с шипящими таблетками, так заботливо предоставленный Женей, которая в свою очередь оставила меня на своего дебильного папочку, я продолжаю интервьюирование.

— Ты вчера ко мне приставала, обзывала, материла, грозила убить, пока я не уложил тебя спать.

— Боже, я ничего не помню. И как я попала к Вам?

— Видимо, на такси, которое оставило тебя у моего дома. Ты ещё пол улицы перебудила своими криками.

— Всего лишь половину? Я надеялась, благодарных слушателей будет больше.

— Поверь, их было много.

— Можно одну просьбу? Вызовите мне такси.

— А я думал, услышу извинения.

— За то, что отвергли мою чистую и непорочную любовь? Нет уж! Мучайтесь.

Пока я ждала вызванную Даниилом Игоревичем машинку с чёрными шашечками, успела ещё раз воспользоваться ванной, чтобы не тащиться через весь город в таком виде. Угораздило же меня припереться сюда. Но что-то извиняться меня не тянуло, хотя и было немного стыдно. Ну совсем, самую малость.

А вот нынешние госпожа Барышникова вынудила меня извиниться перед ней.

— Ты охрелела? Я с утра тебе набираю! Почему трубку не берёшь? — говорила тихо и спокойно, уложив пакет со льдом на лоб, попивая джин с тоником.

— Я спал оказывается. А случилось?

— На той стороне в лесополосе нашли труп молодой девушки. Знаешь, сколько у меня мыслей было. У-у-у-у! Чего только не приходило в голову.

— Ага! Особенно в пьяную. Только с чего ты решила, что это я? — заинтересованность в разговоре возникала по мере моего выздоровления.

— Алиска и Полинка ехали со мной. Одна ты пошла дальше куролесить. Не делай так больше.

— Извини, — спорить с ней было выше моих сил, — больше так делать не буду.

Новости о найденной девушке я просматривала уже на следующее утро, когда голова моя работала как часовой механизм. И что там интересного? Вот оно то, за что хочется зацепиться. Третий случай за месяц. Римочка, золотце, тут ведь серией пахивает. Нужно заняться. К чёрту Волкова, тут дело-то поинтереснее будет.

Зацепившись за новую идею, я собралась начинать собственное расследование, наведавшись изначально в местное управление полиции. Естественно, с журналисткой никто откровенничать не спешил, другого я и не ожидала. Да, это был третий эпизод с убитыми девушками в возрасте до двадцати пяти лет, но эти дела пока никто

не спешит объединять. Доказательств не собрано. На этом информация исчерпала себя. И мне не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к себе любимой.

Во-первых, нужно выяснить имена жертв. В этом могла помочь местная пресса. Но быть посланной в очередной раз мне не хотелось, поэтому решила обратиться за помощью в местную библиотеку, где должна была иметься подписка всех печатных

изданий за последние несколько лет. Да, такая ещё имелась, хотя большой популярностью не пользовалась нынче.

Долго выясняла, где такое заведение находится, оказалось, что почти в центре города, в старом потрёпанном здании времён дедушки Сталина, требующего основательной реставрации, хотя и подвергающееся косметическому ремонту. Об этом свидетельствовал нежный персиковый цвет облицовки, поверх облупившегося фасада. А ещё мне понравились огромные колонны на крыльце с лепниной в виде герба СССР на фронтоне.

Внутри ситуация была не лучше. На первом этаже расположился местный дом культуры, который, как ни странно, жил. На сцене репетировала местная вокальная группа, я даже заслушалась на несколько мгновений. Интересно, Поинка тут начинала путь певички?

То, что мне было необходимо располагалось на втором этаже. Начиналась библиотека с огромного зала, где за небольшой тумбой сидела усыхающая женщина в круглых очечках. Вид серой мышки, кожа без загара говорили сами за себя — настоящий библиотекарь.

Посреди зала стояли несколько столиков с лампами на столе потому, как освещенность из-за огромных полок с книгами позади, была низкая. Здесь пахло, как в любой библиотеке сыростью, пылью и полиграфной краской, которой были пропитаны всё до единой книжечки в этом помещении. Я кайфовала. Я реально кайфовала, как заядлый книголюб, наслаждаясь этой временной пропастью, словно в «Советах» побывала.

— Добрый день, чем могу помочь? — оживилась женщина, поправляя сползшую с острых плеч шаль.

— Здравствуйте, — я показала ей своё удостоверение. — Я журналист из Москвы. Я хотела бы ознакомиться с местной прессой. Это возможно?

— Да-да, конечно, — закивала женщина. — Присаживайтесь, я все принесу. А если скажете, что конкретно Вас интересует, я обязательно помогу.

Эта Валентина оказалась настоящим кладом информации. Когда я сказала, что я хочу просмотреть криминальную хронику, особенно то, что касается убийств, передо мной оказались именно те выпуски, который действительно были полезны. Вот что значит, когда человеку скучно на работе. Да и чайк в большой кружке с тремя конфетами оказался очень кстати. Кажется, я здесь застряла.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПРО ВЫХОДНЫЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ К МАНЬЯКУ

Салки. Кто в детстве не играл в эту игру? Наверное, только ленивый. И как замечательно, когда у человека всё ещё детство в одном месте никак не заканчивается. Ну, это чисто мое мнение, когда моя ненормальная сестра портит весь кайф своими едкими замечаниями, мол, один уровень с Настей и Женей. Ну, а что? Главное же бегать умею, а в сообразительности и алчности эти двое могут меня легко переплюнуть.

К чему это я? А! Точно!

«Week ende», или как говорят наши русскоязычные сородичи, выходные. Пришлись они... Пришлись. Ну да, на субботу и воскресенье. А что? Могли быть другие варианты? По-моему, всё просто.

А, событие вселенского масштаба ждало нас в лице Захара Ольшанского. Я нервно грызла ногти, по-тихому завидую Алиске. Нет, зависть, конечно, в хорошем смысле. И задница вон офигительная, и голос пробирающий до мурашек, и брутальность так и прёт через край. Губозакаточной машинки мне только не хватало на этот момент.

Загнать бы его на несколько минут на голубой экран(голубой — это не в смысле пидорастический, а в телик), то пришлось бы моей подружке отгонять толпы фанаток от подъезда, а может и отстреливать. И, да, я могла бы быть в их рядах.

«Пусть говорят, что дружбы женской не бывает...» — в голове прохрипела своим голосом Аллегрова. А хренушки тебе, Аллегрова, бывает. И даже мужик в этом не может стать помехой. Доказывать, что это очень редкие случаи, не хочу, но вот, была уверена в одном, полюбоваться мужиком это одно, а изменить с ним подруге, это вообще самая запретная тема на Земле. К чёрту этого Ольшанского.

Перспектива ближе к вечеру, после того, как в мой организм был залит не один бокал винишка, замаячила на горизонте новым гостем. Волков! Ну, куда же без тебя, родненький? То что, Барышников обзавелся настоящим другом, я знала, но не думала его так скоро увидеть после моего позорного бегства.

А вообще, эта идиллия семейных отношения, где я как пятое колесо на бричке, просто подбешивала. Неужели всё так должно быть ванильно-сладко? А где же хардкор бытовухи? Да вы что дамочка, кругом народ, «улыбаемся и машем», а отношения выясняют в спальне за закрытыми дверьми. Вы не поверите, но Настаська за всю свою шестилетнюю жизнь не слышала ни одного скандала между родителями. Мне, кажется, только за это Барышниковых стоило уважать. И эта зараза передавалась воздушно-капельным путем. Мне тоже хотелось поцелуев в висок, согревающих объятий, заботливо укрытых пледиком ножек, что я мысленно «поимела», в хорошем смысле этого слова, Волкова в качестве укрывателя моих ног, пока он шел к нам.

— А он-то тут какими судьбами? — уточнила я, глядя на приближающуюся фигуру.

— Все претензии к Ромке, — прошипела сестра.

— Ага! А твой муж так и выложил передо мной отчёт.

— Ну, тогда вопрос исчерпан, — пожалала она худенькими плечами.

— Хотя мне показалось, что просыпаешься ты в его доме неспроста, — подхватила Алиска.

— Идите вы, девочки... На кухню. Принесите гостю тарелку.

А я в это время сбегаю, как трус распоследний, играть с детьми, бросив короткое «Здрасьте»! А как я могу сидеть и улыбаться, когда такое учудила? Словно прозрела вчера, вспомнив в подробностях события той злополучной ночи.

Чего у меня понесло к нему, я вообще не имею ни малейшего понятия. Наверное, цапанул так, что задело за живое. А приключения искать на пятую точку, которой каждое утро люблюсь в зеркало, проверяя на наличие целюлита, я могу. А когда к этому подключается пьяная голова, кричите «Атас!» и разбегайтесь в разные стороны. Вот так, собственно я и оказалась у дома 38 по улице Линейной. Дальнейший рассказ мой не подлежит логическому объяснению, поэтому, тут просто нужно включить воображение, и вспомнить себя пьяной, остановиться именно у тех самых горе-ворот.

Нажимаю на звонок, тишина. После третьего раза снова нет никакой реакции. Начинаю долбить ногой в калитку с криками «Волков, сволочь, открой, разговор есть!». А был ли он? Смотрим на пояснения выше.

Снова тарабаню, разбудив соседских собак, которые начинают заходиться в истошном лае.

— Гав-гав, гав-гав! — передразниваю я их, потеряв чувство самосохранения, которое нам дается с рождения. Нет страха, есть одна сильная эмоция, в которую превратились все органы моего тела. Вижу, во дворе включается свет поярче.

— Волков, выходи подлый трус, — цитирую я кота Леопольда. Вижу, уже в соседних домах люди начали просыпаться, некоторые особо любопытные даже выспали на дорогу, полюбоваться картиной. Калитка бесшумно отворяется, и я натываюсь на злое лицо Волкова.

— О! Явился! — несёт меня дальше. — Что вытарашил свои зеньки. Ах, да! Мы же Мистер неприступность

Ненавижу тебя! Ненавижу! — пытаюсь стукнуть кулаком его в грудь, но промахиваюсь и теряю равновесие. Мужские руки с легкостью подхватывают мое тело, не дав упасть. И он всё стоит такой спокойный и уравновешенный и продолжает меня выбешивать. Злюсь ещё больше.

— Ну чего стоишь, как истукан? Мог бы и поцеловать, — он молча меня затаскивает во двор, захлопывая за нами калитку.

— Может, хватит? Мне с этими людьми еще жить.

— Срала я на людей, и на тебя срала, сволочь. Ну, вот почему ты такой?

— Тебе нужно выспаться, — произносит он крайне настороженно.

— Мне, да... — А дальше пошла бравада матов на исконно русском языке с добавлением бури разных эмоций.

А вот потом уже не помню, как он меня уложил спать. Видимо, я и правда устала.

И теперь мне предлагают сидеть с ним за одним столом? Да ни в жизнь. Спасли меня девчонки, которые весело прыгали по двору.

— Примите в свою компанию? — уточнила я.

— А большие разве умеют играть? — удивляется искренне Наська.

— Умеют, я на папе проверяла, — соглашается Женя. — А на что играем? — руки в бока, вызывающий взгляд.

Вот ушла молодежь пошла.

— А просто так не прокатит?

— Нет, ну на интерес неинтересно.

— А папа знает об этом?

— Нет, и думаю, ему лучше не знать. Так как?

— что я могу предложить? Задумываюсь. — Телефон, деньги?

— Ты думай! Как я потом буду объяснять отцу?

— Нашла, например, — пожалала я плечами.

— Врать? Нет! Это вам взрослым запросто, а мы дети чистые невинные души, — разводит руками девчонка.

Ушла, языкаястая ещё вдобавок. Она мне нравится!

— Ну, а если это будет поход в развлекательный центр? — предлагаю я свою цену.

— Ты не забывай, что нас двое, — в разговор вступает мелкая, подбоченившись. А я-то наивная думала, что смогу развлечь их. А оказывается, развлечение они и сами могут себе устроить, и даже не хило заработать.

— Вы маленькие вымогатели, — заявляю я.

— Ну, а я тогда предложу тебе поход в кино с моим папой. Он ведь тебе нравится? — выдвигает свои условия Женя.

— Ну, скажем, я испытываю интерес.

— Вот и договорились! Ты водишь!

Большого веселья не испытывала никогда. Одно дело, когда ты ребёнком носишься по двору и разбиваешь коленки, совсем другое почувствовать себя маленькой дурочкой в двадцать шесть лет. Лишь моя сестра обречено качала головой, понимая, что детство в попе это уже диагноз, а не состояние души. Ну, соответственно, в борьбе поколений я оказалась поверженной. Нет, вы только представьте, я, Рима Пиманова, которая по три раза в неделю проводит в спортзале, проиграла этим шмакодявкам. Сразу вспоминается попугай Валера из усатого няня, который всё время твердил «Кошмарrrr! Кошмарrrr!».

Кошмарного и вправду много, особенно когда мне пришлось идти с повинной к Волкову.

— Данлил Игоревич, я хотела у вас отпросить Женечку.

— В смысле?

— Я хочу завтра погулять с девочками, — уточняю я немного неуверенно, ожидая его реакции.

— Женёк, ты снова? Я тебе сколько говорил, что нельзя играть на желания, деньги и прочую фигню. Я говорил тебе, что это хорошо не закончится, — отчитывает он немного дочь, но она лишь невинно опускает глазки.

— Ну, я проиграла достойно. Тем более мне не трудно. Я сама предложила.

А ведь дела у меня были поинтереснее. Например, посетить родителей последней жертвы.

Ах, да! Моё расследование. В библиотеке тогда я просидела не зря. Кучи материала не нарыла, но зато нашла кое-что поинтереснее.

Ну, во-первых, все жертвы были найдены в разных частях города. Причём, убили их не совсем на том месте, где их находили, а неподалеку в каком-нибудь укромном месте. А потом волочили до еще одного уголка, где найти потом их было легче. Орудие убийства всегда было разным: первую задушили проводом от ее же наушников, вторая была заколота своей же пилочкой, у третьей была размозжена голова. И что примечательно, деньги и драгоценности были на месте, исчезали только документы. А еще их тела подвергались надругательству. Одежду рвали на мелкие кусочки, оголяя женские прелести, при этом рядом находили остриженные волосы,

А ещё... А ещё порывшись в газетах, и послушав сердобольную Валентину, которая без конца трепалась над

ухом, подобное преступление произошло в соседнем городе много лет назад. Причём все убитые тогда учились в одной школе. Теперь нужно было выяснить, как девушки могут быть связаны между собой.

— Как вы думаете, это можно связать в одно дело? — глаза у Валентины горели, сразу видно, женщина перечитала детективов. С такой внешностью и профессией не удивительно.

— Можно попытаться. Но у меня нет никаких материалов, подтверждающих это. Единственное что я имею, это просто вырезки из газет.

— Можно ведь пообщаться с родственниками убитых, они должны что-то знать.

— Я не думаю, если бы мою дочь пришилепнул какой-то чокнутый маньячина, я бы что-то знала об этом, — схватила я за голову, истошно соображая.

— А если не маньяк. Вдруг их преследовали. А может, они были знакомы, а может, они были знакомы с одним и тем же человеком...

— Тут в городе, кажется, чуть ли не все друг друга знают. Ладно, Валя, спасибо! — поднялась с места.

— Позвоните мне, если у Вас что-то будет, — попросила она. Ну, а что? Соратник в таких делах не помешает. Вот такие серые мышки они бывают так навязчивы и...полезны! Поэтому я согласилась.

На второй день я начала обходить родственников жертв, прежде созвонившись с шефом.

— Пиманова, тебе делать нечего? Мы не пишем про серийных убийц, тем более по области. Мы не «Криминальная хроника», — объяснил он, а я даже представляла, как он сдерживает себя, чтобы не разобраться, как багровеет его лицо... Вот вся прелесть бывших любовников, на которых ты работаешь, у тебя есть пусть маленькие, но привилегии. А когда этот любовник продолжает изнывать от желания трахнуть тебя на своем же столе, это вообще становится огромным-огромным плюсом.

— Дежнев, знаешь, если бы я сейчас была рядом, то с удовольствием разделась бы и легла перед тобой на стол в своем круженном черном белье, что сейчас на мне, — начала я томным голосом. Хэбэшные трусы-шорты и спортивный топ вместо лифчика на мне, видимо должны были загордиться от того, что я их назвала сексуальными.

— Рима Сергеевна, имей совесть. У нас завтра дебаты в парламенте, а тебя нет на месте.

— Отправь туда Хлопова. Ты же знаешь, это его мечта. Дай мне немного выходных, могу за свой счет взять. А я приеду и может тебя порадую.

— У тебя время до среды, потом назад в Москву и работаешь без выходных. И вот это «МОЖЕТ» оставь для маленьких мальчиков.

— Андрюш, у меня в пятницу у племянников день рождения. Я не могу на выходных работать, я пьяная буду, — надула я губки. — Отпусти меня на недельку, а я тебе службу собачью когда-нибудь сослужу.

— Косточку принесешь? — хихикнул Дежнев в трубку.

— Нет, могу выгулять твою жену, — скрытая угроза. Не хотела я к этому прибегать, мне достаточно было просто попросить хорошо, приложив усилия, но надоело выслушивать его обидчивый тон.

Да и вообще, в последнее время он начал меня бесить. «Эх, Рима Сергеевна, скажи, пожалуйста, кто из мужиков тебя не бесит в последнее время?» — заерничал внутренний голос. А ведь такой имелся. Матвеюшка, который называл меня «тетей», и крепко обнимал за шею пухлыми ручонками. Остальные все сволочи!

— Сука ты, Пиманова! Сто раз пожалел, что связался с тобой.

— Мой, хороший, Андрюшенька, приму это за комплимент. Ты там попроси Дашеньку, пусть мой компьютер вскрыет, там у меня на рабочем столе есть статья из заглавничка. Держу на всякий вот такой случай, чтобы читатели меня не забывали. И да, до понедельника, только пока еще не знаю какого.

Работником я была хорошим, при чем, одним из самых востребованных авторов в газете, так что увольнять меня была причина только одна — это моя наглость. Так нет, Дежнев боялся, что я пойду к его жене. Проблема была в том, что знать-то она знала, но молчала, а если я вдруг бы заявила, браку был бы трюндец.

Как позже я выяснила, Дежнев женился хоть и не по любви, но выгодно. Отец жены, то есть свекор его, был человеком большим и властным, каким-то чиновником, помогшим ему залезть в кресло главного редактора. А если Андрей разведется, то естественно, потеряет все. Конечно, если только это не будет такая же баба со связями. Я была не такой, поэтому и надеяться было не на что.

Два дня я потратила на выяснение личности Камиллы Кошиной, которая была убита в конце июня. Девушка была найдена в городском парке собачником рано утром, когда тот выгуливал своего пса, и тот помчался в кусты. Бездыханное тело молодой девушки лежало прямо на лужайке между густыми кустами вишни.

— Здравствуйте — когда дверь обшарпанной пятиэтажки мне открыла седовласая женщина, я натянула скорбно-приветливую улыбку.

— Чем могу помочь? — уточнила она.

— Я журналист из московской газеты, — показала я ей свое удостоверение. — Вы слышали, что на днях было найдено тело еще одной девушки. Этим заинтересовались власти столицы, поэтому я бы хотела поговорить с Вами о Вашей дочери.

По фотографии, представленной в газете было понятно, что женщина является матерью Камиллы.

— Это правда? — надежда блеснула в ее глазах. — Уже прошло больше месяца, а дело так и не сдвинулось с места, — она нервно потерла пальцы. — Входите, я помогу всем, чем могу.

Квартира, где жили Кошины требовала основательного ремонта. Старенькая потертая мебель, такие же обои, которые приклеены кое-где скотчем, правда кухня, куда меня пригласили, выглядела намного лучше, отличаясь от других комнат новой мебелью и свежим ремонтом.

Я примостилась у окна, наблюдая за тем, как женщина наливает чай и ставит на стол вазу с конфетами. Нарушать эту церемонию своими вопросами я так и не решилась.

— Скажите, что Вы помните о том дне? — уточнила я.

— О том дне? — задумалась женщина, присев напротив — Знаете, я всегда переживала, когда Камилла задерживалась где-нибудь. А она всегда смеялась и говорила, что уже достаточно взрослая. Она позвонила в первом часу ночи и сказала, чтобы я ложилась спать потому, что она задержится у подруги.

— У подруги? — уточнила я.

— Да, Верочка Форс. Они вместе учились в школе, иногда ночевали друг у друга. Хорошая девочка. Хотя я подозревала, что ночевать будет она не у Веры, а у своего молодого человека. Появился тут один за два месяца до ее убийства, — женщина зажала рот и заплакала. Видимо, с таким смириться тяжелее, чем мне могло показаться. Не приведи Господь такому случиться. Она встала, прошлепала в сторону двери напротив, где располагалась ванная. Процедура умывания лица заняла пару минут.

— Простите, до сих пор не могу поверить, — вздохнула она тяжело. — Так вот, этот парень, он на дорогой машине, буквально преследовал ее. Она не спешила рассказывать мне о нем, долго бегала от него. Он задаривал ее подарками и цветами, приглашал полететь за границу на отдых. Вот она и сдалась. Вы знаете, я сама воспитывала Камиллу. С мужем мы развелись, когда ей было три года. Не скажу, что бедствовали, я жила ради нее, и пыталась дать только самое хорошее. Конечно, денег было не так много, и я даже не ругала ее за то, что она так быстро пала под очарованием этого молодого человека, и была счастлива. Она работала в клубе, зарабатывала неплохо, вот даже ремонт мы начали делать. Я не знаю, что случилось. Почему она оказалась в том парке, почему с ней так жестоко поступили? Но мне больно.

Добиться более развернутой информации я больше не могла. Для матери ребенок всегда будет хорошим. Больше могла сказать подруга, ну или тот загадочный молодой человек.

К девушке я отправилась сразу же. Нашла ее на работе в торговом центре. Ну, что она могла сказать про подругу? Конечно, только самое хорошее и положительное. Поэтому, я выключила диктофон и попросила ее сделать перерыв на перекур. Вот тут-то Верочка и разоткровенничалась.

— Знаешь, Камилла была хорошей подругой. Всегда могла прикрыть и спасти, как и я ее. В клубе она работала не просто официанткой, как считает ее мама, она танцевала. Не стриптиз, конечно, но полураздетая на сцене... думаю, тете Свете это на вряд ли бы понравилось. Поклонников было у нее много, с одним встречалась еще в институте, но разбежались, так как жили в разных странах. Олег Барышиков, может, знаете?

А как же мне не знать родственников? Главное, что он давно к этой девушке не имеет отношения.

— А что за парень, который у нее появился несколько месяцев назад? — уточнила я.

— Арсен? Ну, этот завсегда в клуба. Заинтересовался, даже пытался купить, предлагал деньги за секс. Кама его и отшила по-хорошему. Вот ему и понравилось. Долго выяснял кто она и что из себя представляет, а в итоге начал преследовать, замуж звал. Кама говорила, что рано еще. Она часто оставалась у меня, чтобы переночевать. А потом уже прикрывалась мною, чтобы остаться у Арсена. В ту ночь тоже собиралась к нему, но они поругались, поэтому она шла ко мне. Не дошла.

Мог убить ее этот самый Арсен? А черт его знает! Оказывается, он смылся из страны после похорон, доказав свое алиби. Наверное, меня мои друзья тоже могли бы прикрыть и сказать, что я пила с ними. Поэтому, если связывать эти три смерти, убить двух других девушек он не смог бы.

Беготня продолжалась и теперь вместо того, чтобы ехать на другой конец города для разговора с родственниками других девочек, мне пришлось быть нянькой.

Да, совершенно верно, Даниил разрешил Жене погулять со мной, конечно, сопротивлялся долго, учитывая мою тягу к приключениям, но был сломлен. Так как ему нужно было ехать к заказчику в другой город, а Женьку было оставить не с кем.

Мы покатались в парке на каруселях, поели мороженого, постреляли в тире, пообедали в «Мак Дональдсе». Потом отправились в торговый центр покорять вершины аквапарка и смотреть «Пит и его дракон».

— Потом сводишь меня еще на «Тайную жизнь домашних животных», — затребовала Настя.

— Крестную свою проси, маленький вымогатель, — рассмеялась я.

— Я ее еще стесняюсь.

— А это не мои проблемы, — развела я руками. — Ты уже взрослый человек, вон зубы начали выпадать, в

школу через две недели пойдешь, а все маленькой прикидываешься.

— Сводит-сводит, — подмигнула Женька. — И я с вами пойду, и папа мой!

Ну, таких наглых девчонок я еще не встречала.

А папа появился как раз в тот момент, когда мы собирались идти ужинать.

— Пап, ты с нами идешь есть пиццу! — скомандовала старшая из вымогателей.

— А ты не думаешь, что весь день есть всухомятку может быть вредно? — уточнил он.

— Как будто я это делаю каждый день. Завтра даже кашу с утра обещаю съесть.

Вот так вот и загатила Женя молчаливого Волкова в нашу женскую компанию. Пока ждали заказ, в воздухе витало некое напряжение. Нужно было разрядить.

— Давайте так, — произнесла я, когда теплый блин с тремя видами сыра, ветчиной и грибами стоял перед нами. — Кто быстрее съест свой кусочек, тот еще раз идет со мной в кино на тот самый мультфильм, о котором мы говорили. Даниил Игоревич, Вас тоже это касается.

Мне была подарена кривая улыбка, но уже более теплая, и касающаяся только меня.

Через двадцать минут доска опустела, и мы довольные выходили из здания, окунаясь в прохладную августовскую ночь.

— Так не честно, папа, ты ведь большой, — ныла Женька, не радуясь победе отца.

— Так я ведь почти три куска съел быстрее, чем ты один, — улыбался он широко. Ах, как же это было красиво и... я украдкой подсматривала за ним. Мне нравилось его отношение к дочери, это было так...так... Даже я, журналист, не могла подобрать к этому слова.

В машине, когда Волков любезно предложил мне подвезти нас с Настей до дома, мы горланили песни с девчонками, подпевая «Русскому радио», при этом хохотали как ненормальные.

— Давай, пап! Давай с нами, — просила Женька, и он подключился. Как оказалось, злой и неразговорчивый Волков мог быть очень забавным. Правда по пути девочки уснули на заднем сидении, а меня ждало совсем неожиданное прощание, когда он передал спящую Настю родителям.

— Спасибо, Рим, что приглядела за Женькой.

— Не за что, — расцвела я в улыбке. Мне его «Спасибо» было как бальзам на душу.

— Мультфильм остается за мной, как хотите, а через неделю идем на премьеру, — я неожиданно открыла рот, но так и не смогла ничего озвучить. — И, можно на «ты», а то мне как-то не удобно. Спокойной ночи!

Я лишь выдохнула вслед удаляющейся спине слова прощания и офигевшая поплелась в комнату. Офигевшая, но почему-то со счастливой улыбкой на роже.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: «ТЫ БУДЕШЬ СЛЕДУЮЩЕЙ»

«Я не забуду тебя никогда

Твои глаза, твою любовь, улыбку, слезы.

А за окном все так же стонут холода,

И поезд мчит меня в сибирские морозы», — надрывно подпевала я голосу Владимира Кузьмина. Во, какая я древняя!

Эта песня запомнилась мне ещё с детства, и наверное, с того времени, этот кучерявый дядька с душераздирающей хрипотцой в голосе стал моим кумиром. Время шло, я росла, вкусы менялись, и теперь иногда между любимыми «The Scorpions» и «Papa Roach» проскальзывал Кузьмин в особо грустные моменты.

— О, Римка, кажется, влюбилась, — заметила сестра. Ну, да, было немного такое.

Из головы никак не уходил этот гадкий Волков. Стеной стоял его образ перед глазами, и сердце предательски сжималось и екало при его упоминании, и голова немного кружилась. Вот что за бл***ство-то такое? Слабачка! Ведь ничегошеньки, ни на единый миллиметр он не сделал для этого. Вот он женский организм! Только повеяло феромонами, скулим, как сучки. Поэтому в ход идёт даже Кузьмин, чтобы успокоить меня ненормальную. Пока действовало плохо.

Необходимо было добавить к музыке бутылочку винишка, но Аринка объявила на несколько дней в доме сухой закон. Хоть беги отсюда. Серафима Андреевна пожалеет, или мне снова до Волкова... Аааа! Начинаю злиться. Что за херня такая? Вот о чем бы не думала, мысли возвращались снова и снова к нему.

«Вот и свет сошёлся клином, на тебе единственном любимом...», — вспомнились страдальческие строчки влюбленной моей однокурсницы. М-да, были времена! Страдания мои были прерваны только одним единственным звоночком с неопределившегося номера.

— Рима, здравствуйте, это Даниил Волков, — раздался в трубке голос. Замерла на мгновение, не веря своим ушам. Черт-черт! Успокойся, дура!

— Рима, ты уснула? — лёгкий смешок заставил меня вернуться на Землю обетованную.

— А! Даниил, здравствуйте! Пыталась вспомнить, когда давала Вам свой номер, — вроде, собралась с мыслями, это уже хорошо.

— Я в городе, хотел взять билеты на сегодняшний сеанс. Думаю, девчонкам понравится, — проигнорировал он замечание про наличие у него моего номера.

Вот те раз! А я-то думала, что обещание было голословным.

Люблю мужиков, которые отвечают за свои слова и поступки. Так! А теперь не спалиться бы своей чрезмерной радостью. Выдыхаю, мысленно успокаиваю себя.

— Конечно, понравится! Хорошо, я отменю дела.

— Можно в другой раз, если ты занята.

— Нет, — понимаю насколько это резко прозвучало, смягчаю. — Я в воскресенье уезжаю.

Как-то паника накатила сразу после разговора с ним. Реакция для меня не вполне адекватная, но что спорить, она была, и меня это дико раздражало.

— Еще ноги побрить не забудь, — подхихкивала Арина, наблюдая за моим замешательством, как я носилась по дому в поисках хоть одного нужного предмета, хватая то, что попадет под руку.

— Точно! — даже замерла на мгновение, собираясь броситься к ванной. Хорошо во время опомнилась. — Иди ты! Нахрена мне ноги брить?

— Как? А вдруг Волков глянет, а там колдоёбки торчат, — смеялась она уже во весь голос.

— Ха-ха! Как смешно! Нет бы за сестру попереживать, она стебется. Не хорошо, Ариша, не хорошо, — погрозила я ей пальчиком.

— Батюшки, родный! Ты ещё смеешь на что-то надеяться? Это человек, который грезит о своей покойной жене. И поверь, как утверждают очевидцы, святее женщины свет не видывал. И ты хочешь с ней потягаться?

— А чего она тогда в окно вышла? Значит, рыльце-то запуховывалось. И вообще, какая разница? Мне он нравится и все. Я же замуж не собираюсь за него.

А при этом переворачивала чемодан в поисках чего-нибудь приличного. А на улице как назло начали набегать тучки, грозясь грянуть августовским дождем. Показали нам солнышко, ну и хватит. А природа к осени готовится, нужно землицу-то смочить, чтобы листик жёлтый лег удачно. Нет, не тяготела я к этому времени года, даже побаивалась, зная, что могу растянуться на мокром асфальте из-за высоких скоростей, на которых меня носили ножки на каблуках. А ещё ненавидела межсезонные вещи, когда с утра дубак, что хоть зимнюю куртку или шубу доставай, а днём кожу от жары стягивай. И с зимой были особые счёты, вернее это она всегда со мной их сводила, накатав на тротуарах гололедицы. И только бегаешь в аптеку за «Бадягой», сводя синяки на попе или ногах. Весна — это то же межсезонье. Да и лето особо не радовало, потому что жарко. И вот только сейчас понимаю, что я злой

человек. Вот как такой бабе можно угодить? А никак! Кляп в зубы и под замок, пока не образумится.

И опять же, напяливая на себя джинсы с рубашкой, у меня перед глазами всплыл образ, где Волков завязывает мне глаза и пристёгивает к кровати... Фу-фу-фу, Римочка! Бесстыжая ты тётка! И опять этот Волков, будь он неладен! «Как будто свет сошёлся клином...» Свет сошёлся клином... Не, это уже настоящий диагноз безумия и женской слабости. А расслабляться сейчас мне точно было нельзя. Бдить и только бдить! При чем в оба глаза и полушария, не давая эмоциям взять верх над тем, что я называю разумом или тех его остатков, что теплятся на пепелище в виде небольших угольков. Алиска бы сказала, что поздно и пора выбрасывать белый флаг. Но нет, мне все ещё хочется побороться за свою душонку.

В общем, притащились мы с малышкой Настей в кинотеатр во время. Отбрила я Волкова с предложением заехать за нами. Лишние полчаса с ним в машине мне не пошли бы на пользу. Начала бы дальше развивать свою бурную фантазию. А так спокойно на такси добрались и даже немного попали под начинающийся дождь, пока шли от стоянки до входа.

— Здравствуйте, Рима, — он едва улыбался, пока девчонки отвлеклись на приветствие друг друга. И эта полуулыбка мне безумно нравилась. Неужели он может быть ТАКИМ? Правда определения я так и не смогла подобрать, но эмоции снова начинали подбираться к красной отметочке. Нужно что-то предпринять, чтобы не накинуться на него прямо здесь.

— Здравствуйте, — выдыхаю я. — Спасибо за приглашение.

— Я ведь пообещал. Ну, что, идёте, ещё попкорн купить нужно, через пятнадцать минут начало.

Мультфильм мне мог понравиться больше, если бы я не отвлекалась все время на Даниила. Украдкой ловила его движения, мимику, насколько это было возможно. Он смеялся. Божечки, этот мужик умел смеяться! Самое большое открытие за весь период знакомства с ним. Приходилось выдавливать из себя смех, чтобы не казаться «не в теме». Мое внимание привлекает кролик Снежок, появившийся немного погодя. Это был самый интересный мультипликационный герой за последние несколько лет для меня. Наверное, весь мультфильм я наблюдала за Волковым и Снежком, больше меня ничто не интересовало. Настюха сидела как мышка, при этом так же как и эти противненькие серенькие существа, грызла попкорн, увлечённая сеансом. Иногда обоняние щекотал очень лёгкий, едва уловимый запах парфюма моего спутника. От этого приходилось даже дыхание задерживать.

А после ужина, который мы так же провели достаточно весело, где я была снова главной заводилой, я поняла, что влюбилась. И какой там может быть трезвонящий Витя? Какая там работа? Когда тут происходит ещё одно чудо в масштабах Вселенной!

Не знаю, никогда не умела отрицать, если что-то чувствовала. По крайней мере, я всегда знала, насколько мне человек нравится или противен. Вот только было интересно, каким образом Даниил Игоревич изменил так быстро отношение ко мне.

Почему он вдруг решился на такой серьёзный шаг, как это псевдо-свидание, когда вот уже восемь лет и не думал ни о чем подобном, Даниил не знал. Было что-то в этой девушке такое... Не похожее на Марину, не похожее ни на одну знакомую женщину. Да, он продолжал всех ровнять, от этого самому становилось дурно, но ничего со своим подсознанием Волков поделаться не мог. Где-то на инстинктивном уровне он всё ещё продолжал ее любить.

Когда это все началось, ее болезнь? Да он и не помнил из-за силы своей занятости. Работал в поте лица, чтобы обеспечить и Марину, и Женю всем необходимым, побаловать своих любимых девочек. И вдруг... Срыв.

Он думал, что пересидела дома, устала от быта. Но эти истерики, переходящие в крушение всего, что попадалось ей под руку, Даниила начали очень напрягать. Не из-за того, что это ему не нравилось. Он слишком любил жену, чтобы думать о таких мелочах. Просто начал переживать за нее. Последней каплей стало то, что в одну из таких истерик, Марина ударила двухлетнюю дочь. Тут его словно парализовала мысль, что пришло время что-то делать. Хотя об этом он должен был подумать раньше, не затягивая до таких событий.

Пошла черед психологов с дипломами, психотерапевтов, считающими себя лучшими мозгоправами. Были назначены процедуры, куча различных пилюль, которые должны были восстановить расшатанную нервную систему его жены.

Да, таблетки помогали. Это было хорошим решением, но вот только Марина стала меняться. Из милой, светлой, женщины, она стала превращаться в ее тень. Бледная, все время ходила какая-то потерянная.

Потом пришел черед ночных хождений по дому и даже пару раз Даниил спускал ее из открытого ночного окна назад в комнату. Это было самое жуткое зрелище, что он когда-либо видел.

Ей понадобился год, чтобы сделаться окончательно больной. Можно бы было отказаться от лекарств, но тогда могла снова пострадать дочь, за которой в это время присматривала Маринина дальняя родственница, приехавшая к ним погостить.

И все бы хорошо, вот только эти все события здорово подкосили и его. Чтобы забыться, Даниил сдружился с бутылкой. Сначала алкоголь был лекарством, затем стал необходимостью.

А потом он не смог ее спасти. Задремал в алкогольном хмеле, всего на несколько минут. А когда проснулся,

жены в комнате не было. Он как сейчас помнил, в открытое окно спальни врывались снежные хлопья с порывами ветра, которые так присущи ноябрю. Он не кинулся искать ее в доме, хотя собирался, пронзившись одной только жуткой мыслью... Ее тело лежало внизу, укутанное в розовый пеньюар. Рыжие волосы рассыпались по асфальту и из под них бежала кровь. Неестественно вывернутые конечности с белой нежной кожей... Все! Ее нет... Она оставила его, оставила свою дочь.

Так они и остались одни. В квартире этой он больше не мог жить. Каждый день просыпался с ней, с ней же и засыпал. И так на протяжении восьми лет. Были девушки и женщины, которые активно требовали его внимания, но всех он снова сравнивал с Мариной. Как и Риму...

Но что-то в ней было. Ему хотелось видеть ее, Женьке с ней было хорошо. Да и вообще, несмотря на то раздражение, которое она вызывала раньше, он понимал, что с ней интересно. Вот так, по-человечески, по-дружески. Хотелось понять, что будет, если он переступит грань приятельских отношений.

Вечер окончен. Машина тормозит у подъезда, разгоня дворниками не на шутку разгулявшийся дождь, превращающийся в ливень. Наська уютно устроилась на Женькиных коленях, погружаясь в дремоту. Сегодняшнюю ночь мы решили провести в городе, чтобы не рисковать нестись за город по мокрой трассе.

— Может, чай? — предлагаю я. Расставаться ой как не хочется.

— С удовольствием, но нам пора. Уже поздно, — растягивает Даниил губы в лёгкой улыбке.

— Хорошо, — соглашаюсь я, когда внутри все бунтует.

— Я помогу Настю перенести. Жень, ты подожди меня, — обращается он к дочери на что получает согласие.

Укутывая девочку в свою куртку, он быстро бежит к подъездной двери, которую я перед ним распахиваю. Поднимаемся на лифте на четвертый этаж, заходим в квартиру, где ребенка бережно укладывают на кровать. А она почти не пошевелилась. Лишь приняла более удобную для себя позу и снова погрузилась в сон.

— Ты весь мокрый, — замечаю я. Кидаюсь к ванной и приношу оттуда полотенце.

— Да ничего, обсохну, как до дома доберусь, — возражает он, но полотенце принимает.

— Напиши, чтобы я не волновалась, а лучше позвони, — дурацкая просьба, но она снова встречена улыбкой.

— Хорошо, — соглашается Волков, натягивая куртку. Провожая его до двери, где останавливаюсь в ожидании пока он обуется.

Он подымается и нерешительно смотрит на меня, словно что-то задумал. Хотя откуда я знаю, как он выглядит, когда что-то замысливает. Наверное именно так... потому что через мгновение, я отказываюсь прижаться к нему его же руками. Нерешительный взгляд, и вот уже тёплые губы касаются моих и я начинаю медленно таять отвечая на лёгкий поцелуй. Все фибры моей души трепещут в страстном порыве прижаться к нему ещё ближе, ощутить в полной мере эту феерию. Но...к моему великому разочарованию, Волков выпускает меня из объятий, желает спокойной ночи и исчезает за створками лифта. Капец! Если бы он знал, что со мной творилось в этот момент. Ноги просто подкашиваются от нахлынувших эмоций, сердце колотится, губы горят, как и щеки, а тело... тело хочет ещё любви и ласки. Только теперь именно Волковской. От перевозбуждения даже становится дурно. Что ж ты со мной делаешь, Волков? Что за игру ведёшь? А я-то думала, что это я мастер стратегий.

Отдышавшись, плетусь к компьютеру, чтобы проверить почту. Вчера дала поручение своему коллеге, выяснить информацию по делу восьмилетней давности, о котором говорила Валя, связывая его с этими убийствами. А тут «Нате!»

«Если ты не оставишь его в покое, то будешь следующей». Батюшки! Приплыли! И кто это ОН? Андрей, Витя Даниил? Хм, интересно! Да-да, эта жизнь становится все более интересной!

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ПРО ВЕСЕЛЕНЬКИЙ УЖИН И ВОЛКОВА

Я думала, тараканы селятся только в голове женского организма. Как оказалось, у мужиков их там тоже полно. И снова я о своём разлюбимом Волкове. Вот дура! Умудрилась же вляпаться. Это я так называю свою влюбленность ласково и нежно.

По крайней мере, после нашего первого и единственного поцелуя, я его так и не видела, и даже не слышала. А гордость-то прёт через край, чтобы самой вернуть хоть малюсенькую эсэмэску, типа «Привет! Как дела?». Ага, «шас»! Хотя этот молодежный сленг давно уже не в моей компетенции. Мы девушки взрослые, поэтому, наверное, и ждём от современного мужика первого шага. А ведь, если хорошенько поразмыслить, он-то его сделал.

Вот только мыслить я начала спустя три дня, когда уже садилась на поезд, спешащий увезти меня в любимый город. На последок помахала ручкой Ромке, который меня провожал, и уткнулась в телефон в нерешительности. Посланной или высмеянной быть не хотелось, а уж, тем более, напрашиваться к мужику на отношения. «Ой, давно ли ты так заговорила?» — завредничал внутренний голосок. Ну, да, если вспомнить случай с Витей, то тут я уже сама себе противоречила.

«Ладно, была не была!» — с этим оптимистичным выражением, с которого начинались все мои приключения, я нажала на кнопку вызова, выбрав облюбованный давно номерок, записанный никак иначе, как «ВОЛКОВ». Ну, и могла я его называть по-другому.

— Алло, слушаю, — раздалось как-то слишком быстро и неожиданно.

— Эм, — растерялась я. — Даниил, это Рима.

— Да, я понял! — вроде улыбается, это слышно по интонации в голосе. — Привет!

— Привет! — эхом отозвалась я, пытаюсь выиграть время, чтобы сообразить о том, что говорить в таких случаях дальше. Ну и лучшего, как спросить «Не отвлекаю?» — у меня не нашлось.

— Нет, я собирался обедать. Может, присоединишься к нам? — неожиданное предложение.

— Боюсь, что не смогу. Я сегодня уезжаю.

— Жаль! А когда, я может, смог бы проводить?

— Загвоздка в том, что, собственно, уже полчаса назад.

— И ты решила сообщить мне, что уехала? — похоже он обиделся. Батюшки, а я-то боялась кнопку вызова нажать.

— Извини, но я как-то не чувствую за собой право сообщать тебе об этом, да и вообще названивать, — оправдалась я.

— Это ты меня извини. Нам нужно было поговорить раньше, но я был очень занят.

— Думаю, что это очень хорошая идея. Я не могу просто так взять и пустить все на самотёк.

— Вот и хорошо! В следующую нашу встречу обязательно все обсудим. Как раз будет время для раздумий.

Вот почему этот мужик зацепил меня сразу. Он понимал мои желания даже на таком огромном расстоянии.

— Хорошо, Даниил, — успокоилась, даже расслабилась. — Женечке передавай огромный привет!

— Мы будем скучать, — многообещающая фраза на прощание сподвигла на решение еще одного сложного непонятного вопроса — Витя.

Всё бы было хорошо, если бы он меня не встречал на перроне с цветами и широкой улыбкой. Не могла я на него уже смотреть с тем желанием, которое присутствовало раньше. Даже появлялось некое раздражение, что он такой идеальный, и так старается мне угодить.

— Слушай, у нас сегодня ужин, — вот и планы на вечер появились. Может, уже лучше хорошо пожрать, а потом бросить? Но до тела его допускать точно не хотелось.

— Какой ещё ужин? — вздохнула Я.

— Обыкновенный, увидишь, — широкая улыбка, задорный взгляд. Ну, энтузиазма этого я не разделяла. Забуриться бы на диванчик, перед телевизором и вообще несколько дней никуда не выходить, устроив обжираловку. Такой роскоши у меня, к сожалению, не было и не намечалось ближайшие дни. Да и бросить его сейчас на ходу было жалко. Типа «Привет Витя! Спасибо за цветы! Знаешь, нам надо расстаться. Почему? Да, вот угораздило меня влюбиться во вредного вдовца». Класс! Минус сто к карме.

Да и остаться сукой в глазах Вити... Хотя пофиг. Ладно, я слишком устала, мне нужен душ, хорошее вино, а потом можно и поговорить с ним.

Это я получила, оказавшись в уютном нутре своей квартиры в ипотеку. Ещё девять лет рабства и моя однушка с дорогостоящим ремонтом будет полностью принадлежать мне. Кактус, одиноко стоящий на подоконнике, кажется, даже оживился, почуяв хозяйку.

— Привет, Игоряша, — поздоровалась я с единственным живым организмом, не считая бактерий, в доме — Скучал? Извини, все времени нет купить тебе обещанную подружку.

Ох! Родная кровать, родной душ, родные вещи и я, чувствующая себя в этом пространстве властителем

Вселенной. Набираю Арину, чтобы сообщить что доехала, но вместо переживаний слышу:

— Рим подожди, не до тебя. Тут мать меня решила навестить.

Вот это новости!

— Сочувствую, — вещаю я и отключаюсь. Не, я уж лучше буду готовиться к походу на ужин с Витей, чем родительницу развлекать.

Привожу в порядок волосы, делаю яркий макияж (и так мокрицей ненакрашенной проходила почти две недели), извлекаю из гардероба короткое чёрное платье, удлиняю ноги каблуком и платформой. Конечно, выглядит всё это сочетание «слишком уж», тем более на мне, привыкшей к офисной одежде, да удобным джинсам, чтобы было легче двигаться, если вдруг задание особой важности. Тут ещё Алиска со своим приглашением в гости. Точно, скоро уволят. Да и пусть! Без Дежнева дышать будет легче.

Витя заезжает за мной, как и обещал, не опоздав ни на секундочку. Знает же о моей пунктуальности и о том, что опозданий я не терплю. Заинтересованно пробегает по мне глазами, которые тут же вспыхивают похотливым огоньком. Эх, дружок, знал бы ты, что сегодня вечером станешь брошенкой, так бы не пялился.

Машина тормозит у кого-то малоизвестного мне ресторана с тяжелым названием, которое отливается неонем, закованным в непонятные буквы. Да, шрифт для вывески явно не самый удачный. А может, это я деревенщина, которая ровняет всё эту роскошь по роднёнькой «Берёзке», где всё просто, очень вкусно и безумно уютно. Не нам, не имеющим счет в заграничном банке, рассуждать о роскоши или ресторанах. Хотя на своём рабочем веку немало их повидала. Так, стоп! Откуда у простого врача средств на такую роскошь? Если он на меня пытается произвести впечатление то зря.

— Не я место выбирал, — слышу я его голос. Я что это озвучила!? Жёстко, однако!

— А я думала ты вечер хочешь провести со мной наедине.

— Хочу, очень хочу, — выдыхает он, прижимая свою огромную руку чуть ниже моей поясницы. Горячая! От этого даже мурашки пробегают по телу. — Но прежде, хотел бы тебя познакомить со своей сестрой.

— Чего? — воплю я, начиная откровенно раздражаться. Только знакомства с родственничками мне не хватало. Я уже было хотела выскочить из ресторана, но он меня перехватил.

— Я предвидел твою реакцию, поэтому решил не говорить заранее. У неё сегодня день рождения, я не могу оставить ее в такой день. Сопроводишь меня? — ох, а взгляд-то какой супер умоляющий. Вот если бы я имела возможность испепелять глазами, Витя сейчас бы лежал у моих ног горсткой пепла. Ладно, Куда уж поворачивать? Сбежать и бросить я всегда успею, а пока необходимо произвести не самое приятное впечатление на сестру. Или сначала поесть? Не думаю, что французы могут готовить что-то вкусное. Никогда не любила их кухню.

Вздыхаю, стараюсь призвать разбежавшихся таракашек в голове к дисциплине. Вроде слушаются потому, что натягиваю улыбку, и подталкиваемая докторской ладонью, вхожу в банкетный зал. Народу немного. Рассажены всё по группам за столиками. На фоне играет легкая музыка, издаваемая клавишами рояля. Пока оглядываюсь по сторонам, пытаюсь выискать хоть одно знакомое лицо, оказываюсь около столика, возвращаясь к реальности от слов:

— Знакомьтесь, это Римма. Это моя сестра... — имя как-то ускользает от меня. — и ее супруг Андрей.

Вот это я попала! Передо мной стоит мой начальник, рожица которого несколько раз меняет цвет.

— Вот так встреча! Мое удивление быстро сменяется на ехидство. Вот она женская натура, лезущая наружу. Ах, как сладко было видеть его замешательство. — Добрый вечер, Андрей Рихартович.

— А вы знакомы? — жена его бегаем глазами между нами, не зная на ком остановить взгляд.

— Как же могу не знать свое начальство? — где-то в душе даже ревность зашевелилась. Хотя нет, скорее всего, это чувство собственности. Со мной он себя на людях так не вел. Да и вообще, я ее видела однажды издали, но не думала, то она в свои годы может так шикарно выглядеть. Я бы в ее тридцать пять, которые сейчас здесь отмечали, не дала бы и двадцати пяти. Ухоженная, укутанная в дорогую упаковку, с таким потрясающим томным взглядом... Конечно, особой красотой не отличалась, но было видно, что себя она любит. И ведь каким нужно быть раздолбаем, чтобы изменять такой женщине? Ну, да, каждый день есть борщ, когда на горизонте мелькают то котлетки с пюрешкой (это я о его новой секретарше, которая, кажется познакомилась уже с шефом поближе), ну или молодая телятинка под сливочным соусом. И это я о себе? Батюшки, видимо, точно проголодалась.

— А я и не знал, что ты уже вернулась из командировки, — тон голоса Андрюши Дежнева приобрел более деловой оттенок.

— Извините, не успела отчитаться. Я два часа только как в Москве.

— Дорогие мои, мы собрались здесь обсуждать не работу, — подала голос его жена.

— Да, извини, дорогая, — ах, да ох, какой же наигранный поцелуй в щеку. Явно предназначался он благодарному зрителю в моем личике. Ладно, Дежнев, целуй свою дуру-жену, видимо, вы стоите друг друга, раз один гуляет, а другая прощает его за это. Я бы, например, вышвырнула и вообще вычеркнула из памяти, жизни и прописки.

Усадили нас именно за этот столик. Весь вечер я выслушивала дифирамбы в честь именинницы, отвечала на ее назойливые вопросы про мою персону. Конечно, о себе любимой рассказывать я люблю, но вот беда была в том, что, кажется, она догадалась, откуда здесь ноги растут. Я-то вела себя подобающим образом, тогда как наш Андрюшенька нервничал. И, наверное, это было единственным развлечением в этот вечер тогда как вся унылость обстановки клонила меня к зевоте. Не умеют толстосумы праздновать, ну и нехер братья.

— Идем, — хватаю Витьку за руку и тащу в туалет.

— Ты чего? — он, кажется, расстерялся. Мы же с Волковым не говорили пока ни о каких отношениях, да и вообще не понятно есть ли надежда...

Запираю женскую уборную изнутри, толкаю опешевшего от таких вольностей Витю на стену и впиваюсь прямо в губы. Ожил! Как это здорово! Почти рвет на мне платье, правда приходится призвать к благоразумию, мне же еще домой добираться, мнет все части тела, которые только можно мять, закидывает мои ноги себе на поясницу, попутно расстегивая ремень и...

Спонтанный секс всегда хорош. Я в этом убеждалась не раз. А тут такой экстрим, в туалете дорогого ресторана, при этом неподалеку находятся его родственники, а я старалась стонать во все горло. Но, кажется, он этого даже не заметил. Вот, что значит, хорошо приручаемый мальчик. Он ведь даже не задумывался о том, что нас могут услышать, ведомый одной лишь похотью.

Тяжело дышу, касаясь ногами пола, поправляю галстук на его шее. Кажется, одной пуговички не хватает на рубашке. Ай, да я! Ай, да молодец!

— Нам, наверное, лучше расстаться, — смачно целую его в губы и бреду к зеркалу.

— Что? — Витя тоже восстанавливает сбившееся дыхание.

— Говорю, что нам лучше расстаться, — вытираю размазавшуюся помаду бумажным полотенцем. Вот зараза! Все равно остается едва уловимый красный оттенок, или это от поцелуев.

— Почему? — ну, вот, началось. Обязательно выяснять причину и портить такой наикрутейший момент. Взбиваю волосы, придавая им прежнюю форму и объем, и сразу же выпиваю противозачаточную таблетку, что на такой вот случай с Витей, лежит у меня в сумочке. Он как-то сразу меня к этому приучил. Хотя Аринке же это когда-то не помогло.

Нет, Витька не дурак, ему сейчас обуза в виде ребенка не нужна. Да и вообще я считаю, что со мной он встречается, потому что я ему удобна. Тем более он планирует после интернатуры на следующий год отправиться стажироваться в Европу.

— Не знаю, — пожимаю я плечами. — Я так хочу.

— Если ты кого-то там себе нашла, то не беспокойся, на твою свободу я не претендовать не буду.

Он подходит сзади, ограждая мне путь руками, которые кладет на раковину по обе стороны от меня. Нежно целует в шею, потом смотрит в глаза прямо через зеркало.

— А зачем ты познакомил меня с родственниками?

— Мне так захотелось. Вдруг ты когда-нибудь станешь моей женой.

Начинаю смеяться, запрокидывая голову. Поворачиваюсь, оказываясь в его объятьях.

— Я подумаю, дружок! А пока, мне пора. Проводишь? — едва касаюсь его губ, чувствуя, что он готов к новой «битве».

— Ты знаешь, что ты дьяволица? — проводит он выбритым подбородком по моему лбу.

— Приму за комплимент, — освобождаюсь от кольца его рук, поднимаю с пола сумочку и направляюсь к выходу. Мельком замечаю, выходя из полумрака коридора, что в зале остались заинтересованные люди, которые провожают нас с любопытством. Надеюсь, звукоизоляции между этими помещениями нет.

— Прошу меня извинить, возникли срочные дела. Еще раз с днем рождения, — улыбаюсь мадам Дежневой.

Только оказавшись в такси, чувствую себя победительницей. Я знаю, что в их глазах сейчас оказалась вульгарной особой, в глазах Вити стала еще большей сукой, зато мое нутро ликовало от удачного представления, что я устроила сегодня. Я так и уснула, с довольной улыбкой на лице.

А потом рабочие будни. Шеф улетел на какую-то конференцию, забрал с собой секретаршу, мы все немного расслабились, следуя указаниям его заместителя. Отдых отдыхом, а скоро зарплата. Тем более, что месяц так удачно клонился к завершению.

Несколько раз звонил Витя, но я не посчитала нужным взять трубку. Хотелось поскорее смотаться отсюда, например, к Волкову, о котором я не переставала думать. Но загвоздка была в том, что Алиска упорно настаивала на том, чтобы я приехала.

Ладно, собралась на выходных и полтела в Питер, навстречу дождю и слякоти. Там уже всю господствовала осень. Правда, прямо из аэропорта меня подруга сразу потащила за город.

Взору моему предстал небольшой коттедж на два этажа, находящийся неподалеку от Финского залива, который трепал стоящие рядом сосенки усиливающимся ветром. На фоне серого неба этот дом смотрелся просто

потрясающе.

— Вау! Это чей? — уточнила я.

— Наш! Захар молчал. А когда мы вернулись от родителей назад, показал мне его и сказал, что теперь я полноправная хозяйка и весь ремонт и облагораживание ложиться на мои хрупкие плечи, потому что отныне коттедж мой и наших будущих детей.

— Ты беременна? — уточняю я.

— Нет, но мы очень над этим стараемся, — расплывается она в довольной улыбке.

— Тыфу, кто бы сомневался. Моя задача в чем заключается?

— Мне необходимы твои советы, твой тонкий вкус и конечно, тот с кем можно поспорить. Захар сказал, что он будет соглашаться со всеми моими решениями, хоть даже если я решу снести его. Ты ведь знаешь, что без хорошей головной уборки ремонта не получится.

— Знаю. Помнишь, как мы Аринку с рестораном гоняли, — почему-то вспомнился самый яркий пример подобного случая.

— Вот я о том же, — рассмеялась Алиска.

— Ну, не скажу, что смогу часто это делать, но можешь на меня рассчитывать.

— Так я тоже с завтрашнего дня выхожу на работу, поэтому ремонт затянется очень надолго.

— Видишь, как все хорошо совпадает.

Вечером приехавший Захар почивал нас вкусным вином и жареным на углях мясом. Ветер к этому времени стих и легкий прохладный бриз легко касался кожи, напоминал, что жизнь прекрасна, когда рядом есть близкие люди.

Кстати, о близких людях. Отчет от Аринки по маме выдался довольно интересным.

— Она просила прощения, чуть ли не на колени падала. Говорит, что осознала свои ошибки и вину.

— А ты что?

— А что я? Не верю я пока.

— Ну, так дай время, пусть докажет. Не думаю, что ей пришлось сладко, когда она осталась одна со своей сломанной рукой. Ты не думай, что я ее защищаю, но мне бы хотелось, чтобы она облагоразумилась.

— А ты думаешь, что мне этого не хочется. Ладно, посмотрим. Тем более, что Ромка на ее стороне. Пока отправили ее до Серафимы Андреевны, пусть мирятся, потому что под одной с ней крышей я себя пока не вижу.

Это было достаточно неожиданно. Чтобы мама просила у кого-то прощение... Поэтому осень началась так рано, наверное.

А еще Даниил, которого я продолжала называть по фамилии. Я думала о нем всю эту неделю. Думала и понимала, что Витька, это так, заноза в одном месте, которая пройдет, если ее извлечь. А вот Волков это будет посильнее. Так просто от мыслей о нем не избавиться. Может, я созрела для разговора с ним? Скорее всего.

Укутанная в теплый плед, стоя на берегу залива, я набрал его номер. Мне он не ответил, что начало напрягать. Ну, как это так? Зато через минут пять раздался ответный звонок. Не контролируя себя, я сразу же приняла вызов.

— Привет, я тебя отвлекла? — глупый-глупый вопрос.

— Нет, я только с душа вышел. Решил, что на сегодня работать хватит, двое суток провел в мастерской. Ты позвонила, значит, что-то решила? — уточнил он.

— Да! Я скучаю! Ты меня хоть бей, режь, коли, я все равно скучаю. Выбила свободный день, поехала навестить Алиску и тут только поняла, что хотела бы находиться совсем в другом месте.

— Я рад, что ты разобралась в себе. А еще рад, что это желание ответное. Я в четверг еду в Москву, у меня появился крупный заказ. Ты моешь уделить мне время?

— Да, — не раздумывая ответила я. Хрен с этой работой, разберусь. Я увижу Волкова, увижу... — Передавай привет Женечке.

— Хорошо! Спокойной ночи! До встречи!

Словно медом мне ушки намазали, как же это было сладко слышать. Настроение сразу боевое, а в голове включился таймер, считающий минуты до нашей встречи.

А потом блымснул телефон входящим сообщением с неопределенного номера «Ты была предупреждена. Это последнее. А потом ты труп»

Это что за хрень такая? Уже не смешно. Даже жутковато как-то стало. Набираю номер с которого пришло сообщение, не доступен. Ладно, завтра поговорю с Захаром. Он все таки бывший ГУВДшник, что-то шарит в эти делах. А пока таймер и такое протяжное тииииииик-таааааак!

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ «ГАДКИЙ-ГАДКИЙ ВОЛКОВ»

Ну вот и меня отчитывают как школьницу. Я тут сижу, опустив глазки, а Алиска, уперев руки в бока ходит передо мной, пока ее муженёк, молча соображает, что можно сделать с моими проблемами.

— И ты молчала. Куда ты вляпалась снова, ненормальная?

— Не знаю, — снова опускаю глазки, соображая вместе с молчаливым Ольшанским — Может дело в Вите? Ну, Волков ещё может оказаться им самым. Не думаю, что это про Дежнева.

— Круто! И сколько их ещё у тебя? — присвистнул мужчина.

— Это пока все.

— Ладно, с мужиками ясно. А если дело не в них? Куда лезла в последнее время? — почесал он лоб.

— Куда-куда? Куда пошлют, туда и лезла. В основном это были интервью, при чем от положенного регламента не отходила. Ну, попрессовала директора коммерческого холдинга на предмет его личных доходов. Но это было весной. Все в рамках закона, больше не лезла. И... — замерла, сообразив, что ещё было одно не самое стандартное для меня дело.

— И? — выжидающе на меня уставилась Алиска.

— Порылась в одном дельце. Но не думаю, что можно мне угрожать из-за него.

Ну, вот я и рассказала все про убитых девочек.

— А ты туда какого хрена полезла? — возмутилась Алиса.

— Не жди меня, мама, хорошего сына. Твой сын не такой как был вчера, — завывла я знакомую песенку.

— Я тебе сейчас врежу, — парировала подруга. — Сестра в курсе, что у тебя снова шило заскрежетало в одном месте?

— Догадывается, но в детали я ее не посвящала.

— Где тебя такую непутевую взяли? — вздыхает она, плюхается рядом.

— Мама родила, — огрызнулась я. — Ну, не могут мне угрожать из-за девочек. Тем более, что я говорила с родственниками двоих из них. Угроз им не поступало, они даже, по сути, пересекаться не могли.

— А следовательно?

— Думаешь, властям нравится говорить с журналистами? Не смейся меня, Алис. Вон у мужа спроси, куда они газетчиков свое время посылали.

— Но они оттуда возвращались всё равно, — заключила Захар.

— Народ живучий, я на себе проверяла. Так что, вы продолжите мне нотации читать?

— Я поговорю со знакомым айтишником. Думаю, ip-адрес пробить он сможет, если с ним не поработал такой же гений, как он, — вздохнул Захар.

— Уже звучит многообещающе, — заключила я.

— И, пожалуйста, Рим, не лезь в это дело сама. Я, конечно, узнаю, почему не подключили московских оперов или следователей. А тебе туда соваться не стоит без страховки.

Вот, не запретил ведь. Это уже что-то.

— Думаешь, письмо может быть от убийцы? Здесь почерк точно не серийника.

— Ладно, разберемся, — заключил Ольшанский, поднимая с мягкого кресла свою симпатичную задницу.

— А ты куда лезешь? — возразила Алиса, обращаясь к мужу.

— Пока никуда. Поручу это Митяю.

— Ты уже не начальник ему, чтобы давать поручения.

— Солнышко, у меня статус покруче будет. Я друг.

— Ладно, — вздохнула подруга, — если что случится, прибью обоих, — погрозила она пальчиком.

— Ну, да! Я прямо вся дрожу от страха и ужаса.

И так потянулась бесконечная череда серых будней, где для меня единственным лучиком была предстоящая встреча с Волковым. Я не думала, что когда-нибудь буду жаждать увидеть мужика, который, в принципе, даже интереса особого не проявляет к моей жизни. Ну, я не знаю даже, в случае с Дежневым, мы почти весь день слали друг другу сообщения. И это было здорово. Да, я понимаю, что очень глупо сравнивать Даниила с кем-то. Даже не просто глупо, я на это права не имею. Статус пока неопределен, и думаю, что в ближайшее время мне рассчитывать на что-то сверхъестественное не стоит, но чуда хочется, как ребенку на Новый год. Вот прилетит дедушка Мороз на своих оленях, или на чем он там ездит, и положит мне под дверь вместо пылесоса или ещё какой-нибудь дряни самую важную вещь в обиходе каждой женщины — настоящего мужика.

Вон у Алиски... Полез разбираться ради ее непутёвой подруги, даже не зная к чему это приведет. Хотя кто мешал? Был Витька. Нет же, потянуло на экзотику в виде вдовца, да и ещё отца-одиночки. Прямо, моя специализация...

Ну, что греха таить? Хорош же! До чёртиков хорош! А как целует, до сих пор от одной только мысли мураши

разбегаются стайками по тельцу. Гадкий-гадкий Волков!

Трезвонящий телефон на подходе к редакции заставил меня самую малость вернуться в мир реальных людей, где плод моего вождения, во всех смыслах этого слова, отошёл куда-то на задний план. Проалёкала в трубку, где на другой стороне абонент был неопределен пока мною.

— Рима, здравствуйте! — голос по определению был похож на бывалого урку. — Меня зовут Митрий.

— Пока мне это ещё ни о чем не говорит, — огрызнулась я.

— Понимаю. Но Вы мне так и не дали возможности представиться, когда залезли ответной фразой. Я по поводу просьбы Захара Ольшанского. Он сказал, что нужно проверить кое-какую информацию. Мы можем с Вами встретиться сегодня?

Журналистский интерес зашкаливал, поэтому в обеденный перерыв я летела в назначенное мужчиной место. Боже, а ведь даже и мысли не могло закрасться в мою дурную голову о том, что это может быть ловушка, или подстава какая-то. А может он и вовсе маньяк, который следил за мной и прикрылся Ольшанским. Нет, о таком повороте я даже не думала, и мысли такой не было, чтобы о чем-то думать. Нужно лететь-лететь на всех парах, чтобы успеть первой и вовремя. Конечно, для женщины черта идеальная — не опаздывать, но с другой стороны слишком опрометчивая

Я бы его отнесла, скорее всего, к разряду тех, кого он ловит, учитывая уголовную внешность.

— Добрый день, извините, что отвлекаю Вас от работы, — манеры питерские, это видно сразу. Не удивлюсь, если он выходец из потомственной интеллигенции с такой-то рожей.

— Это мне нужно извиняться, — оседлала я один из стульев.

— В общих словах Захар обрисовал ситуацию. Но, конечно, получить сведения из первых уст куда полезнее.

И снова я начала рассказывать обо всем, что знала сама.

— Ясно, — заключил мужчина, абстрагируясь от окружающей действительности. — У меня как раз тут нарисовалась командировочка. Поможете?

— Помогу, — даже не задумываясь согласилась я. И про работу на это мгновение забыла, и даже про Волкова. Вот черт. А у нас завтра свидание, между прочим. Спихватилась только когда Митрий ушел, огласив вердикт, что возьмёт билеты на вечерний поезд.

Так, ладно, с Даниилом разберёмся чуть позже. Сейчас главное отпуск организовать. А для этого необходимо помянуть перед Дежневым.

И так, акт первый, сцена первая. Андрей Дежнева сидит за столом, уткнувшись в монитор, вхожу «Я».

Я: Добрый день, приветствую, начальник!

Д: Чем могу помочь, Рима Сергеевна (не отрываясь от монитора)

Я: Да, вот хочу ненадолго в отпуск (театрально вздыхают, сажусь на стул)

Д: (отрывает взгляд от компьютера, сует белый лист) Тогда только навсегда. Пиши об уходе, и отдыхай сколько влезет.

Я: Хорошо(беру ручку, диктую) Заявление. Прошу уволить меня по собственному желанию. Причина: начальник злиться из-за того, что я его бросила. В отпуск не пускает (подписываю, швыряю, ухожу).

А дальше следует безмолвные сцены, где я собираю вещи, прорабатывая в голове план мести. Ведь окончательную точку никто с Витей не ставил. Вот можно напроситься на еще один ужин с его семьей. А что, пора раскрыть карты.

Мои коллеги с большим интересом и даже злорадством следили за моими сборами, как в кабинете раздался громогласный голос начальника:

— Пиманова, зайди ко мне.

— Я больше не Ваша подчиненная.

— Не глупи. Зайди, поговорим спокойно.

— Не слышу от Вас «пожалуйста».

— Пожалуйста, Рима, зайди ко мне.

Внутри меня все ликует. Никак собрался извиняться? Это очень хорошо.

— Слушаю, — скрещиваю я руки на груди, снова оказываясь в пространстве дорогого кабинета.

— Извини, я погорячился. Давай договоримся, что это последний раз, когда ты меня шантажируешь нашей связью.

— Да, хорошо, — скрещиваю за спиной пальчики, как ребенок. — Клянусь!

А через пару часов уже мчусь на вокзал, дабы не опоздать на поезд, где меня ждет Митя. Дорога проходит в тихих душевных беседах. И если честно, мне это нравится. Кроме того, с мужчиной оказалось очень интересно болтать с его самоиронией и подвешенным языком. Но как только я прибыла на вокзал, поняла, что Волкову я так и не позвонила. Черт, черт в кубе.

Извинившись перед Митей, который поплелся искать подходящую гостиницу поближе к вокзалу, так как

сумерки в сентябрьский вечер спускались довольно быстро, я поехала в квартиру Барышниковых, прежде предупредив сестру об этом. А уже прибыв туда и усадив свою пятую точку на мягкий диван, вытянув вымотанные за день ноги, я решила набрать Волкова. Странные отношения, я согласна. Но с моей больной головой мне может помочь только топор или гильотина. Раз, отрубил, и нет проблем. Ещё и Дежнева можно принести на серебряном блюде, пусть расслабится. О чем это я?

Ах, да, набираем Волкова и ждём утомительных несколько секунд, прежде чем он достаивает меня ответом.

— Я не в Москве, — сообщаю я, наконец, после обмена любезностями.

— Ну, что я могу сказать? Это не очень хорошо, — выдает он, на что я тяжело вздыхаю.

— Согласна. Ты надолго в столицу?

— Думаю, до выходных.

— Может, тогда перенесем наше «недосвидание» на этот период? — предлагаю я, жмурясь в ожидании отказа.

— Так ты у нас? — удивляется он.

— Ну, да! Как бы дело появилось.

— Тогда у меня предложение, если не сильно устала с дороги. У нас сегодня прием в старой усадьбе. Все, конечно, по приглашениям, но если ты пройдешь со мной...

— Волков ты шутишь? Мне собираться черт знает сколько. И приличного наряда нет, — паника накрывает с головой, потому что я чувствую, что упускаю шанс на свидание. Засранец! Была-не была! Откопать бы что-нибудь поприличнее.

— У меня, если что есть всесильная корочка московского журналиста. Думаю, сильно не опоздаю. Жди меня, принц, я буду в черном, — рассмеялась я. И конечно, последнее слово было за мной. А как по-другому? Должна в женщине оставаться изюминка. Да нет, я бы даже сказала изюмище. А такого мужика поймать за рога не так-то просто, тут без нее не обойтись. Ладно, выяснять, какими ещё методами можно воздействовать на Волкова, будем по ходу дела. А пока мне срочно в девять вечера нужно найти платье, и еще срочно чёрное. Не могу ж я обмануть принца, черт побери.

И тадам! На помощь всегда приходят подруги. Со словами «Полинка, мне нужно охренительное, сногшибательное платье» я отправилась в гости к ней. А что? Размер у нас одинаковый, разве что грудь у меня поболее, хотя Польша и по этому поводу не комплексует. А вот одну вещицу я видела на ней, когда она выступала в ресторане.

— Блин, надо что-то с волосами делать. Они у тебя от хвостика все покосились.

— Режь! — командую я.

— Дура что ли?

— Некогда мыть голову и выпрямлять. Режь! Ты будущий хирург, должна сделать деликатно.

— Рима, — в последний раз Поля попыталась меня образумить.

— Сделай, что говорю!

Сделала! Да так ювелирно, что я сама подивилась. А каре, как оказалось, мне было к лицу.

— Мать моя! Ты затмишь и покоришь всех!

— Да мне не нужны все, — крутилась я вокруг себя, любуясь полученным результатом.

— Знаю-знаю, это все для Волкова. Хороший выбор...наверное, — пожалала она плечами.

— А вдруг у меня будет самая охренительная ночь.

— Платье мне не порви в порыве страсти.

— Если все удастся, я тебе десять таких куплю.

Последние шприхи в виде алой помады и такси уже сигналит под окном, ожидая меня. Ну а что, управилась за полтора часа. Главное, чтобы не опоздать на этот чудо-фуршет. А то приеду, а гости разошлись.

Усадьба находилась в самой гуще города, затерявшись среди хрущевских пятиэтажек, да небольших магазинчиков. Хотя кто их разберет. Вывески, неон, а магазин это или салон красоты мне было откровенно начхать. Не скажу, что колорит города был слишком уж простой, провинция она и в Африке провинция, но эти старые здания, разбросанные по всему его периметру, имеющие парувекую историю придавали городку особый шарм. Вот и усадьба, как оказалось намного позже, принадлежавшая по завещанию Даниилу Волкову по материнской линии, превратилась теперь в городской музей и признана наследием города

Ох, не прост ты, господин Волков. Я тут позарилась на плотника, а он оказывается ещё и благородных кровей. Кусочек, конечно, лакомый. Вон как его облюбовывает одна из «мармазелек», заглядывая чуть ли не в рот. Оставь мужика ненадолго. А мы ведь даже поздороваться ещё не успели. Я была перехвачена Аринкой, которая продолжила наставлять меня на путь истинный. Только нимба не хватает. Меня уже никакими словами не исправишь и пороть нужно было начинать раньше, поэтому заверив сестру, что глупостей творить не собираюсь, даже мыслей таких не было, я отправилась к объекту своей сегодняшней симпатии. Да блин, какая симпатия? Это уже влюбленность. Главное, чтобы она не испарилась, когда я заполучу его в свои загребущие ручонки.

Он, наконец, меня заметил. Такой весь элегантный, в черном костюме... Бррр! Мураши пробежали вдоль позвоночника, оставляя за собой горячий след Приятно... Божечки, как же приятен этот заинтересованный взгляд, как же интригует эта загадочная улыбка... Какой он!

— Я, похоже, во время прибыла, — натянула я на лицо светскую улыбку, принимая из его рук бокал шампанского. Волнение накатывало постепенно, словно волна: вот он мне передает бокал и совершенно случайно касается руки, вот он приветственно так же по-светски целует меня в щеку, задерживаясь в таком положении дольше положенного, вот он берет меня под локоть и отводит к гостям, знакомя попутно с элитой города. При этом мое бедро легонько касается его... Тугой комок стягивает низ живота, а дыхание я еле-еле сдерживается в легких. Гадкий-гадкий Волков! Даже мой железный самоконтроль в этот момент предал меня.

Эти долгие тягучие два часа, что я провела в этом обществе, оставили на мне неизгладимый отпечаток скуки. И совершенно непонятно, как за это время я согласилась осветить несколько событий в своих статьях. Это ж насколько нужно было сойти с ума? Но ничего! Зато, появилась очень интересенькая информация.

На слуху у многих пришедших сюда была, конечно, история об убийствах в городе. Как ни крути, а событие не самое обычное для таких мест, где все друг друга знают. Как оказалось, полиция поймала подозреваемого. Им оказался преподаватель колледжа в котором учились две убитые девочки. Вот так-то. А я тут собралась устраивать расследование.

— А почему Вы так уверены, что это он? — выясняла я подробности у главы местного отдела образования, которая всю твердила о причастности молодого мужчины к убийству.

— Ну, а как? У него нашли в квартире улики.

— А как он связан с еще одно девочкой.

— Ну, это уже, Рима, предстоит выяснить нашей доблестной структуре, — начала нервничать тетка.

— А что это Вы за своего-то не боретесь? Как стайка стервятников, одного ранили, вы и доедаете его потихоньку, — не на шутку злилась я. Не знаю, я почему-то верила, что убийца еще на свободе.

— Рима, успокойся, — взял меня за руку Волков. — Извините, Надежда Петровна, — отсалютовал он противной тетке, уводя меня в сторону.

— Ты что так реагируешь-то? Тебе дело какое? — поинтересовался он очень мягко.

— Есть, раз никому другому нет, — все еще продолжала фыркать я.

— Ммм! Теперь я начинаю понимать, почему ты приехала!

— Что, тоже ругать будешь? — хлопнула я ресничками.

— Ну, пока не имею на это права, — пожал он мощными плечами. — И даже если бы имел, в работу твою лезь не собираюсь. Кстати, тебе безумно идет эта стрижка.

— Эй, мужчина, Вы случайно не робот, собранный для того, чтобы женщины сходили с ума от идеальности? — расслабилась я, понимая, что с каждой секундой влюбляюсь в него все больше.

— Хочешь проверить есть ли у меня кнопка? — подмигнул он.

— С удовольствием, при чем незамедлительно.

— Дай мне полчаса, чтобы я их всех выпроводил, а потом можешь проводить эксперименты, — пробежался он пальцами вдоль моей обнаженной ключицы.

Господи, это точно Волков? Что с ним не так? Такого его я еще не знала!

И эти полчаса показались мне каторгой, которые тянулись как жевательная резинка, прилипшая на подошву ботинок. Да-да, вот такая гадкая ассоциация, как и гадкие эти минуты.

А потом он повез меня домой. И что самое странное, от него даже-даже не пахло алкоголем. А я-то думала, что хозяин вечера будет отмечать такое событие. По дороге я завела разговор о Женьке, чтобы сгладить неловкость, витающую в воздухе, которую Волков с большим удовольствием поддержал.

— Зайдешь на чай? — предложила я, когда он затормозил у знакомого подъезда.

— Ну... — нерешительное и такое задумчивое.

— Господи, Волков, ты взрослый человек, — рассмеялась, притягивая его за галстук ближе и целуя.

— Я просто больше десяти лет не был на свидании, забыл как это, а еще у меня восемь лет не было интимной близости с женщиной, — пояснил он, нарушая всю романтичность момента. И где же тот грубоватый и сердитый мужчина делся?

— Так ты мне достаешься почти девственником? — улыбнулась я. — Или не достаешься?

— Достаюсь, конечно, достаюсь, — улыбнулся он. — Идем пить «твой чай»

А чай оказался действительно сладким, и кнопки я у него никакой не обнаружила, снимая его рубашку и исследуя принадлежащую теперь мне территорию. И целоваться он не забыл как, делая это мастерски искусно, сбивая меня вообще с каких-либо мыслей или соображений. А зачем они, когда все настолько идеально?

Мне казалось, что весь мир в этот момент сосредоточен в этой небольшой спальне, где мы оказались, оставляя дорожку вещей на полу. Мне было, конечно, проще раздеваться, но мои нетерпеливые пальцы никак не могли

справиться с пуговицами на рубашке Волкова. Они не давали мне добраться до самых потаённых мест. А там было на что смотреть, а трогать, так подавно. Хотелось ещё и ещё. Хотелось больше его поцелуев, прикосновений к коже грубых подушечек пальцев. Ах, какие у него пальцы! Они играли с обнаженной грудью, ласкали изнывающую плоть. А говорил, что забыл, как это. Я пыталась отдать всю себя, пыталась подарить ему самый незабываемый секс. Не знаю на сколько мне это удалось, но перестала я соображать ровно в тот момент, когда он одним толчком оказался внутри. И я потекла медом по кровати, утопая в удовольствии.

Это кайф, когда ты зажимаешь рот, чтобы не перепугать соседей, когда коготки с удовольствием впиваются в его кожу, когда восьмилетний сексуальный голод твоего партнера заставляет тебя встретить рассвет, совершенно вымотанной в его объятьях.

— Спасибо! — он целует меня в макушку.

— Мне никогда не говорили за секс «спасибо», — мурчу я.

— Ну, за него и не нужно. Но если ты считаешь это сексом, то мне обидно.

— Нет, Волков, это было круто. Настолько, что хочется просто заткнуться и послушать как бьется твое сердце. А вообще, может, поспим? — легкий смешок в ответ, еще один поцелуй в макушку, и я уже проваливаюсь в параллельную реальность. Это было сильно...так, что пробрало до самых недр души... И это «Спасибо». Вызывает блаженную улыбку на губах и какой-то очень приятный сон.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ ПРО РОМАНТИКУ И НЕРОМАНТИКОВ

Мне нравилось это утро. Такое тёплое, по осеннему тягучее, уютное. Наполненное запахом сентября, который неспешно просачивался сквозь открытую форточку и запахом мужчины, сопящим рядом, обняв вместо меня подушку, устроившись на животе на большой кровати. Судя по настенным часам, поспала я всего три часа, и можно было бы ещё немного понежиться рядом с Волковым, но женщина во мне начала бунтовать и требовать проявить внимание к гостю в постели. Ну что за зараза такая, просыпаться раньше мужика?

Поэтому натянув на голое тело спортивные шорты и широкую майку, я поплелась на кухню, чтобы зарекомендовать себя настоящей хозяйкой, коей, конечно, я не являлась. Единственное, что у меня получалось действительно круто, это кофе.

Тело приятно было от недосыпания и ночного безумия, что творилось в постели на протяжении нескольких часов. Главное, что настроение было хорошим и боевым, а улыбка блуждала по лицу, как у довольной мартовской кошки. Теперь бы найти себя в жанре детектива, пока Волков будет разбираться со своей работой в столице.

Оладьи, которые я старалась не спалить, все равно немного подгорели. Пометила в голове ещё один пункт, что необходимо записаться на курсы кулинарии, если вдруг что сложится у нас с ним. С этими мыслями я уже было собралась отправлять невинные лепешки в мусорное ведро, когда услышала сонный довольный голос.

— Оставь, не издевайся над едой.

— Думаю, это будет лучшим окончанием их недолгой жизни.

— Свои оладушки я в обиду не дам! — улыбнулся он, возвращая блюдо на место и с упоением притягивая меня к себе.

— Будешь скучать? — вопрос с пристальным взглядом в глаза.

— Буду, — честно отвечаю я, с наслаждением поглаживая его обнаженные плечи. Какой же это кайф чувствовать под своими ладонями горячую мужскую кожу, прижиматься к нему, вдыхать его запах. Мураши с удовольствием разбежались по телу в поисках спасения от этого безумия. Лёгкий поцелуй и все... я снова начинаю в него проваливаться, прижимаясь все теснее и теснее.

— Вот теперь верю, — из эйфории меня выводит лёгкий смешок.

— Доиграешься, я тебе брома в еду добавлять стану, — угрожающе тыкаю в его грудь пальчиком.

— Если что-то с моим мужским здоровьем будет не так, мне тебя обвинять?!

— Садись уже завтракать, — заряжаюсь я от него улыбкой.

Трапеза проходит в молчании, так как Волков уплетает оладьи за обе щеки, щедро смазывая их вишнёвым джемом. А я с таким же молчаливым удовольствием наблюдаю за ним, чувствуя, как в душе продолжается таяние ледника.

— Ты мне расскажешь, с чего это ты заинтересовалась убитыми девочками? — интересуется он, наконец.

— Не знаю, просто чувствую почему-то ответственность. Они же были чьими-то дочерьми, а у нас следствие даже не чешется, смотрю.

— И что ты делать собираешься? — уточняет.

— Провести свое расследование. Я даже опера из Питера привезла.

— Ого! Надеюсь, опытного и старого?

— Ну, про опыт говорить не решусь, но мне, кажется, что его предостаточно, так как мне его рекомендовал Захар. А вот про старость ты не угадал. Мужчина в полном расцвете сил.

— Мне начинать ревновать? — приподнятая бровь и немного насмешливый взгляд. Он прелесть!

— Начинай, — расплылась я в довольной улыбке. — Мне будет приятно.

С ним было легко. Я даже представить себе не могла, что Волков может быть ТАКИМ! И каждую секунду хотелось просто наброситься на него с поцелуями и не отпускать ни в какую Москву. Но... Он уехал попрощаться с Женькой, пообещав, что будет торопиться назад, а я как верная Дездемона осталась стоять на пороге, пока не ожил на кухне мой мобильный.

И кому это не спалось в такую рань? Ах, ну да! Притащила с собой человека, теперь нужно ему уделить время. Хотя судя по голосу, он уже и сам неплохо справляется. Оказывается Митяй с утра пораньше устроил набег на местное отделение полиции, допрос с пристрастием, ну и небольшой скандал.

Как раз, когда мы разговаривали, на заднем фоне после его воспитательной беседы, местный начальник орал на своих подчинённых.

— Хорошая мотивация никогда не помешает, — парировал Митя довольно.

— Ты контору там не разнеси.

— Думаешь, я такой монстр? Обижаешь белого и пушистого зайца, — представив Митю в образе зайца, меня пробрал истерический смех. М-да, утречко веселенькое, ничего не скажешь.

— Оставить ржать! И слушать мое предложение, — гаркнул он в трубку командным голосом.

— Излагай, пушистый, — приготовилась я слушать.

— Я тут подумал, а не смотаться ли нам в соседний город, проверить материалы по тем убитым девушкам?

— Голова, — протянула я довольно. — И когда выдвигаемся?

— Думаю, что нужно немедленно.

В дорожную сумку упаковывались вещи на несколько дней, но я не думала, что потащится она в другой городок. Погода ещё дурацкая, то солнце, то дождь шпарит, то ночью заморозки накрывают. Межсезонье, о чем ещё говорить? Так что я даже не предполагала, что мне может там понадобится, но разгрузила ее немного.

Дорога. Снова она, родная. Журналиста, как известно, кормят ноги. Но за последнее время поездок стало слишком много, и это здорово выматывало. Хандра накачивала постепенно, не помогали даже шутки Митя, разбавленные байками со времён службы с Захаром, где тот для меня открывался с новой стороны. Но улыбаться даже через силу, было выше моих сил, простите за тафтологию.

Вот сижу я такая в автобусе, причем не самом древнем, как оказалось, наблюдаю за проплывающие мимо пейзажем в виде густого смешанного леса, стоящего стеной по обе стороны узкой трассы с растрескавшимся асфальтом, чередующимся большими выбоинами, отчего автобус сильно трясет. Подпрыгивает не только тело, но и все внутренности, силясь к концу пути превратиться в однородную массу. «Эээх, дороги, пыль да туман...» И от однообразности зелено-желтого созерцания за окном начинает немного подташнивать, хотя я никогда не жаловалась на то, что меня в пути может укачать.

Прибыв на небольшой замызганный автовокзал, мы сразу начали разрабатывать план действий. Необходимо было бросить где-то вещи, но и времени драгоценного терять не хотелось, чтобы тратить его на поиск приличной гостиницы. Хотя я сомневалась, имеется ли здесь такая, когда передо мной предстала панорама убогого городишки. Вообще, это место застыло в эпохе Советов, где из новостроек был лишь небольшая коттеджная улица, типа местной «Рублевки». А в остальном...

После третьей попытки нам все же удалось найти приличное жилье. Она была третьей, она же и последней, так как жить больше было негде. Конечно, мне балованной квартирой с евроремонтом, да и условиями в которых живёт моя сестра, как то было не по себе от таких вот апартаментов, которые к тому же стоили побаче, нежели номер в Ромкином отеле в три звезды. А ещё никто не отменял унылость городского пейзажа, вид которого открывался из окна моего номера. Под гнетом серого неба, он казался ещё более мрачным, с этими обшарпанными зданиями и запущенными улицами.

Вот это, действительно, провинция во всем ее проявлении. И я не удивлюсь, если самый большой и красивый дом в этом городе принадлежит местному мэру. Ладно, я здесь не по его душу.

В здании местного отделения полиции даже запах стоял старый. Не хватало к этим болотного цвета стенам портрета Сталина и герба с колосьями, серпом и молотом. Я этих времён не застала, но светлые рассказы о них в этом свете омрачали мои постоянные представления.

Начальник со звучным именем Александр Сергеевич и с фамилией Салов, что так подходила его внешности с тремя подбородками, встретил нас с напыщенной, наигранной любезностью. Ну, хоть сотрудничать согласился, и то хорошо.

Митя очень долго говорил с этим Саловым, который по всей видимости, про это дело ни сном, ни духом, но в некоторые детали все же посвятил.

— Я тогда еще в районе начинал простым участковым. Но дело было резонансное. Конечно, во-первых, от того, что убийств, как таковой, в маленьких городках часто не случается. У нас все дела сплошь и рядом состоят из грабежей, краж, хулиганок. Но вот так, чтобы хладнокровно троих девушек, при чем ещё школьниц, которые только-только отгуляли свой выпускной.

— И нашелся убийца? — влезла я разговор, хотя до этого я получила строгий наказ молчать и слушать.

— А как же? Поймали, арестовали, посадили. Жаль, что смертная казнь на тот момент уже была отменена. Местные хотели вершить самосуд, поэтому его быстренько сплавил в столицу, там и судили. Хотя, я бы за такое и сам его прибил не раздумывая.

— Ну, что-то ты майор разошелся, — остановил Салова Митя, который начал хвататься за оружие после трёх рюмок коньяка, что они всадили на пару. Но почему-то я была уверена, что не может быть от такого количества пьян этот Салов. Даже мне, не самой опытной в этом деле, три рюмки сорока градусов были бы комариным укусом. А тут такая тушенька. «Оскара» майору Салову срочно!

Разговор с родственниками и свидетелями ничего путного не дал. Да, девчонки были подружками, да, это страшная трагедия, да, убийца их одноклассник, которого посадили пожизненно за решетку. Десять лет отсидел, ещё много, очень много мотать.

Большого от мужика в погонах мы добиться не смогли.

— А что у нас по учителю? Он ведь до сих пор главный подозреваемый? — пребывали мы здесь уже вторые сутки. Ужин в забегаловке недалеко от гостиницы, это все на что была способно мое вымотанное тельце.

— Не знаю ещё. Как-то все гладко, что в первом, что во втором случае. Не верю я — бросает Митяй вилку на стол.

— А может, мы просто привыкли, что все должно быть обязательно с начинкой? Вдруг все настолько прозаично, что ответ на поверхности, и за решеткой действительно убийцы?

— Ты в это веришь? — хмыкает Митя.

— Нет, но я просто хочу отсюда поскорее убраться. А то у меня такое ощущение, что скоро нас обвинят в этих убийствах за то, что мы так много копаем.

— Главное, чтобы копали в правильном направлении. Ладно, давай сворачивать свою деятельность. Завтра выдвигаемая назад. Там будем отрабатывать учителя, — вздыхает Митяй.

Новые люди в городке не остались незамеченными. Как говорит Аринка, даже Москва это большая деревня. Я долго это отрицала, пока на днях случайно не столкнулась с новым соседом, с которым почти четыре года прожила в соседних комнатах. Это был бывший муж моей сестры — Колька, который въехал в купленную квартиру с молодой женой, оказавшийся по великой случайности моей одноклассницей, с которой я в жизни не общалась. А я тут говорю про городишко с десятитысячным населением, где каждый друг другу то ли сват, то ли брат, то ли сосед. И приехали тут упыри столичные, чтобы выпытать что-нибудь у добрых людей. Я больше чем на сто процентов была уверена, что если глубже копнуть, свидетелей того дело найдется большая кучка. Но я все время чувствовала напряжение, с которым нас встречали люди, пусть даже официанты.

Итак, двое задушены и утоплены в пруду, третью зарубили топором. Это же каким отморозком нужно быть. А главное, что все смерти разные, и почерк совершенно разный. Если бы не Валя со своими газетенками, то никто бы никогда не подумал связать эти дела. Хотя на самом деле, это сделали пока только мы. Убийца пойман. Хорошо бы поговорить со свидетелями, что так рьяно упрятали его на пожизненное, да и с ним самим. С этими мыслями я поделилась с Митяем, который встретил это фразой

— А к нам не думала идти работать?

— Кушать крохи? Я люблю хлеб с икоркой, так что простите, буду дальше любить свою работу.

— Ну вот насчёт съездить не знаю, А насчёт свидетелей мне нужно сделать несколько звонков. Не против?

— Конечно против! Звонишь кому ни попадя, потом заразишь меня ещё своим мусорским вирусом.

— Язва ты, Римка! — ещё одно вполне знакомое утверждение, сорвавшееся с губ человека, который знает меня всего трое суток. Могу сказать, что это наивысший показатель моего занудства.

И так, нам пришлось задержаться в этом городке еще на пару суток. Митя сделал несколько звонков на работу, а вечером мы уже искали интернет, чтобы получить данные по делу десятилетней давности. Изучали все внимательно, устроившись в моем номере, стараясь не упустить ни одной детали. И уже глаза слипались, и кофе не помогало, как вдруг ожил телефон.

— Да, Дань, привет, — застыла, ожидая реакции на уменьшительно-ласкательный вариант его имени. Не знаю, чувствовала я за собой право так его называть. А ведь он не звонил эти дни. Написал парочку сообщений с вопросом о моих делах, и на этом все. Осознав это, хотя мне как-то и не до звонков было тоже, я даже немного обиделась.

— Привет! Не побеспокоил?

— Да, нет! Мы с Митей тут в бумагах копаемся. Если честно, хотела уже спать ложиться, — отрапортовала я.

— Благоверный? — поинтересовался шепотом мужчина, сидящий на моей кровати. Я сделала утвердительный жест головой, а он просто начал собирать бумаги, оповестив так же шепотом. — Отложим на завтра.

Я и не стала уже сопротивляться, прослушивая отчет Волкова за текущие полтора суток.

— Здорово! А я не могу похвастаться такой безупречной работой, — вздыхаю тяжело, падая на помятую кровать.

— Думаю, будет все хорошо! — подбодрил меня волковский голос. — Я завтра вечером приезжаю.

— Прости, Дань, но встретимся мы с тобой не раньше воскресенья, а то и понедельника. Я не в городе пока.

— Неожиданно как-то, — оповестив он.

— Я знаю, но что-то все совсем запуталось. Долгая история, расскажу при встрече.

— Хорошо, не буду требовать, — тон голоса немного изменился. Здорово, Волков обиделся.

— Ну, прибей меня! Обзови как-нибудь, — начала напирать я в ответ.

— А зачем? Я думаю, уже поздно воспитывать. Будем довольствоваться тем, что досталось, — стал снова «показывать зубки» мой оппонент.

— Ты прав! Только не нужно довольствоваться. Если не получаешь наслаждения от женщины, то стоит задуматься, — вздыхаю я тяжело.

— Это ты типа меня сейчас красиво отшиваешь? — он, кажется, повеселел даже.

— Хренушки, Волков, от меня ты так просто не избавишься.

— Женщина, по-моему, ты просто устала, — уже улыбается.

— Согласна! Поэтому, напиши мне красивый мессенджер и тоже отдыхай.

— Не силен я в этом.

— Мне тебя спать учить, Волков? Лег, обнял подушку, представил меня, лежащую рядом и уснул сном праведника.! — дала я наставления, поняв, что речь шла про сообщение, но хотелось повредничать.

— Если тебя представлять, то уснуть будет тяжело, — вздыхает он.

— Хочешь, фото «ню» пришлю? Стресс снимешь, — продолжаю издеваться я.

— Язва ты, Пиманова, — вот уже второй мужик за вечер говорит мне это. Конечно, сей факт я благополучно умолчала. — Жди сообщения! Целую.

И не успела я и рта раскрыть в ответ, как на том конце послышалась тишина. Вот и поговорили, мать вашу.

А сообщение все же пришло. Правда на тот момент я уже крепко спала, в той позе, в которой до этого говорила с Волковым. Красивое такое, вдохновенное «Спокойной ночи! Целую! И если ты сейчас начнешь меня ругать, знай, что во мне почти нет романтических наклонностей. И все, что ты сейчас тащишь из меня клещами здорово вдохновляет. Так что, спасибо! Целую еще раз!»

А вот следующий день, и крадущийся за ним тоже выдались очень насыщенными. Мы колесили по городу, расспрашивая заявленных тогда в суде свидетелей, пытаюсь помочь напярчь им память. У меня было стойкое ощущение, что говорили все по заученным заранее фразам. При чем, некоторые в показаниях путались. Один мужик вообще заявил «Вы скажите, что нужно сказать. Я все подтверждаю». Вот тебе и глубинка. Ты стал неуютен обществу, и общество всем стадом тебя слило. Не хотела бы я оказаться на месте того парня.

И вообще, если дело на то пошло, Митя принялся за выяснение подноготной этого несчастного, а меня благополучно сплавил назад, наказав провести еще беседу с семьями убитых девушек.

Наверное, в тот самый день мне следовало остаться там с ним. Автобус прибыл поздним воскресным вечером. Заранее Даниила я не предупредила, так что он не успевал меня, встретить, поэтому взяла такси, договорившись с ним, что он приедет уже непосредственно к моему подъезду.

Я расплачиваюсь с таксистом, провожаю машину с шашечками восвояси взглядом, делаю пару шагов к подъезду и... Чувствую, как что-то больно впивается в мой бок. Тяжелое дыхание слева, и такая яростная боль, которая начинает парализовать все тело. Я медленно заваливаюсь на колени, ожидая очередного ножевого удара, но голос Волкова врывается в мое сознание грозным рыком. Похоже, он своим приездом спугнул охотника за моей дурной головой. А может, это он сейчас пытается меня убить? Перед глазами мутная пелена и забвение...

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ О НЕГЛАСНОЙ ВОЙНЕ И БОРЬБЕ ХАРАКТЕРОВ

Открываю глаза и первое, что приходит мне в голову «я умерла». Но... внезапная боль в боку, и резкий запах медикаментов говорят об обратном: «жива ты, голубушка, жива!» И сразу на память пришло последнее событие, перед тем, как я отключилась. Волков? Нет, не может быть.

Пусть нападавшего я не видела, но запах парфюма был до жути знаком. Да, однозначно, волковский. Черт! Что за нахер-то такой? Холодок начал трепетно пробиваться в душу, словно кошка, царапая лапками.

— Очнулась? — в палату, где я лежала почему-то одна, бесцеремонно ворвался долговязый дядька в белом халате. Его серые внимательные глаза не оказались холодными, что присуще этому цвету. Они по мне пробежались очень внимательно, лапища задрали на мне сорочку, а я и не думала сопротивляться.

— Не кровоточит, это очень хорошо, — огласил он вердикт веселым тоном.

— То есть меня скоро выпишут? — уточняю я тихо.

— Она только очнулась, а уже сбежать хочет. Нет, деточка, полежи несколько денечков. За тобой понаблюдаю, подлечим, и потом можешь гулять на все четыре стороны.

— Я сбегу честно признаюсь я.

— А я тогда натравлю на вас вашу бабушку. Она мне всю плешь проела.

— Серафима Андреевна? — спрашиваю, и когда получаю утвердительный ответ, тяжело вздыхаю. — Ну, тут против танка не попрешь.

— Там за дверью мужчина, который тебя привёз и сестра.

Арина меня точно убьет. Нет, лучше отложить час «X» кровавой расплаты до лучших времен. А вот с Даниилом дело обстояло сложнее. Доверие... Оно пошатнулась. Не знаю, но мысль о том, что это мог быть он, прочно закрепилось в моей голове. Нет, не сейчас. У меня есть время подумать.

— Как вас?

— Валерий Сергеевич.

— Очень приятно. Так вот, Валерий Сергеевич, не пускайте пару денечков ко мне никого, пожалуйста. Скажите, что я слаба и всё такое. Очень-очень вас прошу?

— Не знаю, какие тараканы у тебя в голове, но просьбу твою выполню. Ещё что-то, Мадам?

— Да! Есть хочу!

Два дня. У меня было два дня на то, чтобы пораскинуть мозгами в полном одиночестве. Правда, приходил следователь, так как по факту покушения было заведено уголовное дело. Долго-долго талдычила ему, что ничего не знаю, и ничего не помню. А потом, после полуторачасовой пытки запахом дешевого одеколona, смешанного с сигаретами и затхлостью несвежей рубашки, я сдалась и ляпнула про письма, при этом уточнила, что ip-адрес был выяснен, письма были посланы с местного интернет-кафе, где проходимость просто огромнейшая и причём, многие из них это подростки. Пусть работает!

А когда он пришел на следующий день снова с расспросами, а я отказалась с ним беседовать, мужик заявил

— Вы в курсе, что укрывательство информации несет за собой уголовную ответственность?

Вот тут-то меня прорвало, давно нужно было выплеснуть свой гнев, наорать на кого-нибудь. Ну, под рукой никого не было, сама же всех разогнала.

— Да вы охренели что ли? Я тут лежу с дыркой в боку, а вы мне угрожаете уголовной ответственностью? Ещё, может, скажите, что я сама себя ножичком? От того что вы не хотите работать, доставая меня своими расспросами, дело само не раскроется. Я вас в порошок сотру, и с землей сравняю, если ещё хоть раз услышу подобное.

— Ты, московская сука... — начал было капитан, потирая свой потный лоб белым платочком.

— Московская сука? — округляя глаза, я хватаю себя за бок, откуда выступает кровь и ору во всё горло — Что вы делаете? Оставьте меня в покое! Мне больно.

Естественно на мой крик сбегается половина больницы, а я лежу скорчившись на кровати от боли, передо мной стоит с потерянным видом. Не с той связался. Сукой меня могут называть только бывшие мужики.

— Что здесь происходит? — в палату влетает Валерий Сергеевич. — Выйдите вон!

— Она сама, — хлопает глазами капитан.

— Конечно! Сегодня же доложу вашему начальству.

Не знаю, что у них там происходило, но в следующий раз пришла уже женщина в форме. Она задала всего несколько вопросов, попросила просмотреть письма, и сказала, если Митрий не будет мешать, то они во всём разберутся.

— Нет, мне так надежнее и спокойнее. Ваш коллега пытался повесить на меня моё же покушение. Так что доверия к местной полиции у меня нет.

— Как знаете, — вдохнула женщина и удалилась.

Да, может я была не права, но во мне бушевало всё женское естество, которое хотело плакать и убивать, убивать и плакать. Я ведь хорошая девочка, несмотря на то что сука. Главное, что не конченная, А это уже давало надежду на светлое будущее. И после наложения повторных трех швов, Валерий Сергеевич дал отмашку на посещение меня. И поперли мои родственники и подруги, таша за собой баулы с фруктами. Не знаю как я могла столько в себя в впихнуть, но жуя яблоко я без угрызения совести выслушивала их причитания по поводу моей бестолковости. Хм, тоже мне открытие! Не шёл только Волков. Видимо, обиделся, что до этого не удостоила его аудиенции. И меня это бесило, несмотря на то, что сама была в этом виновата. Но как же? Я же женщина и я всегда права. Даже Митька несколько раз навещал, клятвенно заверяя, что не уберется отсюда, пока не доведет дело до конца.

— А если его расследование затянется на годы?

— Оформлю длительную командировку, перевезу сюда жену.

— Ты женат? — удивилась Я.

— Без штампа, но женат!

— Вот оно как! То есть шансов, на то, что ты на меня западешь совсем нет?

Мое женское самолюбие задела. Ещё бы! Всех нормальных мужиков расхватали, и дело даже не в том, что он был в моём вкусе, совсем нет. Просто за державу обидно.

— Если только нужно будет для дела, — подмигнул Митя. — А твой-то где? Сестра твоя сказала, что это он тебя в больницу привез, — заключил он.

— Ага, и порезал тоже, — не решалась я никак озвучивать эту версию вслух, было страшно от того, что это могло быть правдой. А меня, такая правда не устраивала. Но Митька не стал ничего говорить, продолжая меня слушать, даже после затянувшейся паузы, пока я осознала, что ляпнула о своих предположениях. — По крайней мере, вероятнее всего порезали меня из-за него. Я почему-то склонна верить этой версии произошедшего.

— Ладно, если так, тебе-то что с того? Ты мне показалась изначально другой. Я думал, ты идешь до конца, а оно вон как!

— Не знаю, выбило меня это из колеи.

— А ты разозлилась! Представь, что пока ты тут отсиживаешься, какая-то шмара пытается увести твоего мужика. Что бы ты тогда сделала?

Психолог херов. Наговорил и смылся, а я снова стала думать. И ведь возымели действия эти слова. Ожила! Даже решила набрать Волкова. Прогресс на лицо! Но так как мне никто не ответил, решила, что к лучшему. Поэтому начала разрабатывать план операции «Душ». Нужно было мне помыться. Не могла я больше валяться картофельным клубнем, и чувствовать себя погано-грязной.

Долго-долго пришлось уговаривать медсестру провести меня в служебный душ, долго-долго мы соображали, как сделать так, чтобы не намочить рану. Выход нашелся в виде пищевой пленки. А ещё было ужасно тяжело спускаться по лестнице, я уж молчу о подъёме. Зато пятнадцатиминутная процедура и чисто вымытые волосы и тело помогли мне немного прийти в себя и понять, что все не так-то просто. Возникла у меня ещё одна версия, что я могла стать жертвой серийника, а Волков просто меня спас. Вот так вот!

И теперь думай что хочешь, стратег хренов. Лежала бы себе спокойно, нет нужно было пойти мыться, когда думается легче под тёплыми струйками воды.

Но больше всего меня обрадовал непринятый вызов на оставленном под подушкой телефоне и сообщении: «Женька желает тебя навестить, я ей пообещал. Ребёнка хотя бы пусти к себе».

Бу-бу! Обиделся товарищ Волков, но заставил меня улыбаться. «Думаю, завтра мне будет удобно вас принять», — не удержалась я от ехидства. Но вдогонку отправила: «Хочу перед тобой извиниться. Хочу тебя видеть. Здесь. Сейчас!»

И полезли воспоминания о нашей ночи, о том, как он меня целовал, как прикасался... Гормоны, будь они неладны! И черт, я возбудилась от этих мыслей. Гадкий Волков!

«Если бы просто «Хочу», я бы стоял уже у твоей палаты! А так, до завтра!» — ещё одно сообщение от него, которое заставило меня просто скулить от безысходности. Пусть только появится, гаденыш, я ему покажу Кузькину мать!

Но решительность и злость куда-то быстренько слиняли, когда в дверях на следующее утро сразу после обхода появилась рожа, что снилась мне в эротических снах прошлой ночью. Он стоял в белом халате, накинутом на широкие плечи, обтянутые тканью темной футболки с длинным рукавом. Мне кажется, я до сих пор подетально помню, как он выглядел в тот момент, как сладко сжалось мое сердце, и как забухала по венам кровь, отдаваясь в ушах гулом. Так как дочь была посообразительнее отца, то она первая влетела в палату, врезавшись в меня сначала, а потом обхватила своими мелкими ручонками за талию.

— Тут болит? — указала она на то место, где сейчас была повязка.

— Тут, — подтвердила я.

— И как тебя, голубушку, угораздило? Ни на минуту нельзя оставить, — покачала она как-то по взрослому головой. — Вот, мы с папой тебе тут витаминов принесли, — сунула она мне увесистый пакет, пока мы с тем самым папой сверлили друг друга взглядом. Снова в него вернулся «Волков», как и в меня. Наверное, это уже диагноз, открытый мною несколько недель назад. Хоть премию Нобеля требуй.

— Спасибо, Женечка, — обрадовалась я, решив, что хватит столько внимания уделять этому несносному мужику. А ведь ещё несколько часов назад хотела перед ним извиниться. И куда испарилось это желание?

Девочка много щебетала о делах своих насущных, к которым кроме заботы об отце прибавились ещё школа и художка. Она была великолепна! Я сама даже не заметила, как дала ей обещание посетить концерт, посвященный празднику осени в ее школе, где она собиралась играть в спектакле. Вот же маленький манипулятор!

— Жень, а ты не думала, что Риме может быть не удобно? — откашлялся Даниил.

— А что тут неудобного, — пожалала она плечами и сделала такое выражение лица, мол, папа какой-то ненормальный. — Я же заранее предупредила. Тем более, она уже согласна, а обратного пути быть не может.

— Не беспокойся, мне удобно, — заверила я его, впервые обратившись напрямую.

— Хм, даже время найдешь в своем плотном графике?

— Женечка, ты скажи своему папе, что для тебя время у меня найдется всегда, потому, что «своих» я в беде не бросаю.

— Это твои извинения? — проигнорировал он мой тон.

— Нет, Волков, извиняюсь я по-другому. Думаю, тебе этого уже не дано узнать.

— Солнышко, сбегай вниз, купи в столовой водички, — сунул он ребенку купюру. А когда девочка скрылась за дверями палаты, я поняла, что «кары небесной» мне не избежать. Он был зол, в ярости, взбешён... Нет, не так, эту эмоцию, что шла от него, я не могу определить, но вот желание задушить меня от него исходило с особой силой. Я с опаской прижалась к стене, ожидая от него чего угодно, но только не этого...

Мое горло было сжато крепкой мужской ладонью, не сильно, больше для устрашения, нежели для покушения на мою несчастную жизнь.

— Какую игру ты со мной затеяла? — цедит он сквозь зубы, когда его лицо находится совсем-совсем близко.

— Это не игра, Волков, это я настоящая, — я в ответ тоже хватаю его за горло и притягиваю ещё ближе. А он и не сопротивляется.

— Маленькая стерва, — шепчет он.

— Тебе я прощаю эти слова и принимаю, как комплимент, — он почти меня целует, но при этом, не давая мне самой сделать это. Дразнит, сволоочь.

— Ты ведь думаешь, что это я тебя отправил в больницу? — хм, а как он догадался? — А если я сейчас сожму пальцы крепче?

— Ты не сделаешь этого, — провожу кончиком языка по его губам, чувствую, как он напрягся. — Ты хочешь меня до чёртиков, Волков. И пока это желание не иссякло, ты никогда не сожмешь пальцы, но и не отпустишь, — уже сквозь зубы, полусшепотом, потому что возбуждение мое достигает самого пика. Хватка его ослабевает, а в этот момент в палате появляется Валерий Сергеевич.

— Смотрю, у тебя поток посетителей не иссякает?

— Я сама удивляюсь, что столько людей беспокоится обо мне.

— Отдыхать нужно, Рима, отдыхать.

— Да, я пожалуй, пойду, — улыбается уголком губ Даниил, пожимая руку врачу. Причем на меня смотрит с неким превосходством, словно это он выиграл бой. Нет, Волков, на этот раз победа за мной, но убеждать в обратном я тебя не собираюсь. Только вот в чем загвоздка, кто в итоге окажется победителем в этой борьбе характеров? Я уже была у его ног, и мне там понравилось.

Он почувствовал, что она изменила к нему свое отношение. Ведь неспроста она не пускала его к себе. Волков тысячу раз прокручивал в голове сценарий этого случая и все больше убеждался, что оставлять Риму живой преступник не собирался. Опоздай он хоть на минуту, последствия могли быть необратимыми. И что самое поганое, убийцу он не смог разглядеть, охваченный животным страхом. Нет, не за себя. Он видел, как Рима медленно оседала, схватившись за бок, и как смотрела на него. В этом взгляде читалось все, и разочарование, и любовь, и обида, и непонимание. И лишь потом он догадался, когда была проведена операция, когда она пришла в себя, что скорее всего, Рима обвиняет его в случившемся. Она перестала ему доверять. От этого становилось невыносимо больно, внутри все ныло, но вот доказывать ей обратное он не торопился, обидевшись как ребенок. Ещё эти сны...

Марина... Она снилась ему каждую ночь. Просто стояла на подоконнике в своей сорочке и смотрела, как он к ней приближается. А как только он пытался схватить ее за руку, шагала вниз. Наверное, сейчас он был зациклен больше на себе, умирая от тоски по прошлому и обиды в настоящем. Рука тянулась к бутылке ни раз за это время, но

он умело себя одергивал, вспоминая о Жене, а потом о Риме, которая в данный момент лежала в больнице. А ещё больше его раздражало, что вокруг нее крутится этот непонятный мужик. И его легко пускали к ней в палату, где он задерживался на неприлично долгое время для посетителя. А себе он боялся признаться, что его просто одолевает ревность.

И все же нашел предлог появиться у нее, использовав для этого ребенка. На войне все средства хороши. Хотя кто говорил о войне? Но это она самая и была, только вот к враждующей стороне его тянуло как магнитом, несмотря на то, что в голове у Волкова сейчас был полный бедлам. Он хотел ее, но не просто тело, он хотел обладать ею всей. И в какой-то мере чувствовал себя маньяком, наслаждаясь тем, как она сопротивляется.

И опять Марина, которую он пытался остановить. И снова он сидит на кровати, схватившись за голову. Что не так с ним?

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ, КОГДА НЕТ ВЫБОРА

Мама упаковывала мои нехитрые пожитки, что мне понадобились в больнице за эти две недели. Кажется, она прижилась у Серафимы Андреевны, но вот с Аринкой у них до сих пор были натянутые отношения, как бы наша родительница не старалась. А старалась она изо всех сил, при чем зять единственный и неповторимый взял ее к себе в отель старшей горничной, возложив на плечи Маргариты Андреевны ответственность за порядок в гостинице. Как утверждал сам Ромка, теща со своими стараниями гоняет своих подчинённых как цербер. Гордится, что нашел себе такого помощника в нелёгком деле, отчего иногда ему пилит мозг моя сестра.

— Мне кажется, из всех вас самая адекватная это Серафима Андреевна, — вздыхал он как-то у моей кровати.

— А ты не знаешь, как успокоить свою жену? К стене прижал, юбку задрал... Я не думаю, что она сильно будет сопротивляться. По крайней мере, когда мы в детстве ругались, я ее подмазывала только телячьими нежностями.

— Кстати, хороший совет! Главное, самому раньше не сорваться.

— Ну, это и будет твой самоконтроль своеобразный, — пожалала я плечами. А приятно было делиться руководством по пользованию моей сестры. Там ещё было много интересных функций, о которых Барышников даже не догадывался. Шесть лет совместной жизни это не такой уж и срок большой, у них всё ещё впереди.

А вот у меня, кажется, снова были проблемы с Волковым из-за его тупой ревности, существование которой он отрицал. Баран упертый... Фух, главное, при нем так не сказать, потому что все, что касается рогов он принимал очень болезненно. Не могли мы пока найти общий язык, ограничиваясь небольшими «погрызками» по телефону, и нечастых его визитов, так как он полностью погрузился в работу, пока я игнорировала его, и теперь оттуда его тельце было вытащить тяжело. Это как наркомана оторвать от очередной дозы. Он полностью растворялся в работе. При чем, я тоже ревновала, что я не могу стать его работой. Вот так как два нормальных идиота трепали друг другу нервы.

И только я вхожу в дом Барышниковых, где как всегда галдят племянники, в глаза сразу же бросается заголовок местной газеты о том, что в городе орудует серийный убийца. Найдена повешенная на собственном чулке ещё одна девушка. От сути происходящего, по коже побежали мурашки. А ведь учитель до сих пор под следствием.

— Черт, Митя, ты в курсе? — набрала я своего питерского опера.

— В курсе! Сам на труп вчера выезжал. Если честно, вообще понять не могу по какому принципу он их выбирает, несмотря на то, что разный почерк, я уверен, что человек один.

— Ты можешь мне привезти всё, что накопал?

— Рим, Может не надо тебе лезть?

— Нет, у меня хватает мозгоклюев вокруг, не увеличивай их количество.

— Хорошо, через полчаса буду.

Роясь в бумагах, я подавляла в себе желание треснуть ему, так как мою теорию о связи этих двух серий он отрицал.

— В школу ходил?

— Одиннадцать классов окончил, — даже обиделся он.

— Митяй, ты дурак? Я про первую серию спрашиваю. Должны были остаться выпускные фото. Я пока в больнице лежала, подумала, что сделать это мог обиженный одноклассник.

— Разговаривал с учителями, говорят, в классе не было конфликтов. Все дружили, буллинга не было.

— Да быть такого не может. В любом классе, каким бы идеальным он не был, есть тот на ком отрывается вся масса. Зачем «первому парню на деревне», которому девки давали, едва она на них взглянет, расправляться с ними? Причём... Мы не учли ещё один факт, тогда пропали и еще двое парней.

— Парней? А это какое к нам отношение имеет?

— Вот именно, так и не скажешь, что имеет, но один из них тоже был одноклассником этих девочек, а этот Коржин, что сидит и брат выпускника были лучшими друзьями.

— Причём Коржин встречался с одной из этих девочек, Верой Крапивиной, — загорелись глаза пониманием у Митьки.

— Ага! Совершенно верно. Ее-то и нашли сильно изуродованой, поэтому сразу же первой версией было, что убийца это Коржин. — Кстати, мать, девушек было четверо. Четыре лучшие подруги, причём троих из них убили, а четвертая уехал от греха подальше.

— А имя у неё есть?

— Есть, — Митька достал фото с счастливыми лицами выпускников, где маркером были помечены убитые девочки. — Вот она! Виленция Мокшина.

— Батюшки, а имечко то какое! А эта Крапивина красивая была. Думаю, она смогла бы украсить подиум.

— Если бы не «но». Нужно найти эту Мокшину.

— Нужно, если она не смылась куда-нибудь подальше.

А потом и внимательно изучала дела убитых девушек, и десятилетней давности и наших дней, пока не явилась с работы сестра. Опасливо спрятала все бумаги в стол и поплелась вниз, где в гостиной кроме Арины появились еще и Волков с Женей. Девчонки тут же удалились в игровую, где занялись серьезным делом — сбором пазлов, а сестра с Данилом обсуждали проект мебели для сада. В разговор я не вмешивалась, наблюдая за Волковым со стороны.

— Хм, а ты чего молчишь? Даже свои пять копеек не вставишь? — вывела меня из задумчивости Арина.

— Нет настроения спорить с тобой! А то потом меня же виноватой сделаешь.

— Римма Сергеевна сегодня не в духе? — уточнил Волков. Насмехается гадёныш.

— Магнитные бури, Данил Игоревич.

— А может нехватка тестостерона?

— Это скорее вам грозит.

— Язык бы вам отрезать Римма Сергеевна.

— А я знаю ему совсем другое применение, Данил Игоревич, — я подперла кулачком подбородок, глядя на него в упор.

— Кажется, я здесь лишняя. Я детей кормить, а вы разбирайтесь со своим желанием поубивать друг друга самостоятельно, — ретировалась Арина с поля боя. О том, что Мы спали с ним, сестра моя пока не знала, как и подруги. Не знаю, не хотелось мне этим делиться, я чувствовал себя жадиной.

— И какое же применение?

— Спроси у Митя, он-то знает

Ну, вот зачем мне это? Для чего его дразнить? Чего я этим добивалась? «Убивать и плакать, плакать и убивать!» — это называется мазохизмом. Нравилось мне мучить и себя и его. И дело было не в том, что мне этого хотелось, а просто других отношений я не знала. Это уже вошло в привычку.

— Мне уйти? — вопрос был совершенно неожиданным, ждала я другой реакции.

— Ты о чём?

— Мне просто интересно, ты хочешь чтобы я ушел, или ждешь что я начну скандалить?

— Я? Я жду, что ты перестанешь маяться хернёй.

— И это ты говоришь обо мне? — вот у нас наметилась первая ссора. Крутяк!

— Рима, мне только выноса мозга сейчас не хватает. Давай так, если хочешь выяснять отношения, то делай это без меня. Если хочешь продолжать то, что мы начали несколько недель назад, то я жду тебя завтра с вещами в своём доме. И только завтра, потому что после, тебе дверь я не открою.

Вот так вот! Без всяких телячьих нежностей и прелюдий мужик предоставил мне выбор прямо намекнул на то, чтобы я к нему переезжала.

Я почти всю ночь не спала, взвешивая все за и против. Единственное против, что меня так терзало, это была моя работа, которую бросать мне не хотелось. А ещё я боялась, что меня не примет Женька. Да, отношения у нас были замечательные, но одно дело, когда ты пытаешься быть другом для неё, а совсем другое, когда метишь на роль мачехи. А этого я боялась больше всего.

Я собиралась уже вызвать такси, собиралась ехать к нему, когда пришёл Митя. С его приходом у меня в голове засели две новости, которые он озвучил. Во-первых, учителя отпустили за неимением доказательств, а во-вторых, убитых может связывать клуб, где одна из девушек танцевала, две другие были завсегдатаями, а четвертая работала официанткой. Вот так всё оказалось просто.

— Как ты это выяснил?

— Пообщался с подружками. Они много грязного белья могут вынуть наружу. Ты со мной?

И сумка так и осталась стоять на кровати, и жизнь приобрела оттенок с адреналиновым вкусом. «А разве такое бывает?» — спросите вы. У Риммы Сергеевны Пимановой всё бывает!

Митя долго-долго опрашивал персонал о всех подозрительных личностях в клубе. Только он не учел одного, если убийство регулярно, то скорее всего это постоянный клиент. И после уточнения данного факта, все его действия возымели другую, ещё более могущественную силу!

И пытал Митя бедолаг на предмет постоянных посетителей, и рвал, и метал Русский богатырь, и повержены были вороги, испугавшись недюжей силы и острого ума...

А потом позвонила Арина, потеряв меня

И метала, и орала, и шипела как змея...

В общем, денёк выдался насыщенным, и всё бы ничего, если бы не одно «но». Было ужасно тяжело двигаться. Рана ныла, и даже обезболивающие не спасали. И хорошо, что Валерий Сергеевич меня не видел, а то бы быстро определил назад в больницу. Вот и сестра настоятельно мне рекомендовала вернуться домой.

— Я к Волкову от тебя ухожу, — заявила я.

— Чего? Я понимаю, что чувство юмора у тебя замечательное но давай без твоих фантазий.

Неужели все так скептически настроены на счет Волкова? И теперь мне хотелось доказать обратное, вот только

времени, как оказалось, у меня совсем не оказалось. Вот такой парадокс. Когда мы по второму разу объехали подружек и родственников убитых девочек с фотографиями постоянных клиентов клуба, время безвозвратно приближалась к 12:00. Он сказал, что будет меня ждать только сегодня. Три раза «черт», будь он неладен! Тебе куда? Поинтересовался Митяй, шелкая сигнализацией выдавшего жизнь фольксвагена, который он арендовал в прокате.

— Меня далеко, мне к Волкову, причём срочно!

И как назло, движение на улицах небольшого городка в преддверии выходных было загружено. Долго тащились за чихающим автобусом, шедшим на ночлег в старый автопарк. А еще... А ещё мне казалось, что время бежит не по-детски быстро. Мы были на месте назначения ровно в сорок восемь минут двенадцатого, спустя три секунды, как только я вылетела пулей из салона «фольца», забыв о ранении, я нажала на звонок. Темнота улицы была устрашающей, но Митька всё ещё был на месте, решив, что так будет безопаснее для меня, а Волков очень медлил, прежде чем открыть.

И только увидев его в проёме калитки, одетого в пыльную робу, Митька стартанул в гостиницу.

— Я успела? — уточнила Я нерешительно.

— Приехала бы десятью минутами позже, я бы не открыл тебе, — заявил он очень спокойным тоном.

— Пустишь?

— Пуцу! Проходи! А где Вещи?

— Завтра привезут.

— Условие было, чтобы ты приезжала с вещами, Римма.

Блин, он что издевается? Я приехала, какая нахрен разница с чем? Ныряю рукой в сумочку, извлекаю оттуда паспорт и телефон, и вручаю ему.

— Это то без чего я точно не могу обойтись. Отдаю их тебе, как и себя, Волков, — его непроницаемый взгляд меня пугал. Он сейчас легко мог меня выпнуть за дверь, и пойти спокойно спать. Но вместо этого он вернул мне телефон, отправив паспорт себе в карман со словами «чтобы ты не сбежала», а затем крепко-крепко прижал меня к себе.

— На цепь меня посадишь?

— Я знаю способ получше, — его губы едва коснулись моих, руки бессовестно полезли под куртку, где шарили по-хозяйски. И только сейчас я поняла, как восхитительна сентябрьская ночь, наполненная запахом осени, одурманивающим, который проникал в легкие и оставался там, заглушенный поцелуями и легкими стонами.

— Мне нужно в душ и закрыть мастерскую, — заключил Волков, отрывая меня от себя.

— У меня есть хоть один шанс взглянуть на неё? — уточнила я, целуя его колючую щёку.

— Если только одним глазком.

Здесь царил дух уединения. Не знаю, но даже приглашенная в это помещение, я чувствовала себя воровкой, подсмотревшей что-то сокровенное. Да, словно в душу Даниилу заглянула. Это был Волков, который проявлялся уютом, глубиной, самобичеванием. Я понимала, что закрывая двери мастерской, он оставляет здесь какую-то часть души, которую мне безумно хотелось познать. Ведь работа, переросшая в прибыльную из обычного хобби, была его неотъемлемой частью жизни, которую он никому не позволял трогать. Помещение было не большим, но от наличия огромного числа окон, в дневном свете оно должно было быть залито солнцем. А ещё этот до одури знакомый запах, которым Волков пропитался насквозь, запах свежего деревянного спила и сигарет. Как он утверждал, при дочке он не курил, за что я его ценила ещё больше, но вот это место стало для него своеобразным укрытием, где он мог пофантазировать, поидеализировать, и конечно, расслабиться, вспомнив все свои вредные привычки. А теперь сюда, в святая святых, впустили и меня.

— Это было моим спасением, — заявил он неожиданно тихо. Я стояла не смея шелохнуться, чтобы не спугнуть этот момент.

С замиранием сердца слушала о его первом браке, о том, как умерла его жена, о том, как он спивался, пока не решился поменять жизнь ради Женьки. Он не оправдывался, нет, он обвинял себя за свою слабость, что изначально жалел только себя. А я в душе завидовала этой женщине, потому что он ее любил очень сильно. И наверное, даже немного ревновала.

— Что-то мы засиделись здесь. Идём в дом, — предложил он, стягивая с себя пыльную робу, в которой творил свои шедевры. А мне, мне хотелось доказать, что несмотря на его любовь к покойной жене, которая, как я почувствовала, ещё его не отпустила, я реальная, настоящая, и я не растаю и не посмею с ним так поступить, как поступила она, будучи даже больным человеком.

Пока Волков выключал свет, я набралась смелости запустить руки под его футболку, подкравшись сзади. Его глухой стон сказал мне больше, чем я того делала. Он повернулся, оглядел мое лицо, которое освещали лунный свет, пробивающийся сквозь огромные окна и свет от уличных фонарей, улыбнулся так, как может лишь только он один, заставляя войска мурашек сражаться на моей коже, и притянул к себе, впившись в губы солёным поцелуем. Я не

знаю почему, но он мне показался солёным, а от этого не менее вкусным. Он целовал, целовал нежно, иногда срываясь, и оставляя на моих губах отпечаток своих зубов, а я растворялась в нем, попутно стягивая с мужского тела футболку, расстёгивая непослушный ремень. И дурела лишь от одной мысли, что ему нравится эта игра, которая плавно переходила в обнаженку и где идеальным местом для ее проведения стал его рабочий стол. Пусть... теперь у него с этим местом будет ещё одна ассоциация, я уж постараюсь... и с этими мыслями я растворилась в безумном наслаждении, оставляя следы на его коже...

Эмоций была куча. И пробуждение с ним рядом, в его постели, и томная утренняя беседа с нежеланием расцеплять объятия, и его футболка на голое тело после душа, и первый совместный завтрак, и встреча с Женькой, которая восприняла моё присутствие с утра в доме вполне нормально, если не считать замечания, что я взяла ее любимую чашку. Но после него, она с улыбкой позволила мне продолжить трапезу.

— Все, в школу опаздываю.

— А ты что, пешком? — удивилась я.

— Не, за мной подруга с папой заведут, сегодня их очередь, — отчеканили она — Слушайте, может, сегодня на озеро вечером прогуляемся? А то обещают похолодание на этой неделе.

— Я не против. А если это будет пикник в качестве ужина? — предложила я.

— Здорово! Нас большинство, пап, поэтому твой голос уже не учитывается, — Волков лишь криво ухмыльнулся. Женька поцеловала его в щеку со словами «Люблю тебя». Таким же весёлым поцелуем была одарена и я.

— Надеюсь, ты не сбежишь до моего возвращения? — уточнила она.

— Куда? Мой паспорт у твоего отца!

— Молодец, папочка, и не отдавай ей его.

А когда мы остались одни, Даниил разразился смехом.

— Думаю, проблем с Женькой у нас не возникнет. Так что, за вещами едем?

— А у меня есть выбор, Волков?

— Думаю, что уже нет, — расцвел он в улыбке, продолжая ковырять вилкой в тарелке.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ ПРО ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ИСПОВЕДЬ МАНЬЯКА

Я растворялась в нем, тонула, задыхалась, делала короткий вдох и снова тонула, зная, что эта пытка повторится снова, и что Волков в ней выступает в качестве инквизитора. Это были самые незабываемые дни в моей жизни, когда я могла чувствовать себя женщиной, и немного мамой. Женька волчком крутилась возле меня, боясь оставить хоть на несколько минут. А мне казалось, что это я должна была завоёвывать ее внимание. Но все оказалось в точности, да наоборот, когда юркая, острая на язык девчонка, придумывала какие-то особые дела, с которыми помочь могла ей только я, когда рядом находился отец и Света. Эта маленькая авантюристка, казалось, делала все, чтобы только я не захотела вернуться домой.

Раны мои ещё болели, поэтому для подвижных развлечений я была тьюфом, предпочитая понежить свое брэнное тело в сторонке, как наблюдатель. Аринка с недоверием отнеслась к нашему с Волковым союзу, но несмотря на это, была довольна, что все так удачно складывалось для ее любимой сестрёнки.

Да, идеально! Масло маслянное, но во всем этом был ещё и блин блинский... В нашей паре Пиманова — Волков присутствовал кто-то третий. И я сейчас не говорю о мартышке Женьке. Хм, странно, но у меня было такое ощущение, что по пятам Даниила следует другая женщина, та самая, умершая несколько лет назад. Это я сейчас понимаю, что он чувствовал себя перед ней виноватым, от этого и сны, от этого и его борьба с собственной совестью. Но тогда... тогда мне было жутковато. И в принципе, не до этого.

А в мыслях у меня царил полный хаос, который выстраивался в причудливые картины происходящего вне стен Волковского жилища. Там была битва, кровавая битва с неизвестным, который кромсал молодых девушек, заставляя город с замиранием сердца ждать новую жертву.

Волков нервничал. Нервничал, когда я, надув губки после легкого поцелуя на прощание, прыгала в машину к Митьке и катила в неизвестность за поисками улики, оставляя его заниматься самобичеванием. А оно происходило в тесном конфликте с прошлым. Он ревновал, но эта ревность была, скорее всего, не в плане мужского соперничества за самку, а за ее время. Потому как выходило, что Даниил дома меня ждал дольше, чем я находилась с ним. И опять я пускала это все на тормоза, не понимая, чем это может мне грозить. Адреналин зашкаливал в крови, когда я понимала, что подобралась совсем близко к преступнику. О каком обустройстве домашнего обихода может идти речь? Точно! НИ О КАКОМ!

Помню, в тот самый день лил дождь. Такой настоящий, осенний, с тяжелым свинцовым небом, с переключкой громовых возгласов. Мы с Митькой рванули в кафе, чтобы немного согреться чайком, да проанализировать нашу работу. В кафешке было почти безлюдно, хотя мокрые студенты заваливались в двери, дабы укрыться от непогоды под сводами здания. Среди этих людей я заметила серое существо, уткнувшееся в какую-то книгу своими толстыми линзами очков в старомодной круглой оправе. Неужели, чтобы быть библиотекарем нужно именно так выглядеть?

— Валя, привет! — решила я первая поздороваться, хотя всегда старательно избегала компанию заучек и прилипал, к числу которых относилась данная особа. Не знаю, захотелось мне что ли пообщаться с умным человеком. А может, это все моя жалость, когда руки так и чесались привести ее в салон красоты, и подобрать ей модную одежку. Но, Валентина была неприступна, как скала. Кажется, в ее внешности ее саму абсолютно все устраивало.

— Рима, — улыбнулась она с некой натяжкой, но предложила присоединиться к ней, отложив в сторону Булгакова. — Что-то тебя совсем не видно. Давно не заходила, — отозвалась она, совсем не обращая внимания на Митьку, который внимательно ее изучал.

— Были проблемы со здоровьем, — пожалала я плечами.

— Ах, да, кажется, Даниил упоминал, — вздохнула она. — Я так занята была, что не передала этому значение.

— Даниил? — уточнила я. Где-то что-то ревностно кольнуло. Отзывается она о нем, как об очень хорошем знакомом, как я понимаю.

— Ну, да! Он не говорил разве, что я троюродная сестра его жены?

— Покойной, — поправила я.

— Ну, кому покойной, для кого она все еще жива, — улыбнулась она виновато-снисходительно. М-да, в тихом омуте... С этой стороны за все наши пару встреч я Валентину еще не видела. Откуда такая агрессия? Я, видимо, чем-то провинилась. Ну, да, ладно!

— Правда? А я ее в доме вот уже четвертый день не наблюдаю, — пожалала я плечиками, включая стервозную сучку.

— Ты бываешь в их доме?

— Я там живу, — пояснила я.

— Поздравляю, — процедила Валя, поправляя свои очки.

— Девочки, вы не погрызите друг друга, — подал голос Митяй, на что был удостоен лишь убийственного взглядом.

— Мне пора, к сожалению! Как-нибудь заеду на чай, — попрощалась Валя.

— Странная женщина, — сделал вывод Митька, когда мы остались одни.

— Могу с тобой согласиться, потому что до этого она мне казалась абсолютно нормальной.

— Где-то я ее уже видел, — хмыкнул он. — По чайку? Или покушаем?

— Тебе бы лишь бы пожрать.

Мы еще раз проехали по свидетелям, которые объявились совсем недавно. При этом, работали все службы полиции города, независимо от рода деятельности. В мэрии даже хотели объявить комендантский час, но эти меры были отменены, так как наш народ ничем не прошибешь. И было такое ощущение, будто категория лиц молодых девиц сама искала встречи с убийцей шляясь по ночным паркам и улицам. Никакого инстинкта самосохранения.

А вечером был ужин под прекрасное вино, которое пила только я. Зная о проблемах с алкоголем, которые были у Волкова в прошлом, я и не удивлялась его трезвому образу жизни. Женька отправилась спать, а мы быстро улизнули в мастерскую. Я наблюдала, как Волков с любовью обрабатывает каждую щепочку, создавая невероятные шедевры. Он все еще был колюч, немного бурчал, но мне это даже импонировало.

Мужик ревновал, а это уже большой плюс. И если кто скажет, что ревность не должна быть в отношениях, что ревнуют только слабые и неуверенные в себе, то я назову это полнейшим бредом. Для меня ревность, это показатель того, что человек тобой дорожит и боится потерять.

И тут... Тадам! Перед глазами встает картинка одного фото, которое видела совсем недавно.

— Волков! — адреналин снова закипает в крови, бьет по мозгам, и я понимаю, что он сейчас снова будет злиться.

— Так! Мне этот твой бешенный взгляд совсем не нравится, — поднял он на меня глаза, оторвавшись от работы.

— Дань, а ты не думал, что твою жену могли убить? — интересуюсь я. Процесс, происходящий в мозге я не могу остановить, поэтому быстро-быстро моргаю, увидев его окаменевшее лицо.

— Нет. Она совершила суицид.

— А ты уверен? — уточняю я зачем-то.

— Рим, что за херня? Что на тебя нашло? — взрывается он криком. Дура, вот идиотка конченная. Мы же говорили о том, что не будем возвращаться к этой теме и тут дернул меня черт за язык. Ну, оставила бы свои догадки при себе. Но мне же нужно потрепать языком, чтобы меня сначала возненавидели, а потом просить прощение.

Нет, прощения сегодня я просить не буду. Я просто крепко-крепко поцеловала Волкова, пока он продолжал дуться, схватила ключи от машины, и со словами «Я скоро» улетела на поиски приключений на мягкую точку, которая и так уже больше недели находилась в относительном покое.

— Ты куда собралась? — нахмурился он.

— Все потом, милый, все потом! Я вернусь, обещаю, и больше никогда-никогда не буду лезть в приключения. Люблю тебя!

— Это то же самое, что я бы пообещал застрелиться, — хмыкнул он. Не держал, это уже хорошо. — Ты ненормальная, Пиманова!

— Знаю, и — поцелуй — За это ты меня и любишь! — и все, я уже выезжаю за ворота и набираю Митьку, который в это время, видимо, дрыхнет, потому что трубку не берет. Черт! Куда я опять лезу? Мне бы сейчас в теплую кровать со своим мужиком, а я мчу в неизвестность. Стоя на светофоре, фотографирую с телефона ту самую фотографию, о которой я думала ранее и отправляю ее Митьке с текстом «Вот кого она тебе напоминала».

Окна квартиры, где живет Валя уже темные. Я вглядываюсь в их пустоту и гадаю, чем она сейчас занята. Да, на фото именно она, но под именем Веры Крапивиной. Это был бред, конечно, при чем, абсолютный, принимать родственницу Волкова за давно убитую девушку, но я всматривалась снова и снова в черты ее лица и понимала, что я не могу ошибаться. Рука произвольно потянулась к пачке сигарет, потому что мне нужно было подумать, а с дымом думалось легче. Открыла окно, подкурила, наблюдая с превеликим удовольствием, как в темноте тлеет табак. После второй затяжки, меня начала накрывать паника и ощущение, что я здесь не одна. Да, так и было! В один миг стекло треснуло и осколки посыпались на меня. Я произвольно оградила себя от них руками, но поздно... Следующий удар пришелся на мою голову. Больно! Теряя сознание, я чувствовала, как горячая струйка крови стекает по моему лбу, а дальше просто наступила пустота.

Вот так всегда, попадешь в какую-нибудь задницу, а потом очухаешься не знамо где. Да, это печально и прискорбно, но иногда приходится возвращаться в мир, где ты всё ещё кому-то нужна, а кому-то стала поперек горла ребром. Вот как раз этот второй вариант стоял передо мной в большой мужской куртке, засунув руки в карманы и наблюдал, как я прихожу в себя.

Естественно, голова трещала. А разве можно ожидать другого эффекта от удара? И руки были прикованы к чему-то. К чему, я и сама пока не разобрала потому, что в помещении было темно. Конечно, не «глаз выколи», но когда зрение твое только-только начинает адаптироваться к мраку, разглядеть что либо тяжело. Силуэт я хорошо могла видеть, и как это ни прискорбно звучит, я не ошиблась. Это была Валя. Узнала я ее по старомодной юбке и очкам, на линзы которых падал свет с улицы и они немного поблёскивали в этом освещении.

— Я так понимаю, договариваться с тобой бесполезно, — констатирую я факт.

— Умная девочка, — улыбается она. Страх холодком пробегает вдоль позвоночника. Что можно ожидать от такого человека? Да, верно! Всего! Скорее всего, отсюда я уже живой не выйду, но надежда тлеет сигаретным окурком, что Митька увидел мое сообщение и меня уже ищут. Главное, выиграть время! А как? Пиманова, ты же журналист! Интервью что ли брать разучилась у людей с прибабахом?

— Почему теперь я? — уточняю я осторожно, оставив в своем голосе только нервную дрожь. Ей ведь понравилось, что я ее боюсь. Хотя это и было так, но мы, сильные девочки, учимся не показывать все некрасивые эмоции.

— А ты не догадываешься? Поторопилась я тебя назвать умницей.

— Из-за Волкова?

— Ну, это не самая главная причина, Римочка, — хмыкает Валя. — Ты сука, а Землю от таких нужно очищать.

Обидеться? Нет, я не в том положении. Эх, Митяй, меня убивают, а ты спишь.

— Значит, этих девочек тоже ты убила? — ещё один вопрос, ответ на который я уже знала.

— Девочек?! — выкрикивает Валя, меняясь в лице. — А ты знаешь, кем они были, пока папы и мамы считали их святошами? Я должна очистить город от таких.

Божечки, я попала в руки к психопатке. Таких лечить надо, а не сажать. Человек возомнил себя санитаром города. Большого бреда я просто не слышала никогда.

— Я согласна, я тоже подхожу под эту категорию, — от подхалимства ещё никто не умирал, и я не хотела быть первой. Хотя, хрен ее знает, что там в ее башке твориться. На нее простые человеческие законы не действуют. Ведь она сама навела нас на себя. Чувство вины? Жажда избавления? Все же было что-то такое, чем она хотела поделиться, но пока не решалась. Тяни время, Рима, тяни время.

— Подходишь, Пиманова! Но ты мне нравишься, поэтому ты сама себе придумалась способ смерти. Разрешаю!

— Желательно от старости, Валь, — заключила я, взяв на себя огромную ответственность за свою жизнь.

— Хм, а ты не глупая! Так не хочется тебе отказывать, — вздохнула она притворно, — го, наверное, придется.

С ними я долго не разговаривала.

— Валь, а почему ты дала мне наводку на прошлую серию? — этот вопрос меня терзал. Все равно умирать, так почему бы не утолить свое любопытство?

— Не знаю! Наверное, хотела проверить твой профессионализм.

— То есть, в любом случае, конец для меня ты уже предвидела?

— Не совсем! Приближение твоей кончины началось с того момента, как ты позарилась на того, кого я долгие годы лелеяла и берегла для себя. И Наташа эта тоже хотела его, за что и поплатилась. Ты бы знала с каким удовольствием я втыкала в нее ее же собственную пилочку. Как она исходила кровью... И ты в тот вечер должна была умереть, но Даниил все испортил. А я не могла допустить, чтобы ты умерла на его руках, чтобы он снова погряз в терзаниях совести на восемь лет. С Маринкой я, конечно, оплошала. Но она мешала. Она не давала ему нормально жить. Я ждала полгода, и смотрела, как она его мучает. И ведь никто даже не догадался, что это я помогла ей. Зря!

— Он говорил, что Марина твоя сестра.

— Не разочаровывай меня своей наивностью. Ты ведь прекрасно знаешь, как меня зовут на самом деле. Когда я уехала из своего городка, отомстив всем обидчикам, я вспомнила, что Валька мне говорила о своих родственниках. А так как мы были похожи, и Марина не видела ее долгое время, то и я могла сойти за нее. Вот и вжилась в роль.

— Ты сказала «Обидчикам»? — уточнила я, понимая, что и психопатке иногда необходимо выговориться.

— Да, Рима, ты не ослышалась. Я мстила! Я мстила за то, что они со мной сделали. Об этом никто не знал поэтому не знаешь и ты. Не порядок. Я думала, что это ты сможешь выяснить. Коржин ведь знает всю правду.

— Уже нет, Вера. Тебя же Вера зовут?

— Тебе виднее. Так почему он уже не знает?

— Потому что буквально две недели назад Коржин умер от туберкулёза. Мне мой коллега сказал, что он очень долго мучился.

— Это за все грехи его. Я ведь любила его, Рима, безумно. Иногда аж больно было от этого чувства. А он меня предал. Он отдал меня на растерзание своему дружку, проспорил. К дружку подключился брат, а мои подруги, которые должны были меня защищать, стояли и смотрели. Меня насильовали почти двое суток. Ведь мы после выпускного небольшой компанией поехали отдыхать, поэтому меня никто и не хватил. Меня били, издевались. А

потом бросили умирать в лесу, думая, что я не выберусь. Родным сказали, что я уехала с каким-то мужиком, сбежала из дома. А я решила и не ломать им легенду. Я просто их всех перебила. Виленцию, которую мы называли Валькой я оставила на последок. Облила ее кислотой, заживо. А потом обставила все так, будто это я. Отвезла в лес, а сама уехала. Боронько оба покоятся в озере без своих мужских причендалов, которые я им отрезала живьем. Не смогла только Коржина убить. Не поднялась рука. Несмотря на тот кошмар, который я пережила, я его любила. Поэтому и подкинула все улики ему. Они меня предали, все те, кто звался моими друзьями и подругами. Они завидывали моей популярности, завидовали моей красоте. Эти четверо, от которых я очистила наш город, были такие же. И знаешь что, я не жалею. Блин, мне на работу пора! А ты сиди здесь, куколка, не смей сбежать. Хотя даже при большом желании, тебя все равно не найдут! Так что в твоих интересах, чтобы я вернулась. Быстрая смерть она все равно лучше, чем мучения от голода и того, что ты подохнешь в собственном дерьме.

И она ушла, оставив меня в этом темном сыром помещении дожидаться своей участи. Это все было бы хорошо, если бы не было так печально. А делать что-то нужно было. Например, выбираться отсюда. В первую очередь освободить себя от наручников. А как? Помнится, я брала интервью у известного фокусника, и он делился в личной беседе, которая проходила на следующий вечер в ресторане за ужином, секретом освобождения рук от наручников. Я ещё спросила, зачем мне это. Ответ был оригинальный: «С твоей профессией тебе это надо». Как в воду глядел, козел. И это все было года три назад. Ещё бы вспомнить его мастер-класс.

Так... Во-первых, нужно что-то, чтобы сделать ключ. Как назло шпилек у меня в голове не было, с короткой стрижкой они не нужны. Блин, блин... А, нет! Чёрт! Так привычнее. Вроде наручники без заморочек, поэтому нужно лишь подцепить механизм и отпустить пластину с зубцами. Голова уже начала соображать, как мне поступить и что придумать, пока не вспомнила, что сегодня заплетала утром Женьку, и в кармане кардигана должна остаться парочка невидимок. Это мысль здорово грела. Неудобно было только то, что руки были скованы, и при этом цепочка наручников находилась за трубой. Дотянуться до кармана было сродни мучке. Даже моя фитнес — растяжка мало чем помогала. А тем более, я не могла вспомнить в каком именно кармане их оставила. И пока я обнаружила одну заколку, с меня сошло семь потов и ощущение было такое, словно я совершила трехчасовую пробежку. Мышцы от неудобного положения начинали ныть. Тяжелее оказалось проделать с невидимкой нехитрые маневры. Например, удержать ее в руках. Она всё время норовила упасть, и один раз ей это удалось, когда я ее уже загнула в виде клюшки, сделать таким образом импровизированный ключ, и пыталась найти для него скважину.

Помещение очень слабо освещалось двумя мелкими окошками, находящимся под самым потолком. И было ясно, что это скорее всего, подвал какого-то старого здания. Я долго-долго шалила по полу, благо батарея позволяла пальцами прощупывать пол в нескольких сантиметрах. Повезло, что она не отпружинила куда-нибудь подальше. Потому следующий раз попытку вскрыть наручники, я использовала аккуратно, не торопясь. И вуа-ля! Через несколько движений моя невидимка подцепила тормоз внутри, и он щелкнул. Затем я быстро справилась со вторым браслетом и раздосадовано потеряла затекшие запястья. Так, выбраться через окошко отсюда не получится. Подставить-то можно было что-то, чтобы добраться туда, но с моей комплекцией я в него не влезу. Если только на помощь позвать.

Сердце бешено колотилось потому, что хотелось закончить это все побыстрее. Я ужасно устала и была голодной. Сейчас бы кофе с булочкой, несмотря на то, что Алиска со своим итальянским гонором запрещала пить его с чем-либо. Наплевать! Кофе, свежая булочка с маслом, которое тает на ее теплом боку и, конечно, постелька, мягкая и теплая. Ведь я только сейчас начала осознавать, что здорово замёрзла. Теперь бы найти в этом полумраке что-нибудь для защиты себя от Вали — Веры. В дальнем темном углу помещения грудой были навалены старые кресла концертного зала. И только по ним я поняла, что скорее всего, нахожусь в доме культуры. А это означало то что, либо в обеденный перерыв, либо вечером после работы эта ненормальная меня навестит. И не думаю, что после ее визита я останусь живой. Надежду мне дал стол, заваленный стягами и транспорантами, с давно потрескавшимся и облупившимся лаком на крышке. Я вспомнила, что такие имелись ещё в советское и постсоветское время и у бабушки, и у нас дома. А там очень тяжёлые ножки, которые можно открутить, если только резьба не ржавая в этой сырости.

Для этого мне пришлось лезть под него и рукой нащупать винтик. Я по несколько раз попробовала открутить каждую из четырех ножек, но они были слишком плотно затянуты, а может металл действительно поддался коррозии. Вконец, после долгих и упорных попыток мне удалось сдвинуть ножку с места. Импровизированная бита готова. М-да, свобода легко не дается, без сноровки не обойтись. Теперь осталось дожидаться главного злодея. Как в кино, ей Богу!

А вот злодей-то не спешил! Времени уж прошло достаточно, как я села около двери в ее ожидании. Меня даже пару раз «рубануло» сном. Чтобы окончательно не потерять бдительность и разогреть коченеющие мышцы, пришлось совершить небольшую пробежку. И, видимо, кто-то свыше решил вознаградить мои усилия. За дверь послышались шаги и после нескольких поворотов ключа в замочной скважине, она отворилась. Я не стала долго церемониться и огрела вошедшего по голове, а когда тело осело на бетонный пол, я захлопнула дверь и метнулась в

верх по лестнице в спасительное тепло.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ "НОВАЯ ЖИЗНЬ"

Коридоры петляли словно в лабиринте. М-да, строили раньше на века и при чем в таких вот зданиях было очень легко заблудиться. Помыкавшись между закрытыми дверьми, я обнаружила еще одну лестницу, которая вела в закулисы концертного зала. Никого в здании не было, так как, видимо, все разошлись на обед. Пересекла проход между рядами кресел и двинулась в холл. Тут-то я уже была парочку раз. Естественно, входная дверь оказалась запертой. Поэтому, схватив стул, который стоял неподалеку, я ударила по стеклу. Которое разбилось на мелкие осколки. Тут же сразу сработала сигнализация, но и реакцию на нее со стороны охранной фирмы или правоохранительных органов я ждать не стала. За мною уже слышались спешащие шаги. Видимо, не слишком сильно я ее огрела. И в голове сразу пунтик для помечивания галочкой «Нужно усилить физ нагрузки на руки». Забыла я даже про то, что рана моя все еще болела. Даже в постели Даниил старался быть очень аккуратным. А я тут строю из себя спринтера. И второй удар по стеклопакету, который как надоедливый прыщ вылез в виде тамбура на старом здании. Приложила я максимум силы для того, чтобы и он лопнул. Три, четыре удара... Наконец, поверхность идет трещинами и тут меня сзади хватает сильная рука за волосы. А на улице уже слышен вой сирены. Я пытаюсь вывернуться из ее хватки, бью ее ногой в живот, когда у здания резко сбрасывая скорость, тормозит машина Митяя. За ним, на такой же скорости, влетает патрулька, оглашая округу своим воем. Митька выносит ногой остатки стекла и оттаскивает Веру от меня, выбивая из ее руки нож, который я до этого не заметила. Весь гнев ее сбивается в один яростный крик и попытку вырваться из Митькиных цепких лап. Затем на улице в качестве еще одного действующего лица появляется третий автомобиль, откуда вылетает Даниил. И уже видя его, я с большим облегчением понимаю, что ВСЕ! Все закончено!

Только по прибытию кареты скорой помощи, нервы начинают сдавать. От первоначального шока я начала отходить, поэтому все раны на теле начали ныть. А еще, как оказалось, Валя-Вера успела меня садануть хорошенько по спине, где остался синяк, который увидели врачи при осмотре. А потом на моем теле была обнаружена еще одна существенная деталь — след от укола, при чем не одного.

Как выяснилось, искали меня мои товарища вот уже двое суток. От этого даже жутко становилось. Но я помнила лишь последние несколько часов, так как все остальное время находилась под действием какого-то наркотика, или снотворного. Черт его знает. В подробности в тот момент вдаваться не хотелось, а название этого препарата стерлось из головы, как ненужная информация.

А знаете, что делал Митяй со своими коллегами? Следили! Нет, вы можете себе такое представить? Я ему прислала доказательства, конечно, косвенные. Но спасти меня никто не собирался, решив, что возможно я уже не жива. Поэтому за этой психопаткой просто следили. Гребанные детективы!

И на них я злилась, и на себя тоже. Сама ведь влезла в эту историю.

А потом меня долго-долго допрашивали, просили что-то подписать, когда просто хотелось есть и спать. Эмоции все смешались, поэтому я не знала, что чувствую в тот момент. Но точно знала, что никого видеть не хочу. А само прекрасное было то, что мораль мне никто не читал, ни сестра, ни мама, ни Даниил.

Местная пресса с особым остервенением освещала данную тему, придумывая все новые и новые факты из жизни Вали-Веры, создавая ей все больше угрожающую репутацию. Конечно, все материалы дела не разглашались. А мне ее, если честно, было жалко. Она была несчастным человеком, которого предали близкие, которому сломали психику, судьбу и жизнь. Она ведь не сама стала такой. А что бы я сделала, оказавшись на ее месте? Если честно, даже думать об этом было жутко.

Вот только терзаясь мыслями об одном человеке, я совсем не замечала, что теряю другого.

Для Даниила это тоже стало большим потрясением. Во-первых, Женька иногда оставалась с Валей наедине, во-вторых, женщина, которую он считал предательницей, которая все это время терзала его изнутри, оказалась жертвой. Это перевернуло его сознание. Ему нужно было это все переварить, настроить себя на новую жизнь, да и вообще решить, нужна ли ему эта вот самая новая. И в этот момент я должна была находиться рядом. Но я побоялась быть отвергнутой. Клятву «в горе, и в радости» мы друг другу не давали, поэтому я просто собрала вещи и вернулась в Москву, оставив их с Женькой налаживать свою жизнь, но уже без меня.

Несмотря на то, что больничный у меня продлен был еще на две недели, я решила немного отвлечься и вернуться на работу, где меня встречали настоящим героем, по слухам этой истории. А я совсем расклеилась. Не знаю, что случилось. То ли это все навалившаяся не вовремя осенняя хандра, переходящая медленно в депрессию, то ли боль, от которой хотелось рвать и метать, что я, собственно, делала по вечерам дома. Я скучала по Женьке, по Дане, по нашим тихим почти семейным вечерам, по тому времени, когда я просто могла наблюдать за тем, как Даниил трудится над куском дерева...

Думаете, сильные девочки не плачут? Читала где-то в соцсетях о том, что они сползают по стене в беззвучных рыданиях... Бред! Сильные девочки просто заливают свое горюшко хорошим пойлом и танцуют полуголые в полном одиночестве, превращая свои проблемы в агрессию.

Я единственный раз позволила себе порыдаться, когда приехала мама. Арина все еще с настороженным хладнокровием относилась к переменам, что произошли в ней, когда я начинала привыкать к ее вниманию. Мне нравилось, что, наконец, у меня появилась мама. И я плакала... плакала, положив голову на ее колени, позволяя себя убаюкивать, как маленького ребенка.

Она ушла. Утром Даниил обнаружил пустой шкаф и пустые полки ванной комнаты, где остались его бритвенные принадлежности и Женькины пузырьки с пеной и шампунем. Что-то надломилось внутри, обдало обидой словно кипятком. Оставив распоряжения Свете, Даниил решил отправиться на поиски беглянки. Он не знал еще для чего, и что он хотел выяснить, но эта ситуация задела за живое. Ярость обуревала внутри, сиюсь превратиться в ураган, и если он обрушит его на Риму, ей точно будет не очень хорошо. «Бросила!», «Сбежала» — слова пульсировали в мозгу, причиняя не то боль, не то облегчение.

Облегчение...

Это осознание заставило его резко вырваться и направить автомобиль совсем в другую сторону. Нет, не сейчас. За Римой он не поедет. Ярость сменялась каким-то непонятным чувством, что все идет правильно. Необходимо изначально разобраться в себе.

Притормозил у причала, который в это время года начинал пустеть. Одинокие лодки и небольшие катера уныло покачивались на волнах, создавая ощущение полной раздавленности.

Он ведь верил на протяжении долгих восьми лет, что Марина его предала и поддалась на провокацию своей болезни. А теперь оказывается, что она жертва, и что он все это время заставлял себя подавлять все то светлое, что хранилось в его памяти о ней. Он ведь себя и разлюбил ее заставил.

В бардачке он обнаружил пачку сигарет, которая осталась от Рима. Сейчас никотин организму просто был необходим.

Рима что-то почувствовала, она не могла просто так уйти. Да и какая уже разница? Свой шанс они уже просрали.

Уже к вечеру, немного успокоившись, позвонил Арине:

— Да, она уехала сегодня. Не знаю, что между вами произошло, но такой я ее давно не видела.

— Я все испортил, — честно признался Даниил.

— Бывает. Вы там разберитесь.

— У меня даже номера ее нового нет.

— У меня, если честно, тоже. Телефон она после своего похищения так и не купила. Могу дать адрес, но пока не советую ехать, а то пришибет ненароком. Пусть успокоится немного

Совету старшей Римкиной сестры Волков внемлил, и решил эту ситуацию поставить на тормоз. А пока можно заняться самобичеванием, например, облегчить задачу сигаретами.

Сколько времени прошло? Уже месяц как. Долгий и мучительный месяц, который выбил меня из привычных колеи и образа жизни. На работе я была все той же самой жесткой и беспринципной акулой пера, но дома заедала депрессию плюшками, и всякими другими сладостями, включающими опасную дозу шоколада. За это время Волков пытался со мной связаться, дозвонившись на домашний номер, но был послан на три советские, отчего обиделся, и больше не звонил. Тоже мне мужик пошел, никакого упорства. Конечно, я бы тоже обиделась, но я же девочка!

Зато эта нехорошая хандра способствовала творческому подъему. Возьмём, например, мой ноутбук, на дисплее которого виднелись черным по белому целых полторы главы моего нового романа. А чем я хуже всех новоявленных писак? Редактор есть. Несмотря на мой вредный характер, гадкий нрав, и любовь к шантажам, Андрей свёл меня с одним интересным человеком, которого заинтересовала история, которую я ему поведала. И с прототипом главной героини я даже попыталась встретиться.

К Валюше, которая в это время лежала на освидетельствовании в психушке меня пустили не сразу. Пришлось побегать по нескольким инстанциям, и выкупить это право. И пока она ещё не была признана психически-больной, мне необходимо было с ней договориться, и заключить договор на авторские права.

— Про меня книга? — удивилась она.

— Ты станешь прототипом главной героини.

— Гадости будешь писать?

— Обещаю, что не буду. И имена реальные упоминать тоже не буду.

— Думаю, это будет лучшей компенсацией за то, что я натворила, — вздохнула она, а я в который раз поняла, что не перестаю ее жалеть.

Мой адвокат подготовил бумаги, и только после того, как они были подписаны, я начала писать. Выходило все достаточно мрачненько, под стать моему настроению. Зато с работы уволилась, перейдя в ряд внештатных журналистов, которые получают не хуже, ведя свой микроблог на сайте газеты. А ещё волосы с каре сменила стильной короткой стрижкой. Говорят, когда женщина меняет причёску, она меняет что-то в своей жизни. А перемены уже начались и без новой причёски.

И все так серенькой, ванильненько, и тут ещё один телефонный звонок. Сотовый я приобрела накануне, поэтому номер мой был известен только трем определенным личностям, и те были занесены в телефонную книгу.

— Алло, Рима, привет! — детский голос на том конце заставил меня врасплох. — Это Женя.

Я невольно забыла даже как дышать, мне было безумно перед ней стыдно.

— Привет, Женечка!

Я просила Арину, чтобы она дала ей мой номер. Мне хотелось общаться с девочкой, хотелось когда-нибудь загладить свою вину за побег.

— Рима, мне нужна помощь. Понимаешь, у папы снова срыв, а мне уже больше недели приходится жить у Светы. Приезжай, пожалуйста!

Сердце сжалось от жалости к этой маленькой девочке, которой приходится страдать из-за дурости взрослых.

— Господи, Женёк, — выдохнула я тяжело, соображая на ходу, что делать. — Я первым же поездом выезжаю.

А потом на вокзал за билетом и несколько часов томительного ожидания этого гребанного поезда, который опаздывал на целых десять минут. Я сейчас готова была растерзать его на мелкие кусочки, или вцепиться в горло и загрызть. И это я, конечно, о Волкове. Он заливает свое горе, когда ребенку приходится скитаться вне дома. Что за мужики пошли? Размазня, да и только. Закодировать! Да, точно! Хотя не пил же он до этого Бог знает сколько...

В голове прокручивались тысяча и один сюжет его казни. Бедная Женька, бедный ребёнок. Я по ней скучала, и порывалась несколько раз вернуться только из-за нее. Совесть не позволила. «Привет, девочка, я сбежала недавно, но теперь хочу наладить отношения». Бред полнейший, как и сама ситуация. Но сейчас я просто не могла не отреагировать. Под монотонный стук колес уснуть так и не удалось, поэтому размышляла, как жить дальше.

Но больше всего мне хотелось, чтобы поезд ехал быстрее. Но этот маршрут был длиннее, поэтому и подъезжала я к дому Волкова промозглым октябрьским утром. Вылезла из такси, выматерилась, закурила. Видеть его без никотина мне никак нельзя. И эта темнота в окнах как-то уж очень давила. Калитку открыла своим ключом, который в попыхах бегства забыла вытащить из общей связки. И сразу же услышала шум из мастерской, а это означало, что можно в дом и не входить. М-да, картина предстала жутковатая, когда я потихонечку пробралась к самой двери... Волков крушил свою святыню. Это ж до каких чёртиков нужно допить, чтобы сделать такое?

Когда на пол обрушился очередной предмет, выпущенный из по его рук, я не стала терпеть. Этот гавнюк заставил меня плакать. Ни одному мужику до этого момента не удавалось это сделать. Я даже на похоронах отца не плакала. Моя гордость была уязвлена и раздавлена.

— Опа! Я что, допился? — вид вроде не «в стельку», да и вообще я ожидала увидеть пропитого мужика с немой головой, мешками под глазами, и неряшливым видом. А этот вроде выглядит достаточно прилично для человека, который квасит две недели. Гребанного Волков, он даже в таком состоянии не потерял своего мужского шарма. Ну и понесло меня трёхэтажным, переходящим с оскаливания на крик и даже сумкой огрела парочку раз для профилактики.

— Не, не белочка! Это уже хорошо! А что с твоей головой, девочка?

— Это с твоей что, Волков? Ты вообще границ не видишь, тряпка?

— Полегче с выражениями, дорогая! Позволь спросить, ты что здесь забыла? — он садиться на высокий стул и берет в руки бутылку с довольно дорогим виски. Но глотка я ему так и не даю сделать, выбивая бутылку из пальцев, которая расплзается темным пятном на бетонном полу, издавая приятный запах.

— Вот, испортила такую вкуснятинку.

— Волков я в душном поезде провела дохренища часов рядом с бабкой, которая даже во сне разговаривала, не думай, что я приехала с хорошим настроением и мне сейчас до шуток твоих дурацких, — взорвалась я снова.

— Ну, так а нах... я ты приехала? Ты же так хорошо умеешь уезжать тихо и молча? — вот, хороший скандал, это то что мне сейчас нужно для того, чтобы выплеснуть накопившийся негатив.

— А ты так хорошо можешь страдать по умершей жене. И что ты предлагаешь, чтобы я сидела и ждала, когда ты вспомнишь, что в твоём доме живёт реальная женщина, состоящая из плоти и крови, у которой тоже есть чувства, гордость? Нет, не смотри так на меня, я без претензий, хочешь заливать свое горе, пожалуйста. Но я в этом участвовать не собираюсь. И да, если ты не прекратишь мучить ребенка, я обращусь в комиссию по делам несовершеннолетних, и у тебя ее заберут.

— Так это она тебя вызвала?

— Просто, Волков, ты эгоист, который думает только о себе. Мне плохо, ах, Мариночку убили, ой, и Римочка ушла. Что же мне делать? Блин, дай-ка я побухаю! Но чувак, у тебя же есть дочь. Да, ну! Переживет как-нибудь, пусть у Светы поживет. А то ж у моей домработницы других забот нет, как заботиться о моем ребенке, когда я гандон штопаный побуду обиженным на весь свет мальчиком, — театрально передразнила я всю ситуацию, и заключила. — Ты не мужик, ты тряпка, Волков! Я разочарованна!

Я не знаю насколько подействовали мои слова, сколько ему ещё пришлось выпить. Я просто пошла спать, нет, не к Аринке. Я пошла спать в дом, в комнату, которую мы вместе делили месяц назад. И мне было наплевать на его

мнение. Осада крепости началась. Позвонила Свете, зная, что она очень рано встаёт.

— Привези Женьку домой, пожалуйста, — попросила после светских приветствий.

— А как же Даниил Игоревич?

— Надеюсь, станет стыдно показываться в таком виде перед дочерью. Привези, Свет, ребенку лучше жить дома.

Тактичность женщины меня удивляла. Она должна была, и наверное, меня упрекнуть, что я сбежала и ей пришлось присматривать за Женькой, но она лишь согласилась и попрощалась. Может, она меня и недолюбливала, но это сейчас не важно.

Приходил в себя Даниил несколько дней. Такое количество алкоголя не могло не сказаться на организме, поэтому «отходняк» был страшен своей непредсказуемостью. Это все мне было нужно в последнюю очередь, но держалась я стойко, выхаживая его, как новорожденного.

И стыдно ему было явно, потому что встречи с дочерью старался избегать, а на мою тираду о его умственных способностях реагировал слабо.

— Прости, я знаю, что я полный придурок.

— Ух, ты! Какая самокритика! Но отрицать не стану.

— Так ты прощаешь?

— Мы оба накосячили, Волков. Прощение нужно просить перед Женькой, что втянули ее в этот фарс.

— Мне, кажется, ей будет достаточно обещания, что ты останешься.

— Останусь, если ее папаша разобрался в себе.

— Главное уже это сделал.

— А бухать тогда чего начал?

— Стресс! Я понял, что Марина это прошлое, а ты меня послала. Решил успокоиться.

— Ну и как, удалось? — усмехнулась я.

— Не напоминай, — скривился Волков. — Женька сказала, что вы в больницу ездили.

— Да! Я на аборт записывалась, — пожалала я плечами.

— Чего? — вот это эмоция пошла! Я думала его разорвет от злости. — Ты дура что ли?

Наверное, за ругательства в этой семье отвечать буду я, потому что кроме слов «дура» и «идiotка» я от него больше ничего не услышала, зато почувствовала на себе, весь гнев мужика.

— Расслабься, Волков, на прием просто записалась. Анализы сдам пока.

— Так ты что? — он указал на мой живот.

— Пока не знаю. Есть подозрения. Обедать будем?

— И ты мне сейчас это всё так запросто говоришь?!

— Ну, а что ты хотел? Шары? Фейерверки? Салюты? Ты ж меня к такому хладнокровию приучил. Все разговоры-разговорами, а я есть хочу.

И так, начинался новый этап моей жизни. Не зря же я сменила причёску. Женька искренне радовалась, что я вернулась и боялась отпустить меня от себя. А когда я собиралась в Москву, чтобы перевезти некоторые вещи, ребёнок запаниковал, что я снова пропаду, поэтому пришлось взять ее с собой, и позволить прогулять парочку учебных дней. Да, матерью быть сложно, но чертовски приятно. Особенно, когда тебя гордо представляют в этой роли родителям в классе, когда ребёнок твой также гордо идёт с тобой за руку по улице. Свое обещание, сходить на школьный праздник, я выполнила. Конечно, чувствовала себя немного некомфортно из-за ощущения, что ворую у Марины семью.

В день годовщины его смерти, я вместе с Даниилом отправилась на кладбище. Искренне попросила прощения и поставила свечку в церкви неподалеку. И слова Волкова тихие на прощание ей, отбили все последние сомнения о его намерениях.

— Я тебя любил, но сейчас я хочу и буду жить с женщиной, которую люблю.

А на следующие утро пришли анализы из клиники, которые вселили в меня надежду, что она нас простила. Я носила ребенка, мои догадки подтвердились

— Ну, что, родители? Будем воспитывать? — расплылась в довольной улыбке Женя.

— Будем, — вздохнула я, все ещё не очень вдупляя, что сейчас происходит. — Тут не до выбора. Мне кажется, я буду плохой мамой.

— Ты не права. Я же тебя выбрала для себя, так что и моему новому братишке или сестрёнке ты тоже придется по душе.

— Выбрала? — удивилась я, глядя на Волкова.

— А ты думаешь, почему папа к тебе изменил отношение? Потому что я каждый день расхваливал тебя. Это был такой хитроумный план. Задумка. Психологическое воздействие.

— А! Вот оно как оказывается. А я думал, это я ее выбрал, — расплылся в улыбке Даниил, сжимая мою руку.

Будущий папаша просто светился от счастья.

Ну, что ж, Рима Пиманова, прощай свободная жизнь, здравствуйте пеленки — распашонки, здравствуйте школьные спектакли и уроки, здравствуйте готовка, стирка. А кто сказал, что я не рада?

Больше книг на сайте - Knigoed.net